

84Р7 (2Р-4Кем)
С76

Сталинский Кузбасс

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

2

1949

Издательство „Кузбасс“
г. Кемерово

08/10
09/10
10/10
11/10
12/10
13/10
14/10
15/10
16/10
17/10
18/10
19/10
20/10
21/10
22/10
23/10
24/10
25/10
26/10
27/10
28/10
29/10
30/10
31/10
1/11
2/11
3/11
4/11
5/11
6/11
7/11
8/11
9/11
10/11
11/11
12/11
13/11
14/11
15/11
16/11
17/11
18/11
19/11
20/11
21/11
22/11
23/11
24/11
25/11
26/11
27/11
28/11
29/11
30/11
1/12
2/12
3/12
4/12
5/12
6/12
7/12
8/12
9/12
10/12
11/12
12/12
13/12
14/12
15/12
16/12
17/12
18/12
19/12
20/12
21/12
22/12
23/12
24/12
25/12
26/12
27/12
28/12
29/12
30/12
31/12

84 P.7/2P.4/Кем)
С 76

Сталинский КУЗБАСС

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

376091

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КУЗБАСС“
Кемерово—1949 г.

ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ГУК ОНБ им. В. Д. Фёдорова
Основной фонд
С 768214

Гурьевский завод (Воспоминания)

Впервые я услышал о Гурьевском заводе осенью 1915 года у М. К. Курако, который в то время был начальником доменного цеха Енакиевского завода. На квартире Михаила Константиновича мы, заводские работники, собирались почти каждый вечер и очень часто темой наших бесед был новый металлургический завод, который где-то и когда-то должен быть построен Михаилом Константиновичем, с непременным нашим участием. Этот завод должен быть лучше американского завода Гери.

Мы намечали районы для строительства новых заводов. И когда мы подошли к Западной Сибири с ее Кузбассом, то сам собой встал вопрос — надо ли сразу приступать к строительству большого завода или предварительно найти небольшую, но уже работающую производственную и ремонтную базу, чтобы получить, хотя и в малом количестве, металл, необходимые кадры и оборудование. Курако, ознакомившийся с этим вопросом, вероятно, заранее, рассказал нам, что в Западной Сибири имеется небольшой завод — Гурьевский. Он может пригодиться для обслуживания строительства и для опытных плавов доменного чугуна на местных материалах и топливе.

Эти разговоры происходили в разгар первой мировой войны. Текущее производство отнимало много времени, рабочих рук не хватало, транспорт работал из рук вон плохо. Война для России складывалась неудачно. О постройке новых заводов тогда не могло быть и речи. Государство в те времена и не думало о таких делах. В то же время представители иностранных банков с русскими названиями — «Русско-азиатский», «Россия» и другие — проводили разведку в разных местах нашего отечества, прощупывали экономику районов, прикидывали размер необходимых вложений в предприятия, и, самое главное, выяснялась возможность получения авансов от казны на постройку заводов. Русско-азиатский банк, организовавший в Западной Сибири общество «Копи-куз» и имевший намерением постройку металлургического завода в этом районе, не проглядел и Гурьевский завод, купив его в 1913 году у казны.

В 1916 году М. К. Курако ушел на Юзовский (ныне Сталинский) завод. Встречаться с ним приходилось реже. После Февральской революции я поехал в Юзовку. Поезда стояли, ехать пришлось на лошадях. Добравшись до Юзовки, я узнал, что Михаил Константинович получил приглашение руководить проектированием и строительством доменного цеха нового металлургического завода в Сибири. Первоначальная производительность завода намечалась в 10 миллионов пудов чугуна в год, при соответственном количестве стали и проката, главным образом, рельс. В будущем производство завода предполагалось увеличить до 20 миллионов пудов в год. Мы говорили об этом интересном приглашении, о происходящих переменах в политической жизни страны. И предполагали, что строительство завода, начатое при таких исключительно благоприятных обстоятельствах, пойдет быстрыми темпами. Очень хотелось принять участие в таком предприятии, поработать и поучиться. Выбор зависел от Курако. Роли были распределены, и я, к моему большому сожалению, должен был остаться на Юге и принять от Курако обязанности начальника доменного цеха, ибо этот пост должен был остаться за русским инженером, чего, в случае моего ухода, могло и не быть.

Перед отъездом Михаил Константинович обсуждал с нами всю сумму предстоящих работ. Гурьевский завод в его планах играл едва ли не главную роль. Наличие его давало возможность Михаилу Константиновичу проявить основную черту своего характера: он был строитель, использующий, в первую очередь, свои силы и средства и на них более всего надеющийся. При реконструкциях доменных печей мастерская доменного цеха, как бы она ни была мала, у него всегда занимала ведущую роль.

И вот Гурьевский завод, такой же далекий, как и раньше, стал мне более известен из писем, приходивших оттуда. Завод, оказывается, имел доменную печь, механический, литейный и огнеупорные цехи. Тогда же решено было создать на нем мартеновский и прокатные цехи, используя для этой цели какое-либо старое оборудование, снятое с бездействующих заводов Урала.

С конца 1917 года до 1921 г. от группы сибиряков не поступило даже отрывочных сведений. И вот в 1921 г. в Енакиеве приехал инженер Жестовский, работавший с Михаилом Константиновичем в Сибири и последнее время бывший с ним на Гурьевском заводе. Жестовский сообщил тяжелую весть: 8 февраля 1920 г. Михаил Константинович умер от сыпного тифа в Кузнецке, куда он приехал из Гурьевска. Жестовский рассказал, как протекала жизнь в Сибири в эти тяжелые годы. По его словам, Михаил Константинович стянул всех привезенных с Юга инженеров на Гурьевский завод, где продолжал проектирование будущего Кузнецкого завода и руководил работами на Гурьевском.

За время пребывания группы южных инженеров на Гурьевском заводе несмотря на неблагоприятные общие условия производственная мощность завода быстро росла. Была построе-

на 5-тонная мартеновская печь и установлен прокатный стан, взятый с Сосвинского завода (Урал). Большим достижением было освоение выплавки чугуна на сыром каменном угле пласта «Мощный». До этого каменный уголь никогда не применялся для доменной плавки в чистом виде, а лишь как примесь к древесному углю. Освоение плавки на одном каменном угле — дело рук Григория Ефимовича Казарновского, который был тогда директором завода.

В конце 1922 г. я получил от него письмо, в котором он, жалуюсь на плохую работу завода, просил прислать ему двух-трех опытных горновых. Енакиевский завод тогда стал на консервацию и просьбу мне легко было выполнить. В те времена (1920—23 гг.) хозяйственная жизнь, в особенности транспорт, не только в Сибири, но даже на Юге, были страшно разлажены, и маленькие заводы, подобные Гурьевскому, который снабжался своим сырьем и топливом и почти не зависел от внешнего транспорта, имели несомненное преимущество перед большими. Гурьевск тогда снабжал чугуном не только сибирский рынок; его чугун появлялся и в Москве. Поистине, мал золотник, да дорог!

Но времена меняются. Советская власть быстро восстановила разрушенное хозяйство Юга, там потребовались технические силы, и почти все инженеры, работавшие в Сибири, вернулись на Юг, или на Урал.

Григорий Ефимович Казарновский оказался на заводе имени Дзержинского, в Каменском. Его рассказы о Сибири, о Гурьевском заводе, о возможностях, которые открывались в этой части страны для строительства металлургии на новом уровне техники, существовавшем пока только в наших мечтах, занимали наши умы, и мы часто возвращались к мысли о создании завода в Сибири.

В то время, по заданию правительства, в Гипромезе разрабатывались проекты строительства новых заводов. По гениальной мысли Иосифа Виссарионовича Сталина было намечено строительство гигантского завода в далекой Кузнецкой тайге. Тельбесский (Кузнецкий) завод был первенцем первой сталинской пятилетки. В феврале 1929 г. я получил предложение Главметалла принять обязанности главного инженера Тельбесского завода. Это полностью соответствовало моим желаниям. Я немедленно согласился и, не теряя времени, ознакомившись с проектными материалами Гипромеза, уже в начале марта поехал в Томск, а оттуда на Гурьевский завод.

Поезда по кольчугинской ветке шли медленно. На следующий день, поздно вечером, мы приехали на ст. Белово. Несмотря на посланную телеграмму никто нас не встретил. Пришлось нанять лошадей. Ехать было тепло. Март в Сибири большей частью метельистый и теплый, но обманчивый: как правило, зима продолжается еще не менее двух месяцев и апрель холоднее марта.

Мы вглядывались вдаль, нам очень хотелось поскорее увидеть первый металлургический завод Кузбасса, но «гигант» был скрыт от наших взоров отрогами Салаирских гор.

Гурьевский завод был основан казною в 1815 г. для выплавки серебра. Название свое он получил от имени тогдашнего министра финансов Гурьева. Неподалеку от завода была найдена железная руда, и Горный Совет в 1818 г. вынес решение о постройке на заводе доменной печи и двух кричных горнов. Доменная печь выплавляла иногда до 40 тысяч пудов чугуна, а горны давали до 10 тысяч пудов железа в год. В 1844 г. выплавка серебра была совершенно прекращена, и завод стал целиком заводом черной металлургии. В 1863 г. оборудование его состояло из домны, двух вагранок восьми кричных горнов, двух рудообжигательных печей. Источником энергии кроме двух паровых машин по 30 л. с. служила вода Гурьевского пруда, дававшая 210 л. с. Техническое оснащение завода менялось. Кричные горны были заменены пудлинговыми печами, паровые машины пришли на смену водяным колесам. В 1905 г. завод дал почти 2.000 тонн чугуна и 1.000 тонн готового продукта. Завод за время своего существования переменил немало хозяев: сначала Кабинет, затем Общество Восточно-Сибирских чугуноплавильных и железоделательных заводов, затем опять Кабинет, потом, в 1913 г., акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей, Кузбассуголь. Последняя передача была осуществлена в 1929 году: от Сибугля завод перешел к Тельбессбюро, будущему Кузнецкстрою.

Наш приезд совпадал с этой последней сменой хозяев завода. Его владельцами становились мы — представители Кузнецкстроя.

Приемо-сдаточная комиссия встретила нас шумно и приветливо. Интересы Кузнецкстроя были представлены в ней бывшим матросом-балтийцем Алексеем Максимовичем Морозовым, человеком исключительной энергии, но и такой же неорганизованности. Все он хотел сделать в два счета, но, так как этого в большинстве случаев не получалось, приходил в ярость против всякой «бюрократии», вроде инвентарных ведомостей и т. п. Он презирал бумагу и верил слову. Короче говоря, менее подходящего человека для столь «бюрократической» миссии, как передача с баланса на баланс, было трудно найти. К счастью, среди бухгалтеров оказался Шмелев, грамотный и надежный человек, известный мне ранее по Югу, и поэтому за оформление передачи документами можно было не опасаться. После я имел дело с Алексеем Максимовичем Морозовым на строительной площадке Кузнецкого завода, в обстановке полевой оперативной работы. Он показал себя очень хорошим и преданным работником; участки, находившиеся на его попечении, всегда были лучше других.

Несмотря на позднее время не терпелось осмотреть завод. Мы обошли его ночью.

Первые впечатления от осмотра были положительные. Заводик маленький, компактный, закрытый, как дом. Для меня, знавшего только южные заводы значительно больших размеров, это представляло особый интерес. При дневном освещении завод казался несколько менее привлекательным: между цехами завал,

железнодорожные пути не расчищены, все паропроводы парили; огнеупорный цех имел какое-то допотопное оборудование; марте-новская печь угрожала развалиться, механическая мастерская и литейная не имели кранов и были оснащены самыми устарелыми станками. Кузница имела лишь самодельный падающий молот мощностью в 50 кг.

Такое нищенское оборудование механических цехов досталось от последнего хозяина-капиталиста, стремившегося эксплуатировать Гурьевский завод, как машиностроительный и металлобрабатывающий.

Доменный цех производил наиболее благоприятное впечатление: чистенький горн с четырьмя миниатюрными американскими фурменными приборами, нагрев воздуха в трубчатых воздухонагревателях кливлендского типа, снабженных горелками типа. Кеннеди, сделанными по чертежам Юзовского завода. Бросались в глаза некоторые курьезы. Например, внешняя футеровка кольцевого воздухопровода, сделанная для того, чтобы избежать расстройств чугунных патрубков во время колебания температуры дутья, для уборки литья и возможных аварийных козлов, находилась в непосредственной близости от горна, где был смонтирован огромных размеров ручной деревянный поворотный кран — единственная механизация литейного двора. Воздуходувные машины были переделаны из паровых машин каких-то текстильных фабрик; к паровым цилиндрам этих машин присоединили воздуходувки. Дутье, как и везде на доменных печах того времени, было слабое: давление не выше двух фунтов, количество дутья 80 метров в минуту. Подача материалов на колошник доменной печи была разрешена очень остроумно: руда и уголь своей тяжестью ссыпались из деревянных бункеров в бадью, которую лошадь отвозила на колошник и обратно. Цикл загрузки был освоен лошадьми настолько хорошо, что верховому надо было только открывать конус, остальные операции передвижения они производили самостоятельно, без участия рабочих. Для этой цели имелись две специально приученные, не боявшиеся огня, лошади, одну из них звали «Ермак». Одним словом, была не механизация, а лошадизация.

Печь, в общем, работала довольно ровно; периоды плохой работы совпадали с получением мелкого, негрохоченного или с повышенной зольностью, угля Волковского пласта. Иногда случались расстройства, вызванные неправильными анализами материалов, виной чего были и обстановка, в которой производились анализы, и квалификация работников.

Из общезаводских отделов приятно было отметить хорошее состояние технической бухгалтерии и проектного бюро. Калькуляции себестоимости производства составлялись своевременно и верно. Чертежи выполнялись на листах стандартных размеров, с правильными проекциями, имелся каталог чертежей с правильной нумерацией.

Транспортное хозяйство завода было сильно расстроено и имело ряд недочетов: узкоколейная заводская сеть с малым радиусом закруглений была составлена из кусков рельс. Широкая колея входила только в завод. Подача угля, вывозка продукции на сторону были сопряжены с многократными перегрузками. Собственных паровозов не было. При наличии мартена, прокатки, литья и прочих цехов завод не имел ни одного даже ручного мостового крана. На все работы имелся один, страшно изношенный, трехтонный паропутевой кран, обслуживавший разливочную сторону мартеновского цеха.

Такова была механизация погрузочно-разгрузочных работ. Состояние энергетики завода было тяжелое. Водоснабжение обслуживалось разбитыми насосами. Котлы доменного цеха давно отслужили свой срок. Котлонадзор при каждой ревизии предлагал остановить их и заменить новыми.

Состояние группы котлов, обслуживающих машины прокатного стана и ЦЭС, было несколько лучше. ЦЭС состояла из трех крохотных машин по 30 киловатт и была замечательна тем, что все три машины могли, несмотря на свою незначительную мощность, работать параллельно. По сравнению с другими энергетическими установками она представляла оазис благополучия. Машины содержались в опрятном и работоспособном состоянии.

При всех своих хороших и плохих качествах Гурьевский завод представлял собой настоящую автономную металлургическую республику. Все имелось на месте, почти все можно было сделать своими средствами и силами. Это было не только интересно, но и существенно необходимо.

Необходимость возвратиться в Москву для участия в приемке и утверждении проекта Кузнецкостроя не позволила мне уделить Гурьевскому заводу больше двух дней. К тому же технический персонал завода был занят очередной приемкой и сдачей. Этих двух дней знакомства с Гурьевским заводом и общих представлений о нем было достаточно для того, чтобы приступить к кое-каким реальным действиям по укреплению и расширению маленького металлургического «гиганта» Сибири. Нужно было произвести ряд неотложных мероприятий по укреплению существующего производства, по возможному увеличению его размеров и по организации новых производств, необходимых для строительства Кузнецкого завода. Надо было определить масштабы этих мероприятий такими, чтобы они гарантировали выполнение главной задачи: своевременно помогать строительству Кузнецкого завода, а не обременять его.

Все, что требовало длительного времени на осуществление, надо было отбросить и перенести во вторую очередь, следующую за постройкой Кузнецкого завода. Прежде всего требовалось укрепить энергетическое хозяйство, от которого зависела работа всего завода. Мы заказали несколько паровых котлов, вал и цилиндр паровой машины прокатного цеха, которые необходимо было сме-

нить как можно скорее. Как ни хотелось усилить Гурьевскую ЦЭС — этого нельзя было произвести в первую очередь. Здесь конкурентом Гурьевки выступил Кузнецк. Если на Гурьевке имелось сто киловатт электрической мощности, то в Кузнецке в это время был ноль.

Электрификация Гурьевского завода вследствие этой причины сильно затянулась и все время отставала. Между тем, самые незначительные мероприятия по механизации Гурьевского завода, особенно прокатного цеха, связанные с заменой паровых машин на вспомогательных механизмах, ножницах, прессах, требовали применения электроэнергии. Надо было разгрузить завод от массы паропроводов, опутавших его и отдающих без всякой пользы тепло в атмосферу.

Впоследствии, в 1933 г., временная станция Кузнецка из трех локомотивов по 500 лошадиных сил была перенесена в Гурьевку, а окончательное решение было найдено с присоединением к энергосистеме Кемерово—Сталинск.

Для механизации погрузочных пунктов были заказаны мостовые краны в литейном и мартеновском цехах. Механический цех получил несколько ременных металлообрабатывающих станков, кузница — два молота, котельно-мостовая мастерская — пресс.

Организация строительства Кузнецкого металлургического завода на таком расстоянии от промышленных центров требовала, насколько возможно, расширить производство в Гурьевке по всем направлениям: по чугуну, стали, огнеупорам, вспомогательным мастерским. Надо было увеличить мощность кузнечных, литейных, механических средств. Все это должно было делаться в быстрых темпах; только при быстром осуществлении эти мероприятия могли эффективно помочь строительству Кузнецкого завода.

В первую очередь было намечено расширить производство чугуна путем усиления дутьевых средств. С бездействующего Абаканского завода была переброшена воздуходувная машина, дающая 80 кубометров в минуту и давление в 5 фунтов. Она могла заменить собою две существующих машины и дать вдвое больше давления, чем эти обе.

Этот абаканский мастодонт, весивший около 100 тонн, сложным путем и с большими трудностями был переплавлен на плотах по Абакану и Енисею в Красноярск, погружен на железную дорогу и доставлен в Гурьевку. Машина была быстро установлена и производительность печи повысилась с 17 до 22 тонн. А каждая тонна чугуна ценилась особенно дорого. Чугун — это холодильники, водопроводные фазоны и прочее литье.

Увеличение производительности мартеновского цеха было достигнуто реконструкцией старой мартеновской печи, мощность которой довели до 15 тонн и строительством второго мартена, мощностью в 22 тонны. Нельзя не упомянуть о неудачном опыте использования газов этой мартеновской печи под котлом-утилизатором, импровизированным из обычного котла. Котел был на-

столько изношен, что вследствие непрерывной течи труб и коллекторов пришлось его отключить.

Мартеновский цех был оборудован мостовыми кранами для уборки слитков и обслуживания нового сталелитейного отделения. Количество газогенераторов увеличили. На площадке мартена устроили экспресс-лабораторию.

Прокатка требовала больше всего забот. Паровая машина была изношена, старый вал имел трещины и вновь положенный не был гарантирован от них, так как основная рама машины требовала непрерывного крепления на фундаменте. Машина в 500 сил была слаба.

Очень важно было увеличить производство огнеупорного цеха, для которого имелось в наличии местное сырье — глины и кварциты высокого качества. Огнеупорная промышленность Союза еще была недостаточно развита, а потребность строящихся заводов в огнеупорных изделиях исключительно велика. Много огнеупорных материалов ввозилось из-за границы. Надо было установить в огнеупорном цехе более современное оборудование формовочных и размольных отделений, устроить новую подовую сушилку, усилить обжиговые средства постройкой восьмикамерной Гофманской печи и капитальный ремонт старых. Когда все это было сделано, производительность цеха поднялась с 250—300 тонн до 800 тонн.

Большую потребность Кузнецкстроя в болтах, гайках, костылях, гвоздях и т. д. должен был удовлетворить вновь организуемый на Гурьевском заводе метизный цех. Для него я закупил на Ленинградском заводе «Красный гвоздильщик» устарелые, снятые с фундаментов станки Сан-Венсена, гаечные прессы, 4 адамовских гвоздильных станка. Одновременно с этим на импорт было заказано современное оборудование: машины типа «Националь» в 50 и 200 т., волочильный станок и т. д. Помимо болтов, костылей, гаек, метизный цех изготавливал шары для угольных и цементных мельниц, пружины для хопперов, которые даже сдавались инспектору НКПС. Производство гвоздей было трудно организовать из-за неимения своей катанки. Чтобы помочь делу, мною была спроектирована и начата постройкой специальная дополнительная линия прокатки, состоящая из трех клетей 250 мм., приводимая в движение мотором в 250 сил. Эта линия должна была обеспечить гвоздильное производство катанкой и обучить гурьевцев более высоким ступеням метизных производств — волочению тонкой проволоки, изготовлению канатов и мелких пружин.

Большая заслуга в организации метизного производства на Гурьевском заводе принадлежит главному механику Кузнецкого завода Ивану Алексеевичу Курчину и мастеру метизного цеха Перову.

В истории метизного цеха надо отметить интересный и удачный опыт. Для работы в нем была использована небольшая ко-

лония глухонемых, присланная с нашего согласия на завод из Новосибирска. Там были мужчины и женщины. Все они работали с большим старанием. Стук и шум метизного цеха не мешал им об'ясняться друг с другом. Нельзя было нарадоваться ловкости и скорости их движений. Эти люди чувствовали как будто превосходство над нами, работа приносила им большое удовлетворение.

Потребность в кроватях растущего населения Кузнецка заставляла организовать массовое производство их на Гурьевке. В годы войны гурьевские кровати в значительном количестве шли для нужд военных госпиталей.

За время пребывания в Сибири мне приходилось очень часто приезжать в Гурьевку. До организации собственных мастерских и широкого развертывания строительных работ в Кузнецке Гурьевский завод был наиболее интересным объектом. Там, в Гурьевке, были родная металлургия, машиностроение, одним словом, техника, а в Кузнецке — топор и лопата. Вспоминаю первый митинг, на котором мне пришлось делать доклад о роли Гурьевска в строительстве Кузнецкого завода. Митинг проходил в сосновом бору, на открытом воздухе. Это было в конце мая, когда природа начинает сразу оживать, становится не только тепло, а даже жарко, зимние лишения забываются и на душе как-то особенно легко. День был воскресный, присутствующих много. Мое выступление сводилось, примерно, к тому, что основным в работе Гурьевского завода должна быть помощь строительству гиганта сибирской металлургии — Кузнецкого завода. Я познакомил слушателей с тем, что собой представляет большой металлургический завод, с его блумингами, мартенами и другими, неизвестными для них, цехами. Назвал количество металла, которое будет давать завод, и что требуется для его постройки. Это, повидимому, занимало слушателей меньше, чем то, каким будет их собственный завод, и нельзя ли намечаемое большое строительство осуществить на площадке Гурьевска. Интересы своего завода довели над всем остальным. Пришлось мотивировать невозможность такого решения: здесь отсутствуют необходимые площади для строительства большого завода, не изведаны грунты, нет воды. Это разрядило атмосферу и прения пошли по правильному направлению — что надо сделать на заводе для того, чтобы лучше и своевременнее помочь строительству Кузнецкого завода.

Помощь, оказанную Гурьевским заводом Кузнецкстрою, нельзя недооценить. Почти половина арматурного железа, которого потребовались многие десятки тысяч тонн, прокатано было на Гурьевском заводе. Кирпич, из которого сложены первые печи огнеупорного цеха Кузнецкого завода и различные временные топки, а также произведена футеровка котлов, был гурьевский. Все холодильники доменных печей №№ 1 и 2, большая часть чугунного литья для фасонов водопроводных магистралей, металлические крепления двух деревянных водопроводов, подающих воду из То-

ми на завод, строительный инструмент, ломы, кирки и т. д. изготовлялись на Гурьевском заводе. Не будь Гурьевска, строительство Кузнецкого завода протекало бы медленно, а промедление было смерти подобно.

Иногда среди местного руководства возникали попытки отделить Гурьевский завод от Кузнецкстроя. Почвой для развития подобного рода тенденций служило неразумное поведение некоторых деятелей Кузнецка и Гурьевска, обладающих большим самолюбием, или зазнайством. Я до последней минуты своего пребывания в Сибири был горячим противником такой реорганизации. Совместная работа заводов под общим хозяйственно-техническим руководством была обоюдно выгодна: имевшееся в Кузнецке излишнее оборудование с пользой для дела было установлено в Гурьевске; в повышении квалификации гурьевских рабочих было много сделано работниками Кузнецкстроя — главным механиком Иваном Алексеевичем Курчиным, главным энергетиком Михаилом Федоровичем Голдобиним и старшим монтажным мастером Иваном Андреевичем Ворониным. Среди гурьевцев выявилось немало очень способных рабочих. Особо надо отметить монтажника Шуплецова, руководившего на Кузнецкстрое наиболее серьезными монтажными работами. Качеству работ литейной Гурьевского завода кузнечане могли только позавидовать; достаточно сказать, что брызгальные форсунки, которые в Америке делаются из бронзы, литейщики Гурьевки сумели изготовить из необработанного чугуна и они были не хуже, чем американские. Когда требовалась ответственная отливка, заказ на ее изготовление передавали в Гурьевку. Качество огнеупорных изделий на Гурьевке первое время также было выше, чем на Кузнецком заводе. В последнее время в огнеупорном цехе Гурьевского завода было налажено даже производство лодочек для химических анализов и шамотных трубочек для термопар.

Несомненно, после окончания строительства Кузнецкстроя перед Гурьевским заводом должны были встать новые задачи. Он должен был стать из вспомогательного завода заводом, производящим основную продукцию. Будущее Гурьевского завода—это изготовление высококачественных изделий, относящихся к метизам и ручному инструменту, как-то лопат, топоров, молотков, кирок, кайл и т. п. Доброкачественный инструмент является важнейшим средством для повышения производительности труда. Нужда в нем и отсталость культуры производства его были настолько велики, что требовалась революция в умах наших техников-организаторов, чтобы добиться от них максимального внимания этому делу.

Развитие производства лопат, а также изделий ширпотреба требовало организовать прокатку тонколистового железа, что и было сделано в здании локомотивов Вольфа, освободившемся после присоединения завода к электрокольцу. Была установлена одна прокатная клеть, мотор, нагревательная и обжигательная пе-

чи. Здание было подходящее, имевшиеся в нем дымовые борова и трубы — использованы. Клетки, редуктор и все оборудование прокатки было выполнено объединенными силами обеих заводов — малого и большого.

Малые заводы имеют право на хорошую жизнь не в меньшей степени, нежели большие.

Более 125 лет своего существования Гурьевский завод провел в непрерывных переходах от одного владельца к другому. Большую часть времени он принадлежал Кабинету (учреждение, управлявшее имуществом царской фамилии). Несмотря на благоприятные условия для развития на нем металлургии старые хозяева не сумели, или не хотели этого сделать. Лишь советская власть, строившая большие заводы, не забыла и маленький Гурьевский завод и развила, расширила его, наладив безостановочную работу. Большим кораблям — большое плавание. Но малые корабли найдут свое место там, где большие плавать не в состоянии.

Гурьевцы при этом имеют богатейшие природные условия — прекрасные малосернистые и малозольные угли, хороший чугун Кузнецкого завода, местные известняки, кварциты, доломиты, глины.

Созданная гением Сталина могучая советская промышленность в годы Великой Отечественной войны помогла нашей Советской Армии разгромить фашистского зверя, и в этом разгроме есть крупная героической работы славного коллектива Гурьевского завода.

Песня о Сибири

Куда ни глянь — любимая
Встаешь необозримая,
Легко всей грудью молодой ты дышишь и поешь.

Под солнцем неба ясного
В сиянии шелка красного
Дымят заводы, фабрики и колосится рожь

К тебе живое тянется,
В тебе все сердцу глянется:
Тайга и горы синие, озера и поля.

Сибирь моя привольная,
Березка белоствольная,
Суровая и гордая счастливая земля.

Разбужена, встревожена,
Нести с тобой положено
Нам лучшее добытое и в битвах и труде

Цветешь и обновляешься,
Углем и сталью слависься,
Такой, как ты, могучая, на свете нет нигде

Над быстрыми стремнинами
Поет река турбинами,
Живое зарево огней повсюду над тобой

Сибирь моя привольная,
Березка белоствольная,
Судьба моя крылатая, луч солнца золотой.

Отчизне!

Мигнув, погасли фонари,
Когда, открытый взору,
В расцвете утренней зари
Возник чудесный город.

Когда готов к полету в высь,
Напрягся день у старта,
Полны и мускулы и мысль
Рабочего азарта.

Пусть силы все мои войдут
В великих строек смету, —
И я хочу свой видеть труд
В сияньи пятилеток.

Вчера был строг к себе мой счет.
Сегодня — будет строже,
Чтоб для отчизны каждый год
И день был с пользой прожит.

В дороге

Не считай километры:
каждый шаг здесь богат.

Сизокрылые кедры
вдоль дороги летят.

Как прибрежные всплески
или тихий прибой,
шелестят перелески
серебристой листвою.

У обочин дороги
стайки елок-девчат,
и берез белоногих
хороводы шумят.

А лесные поляны
и степные бугры
ароматами пьяны
и цветами пестры.

Выезжают по росам
косари на покос.
Но простым сенокосом
не назвать цветокос.

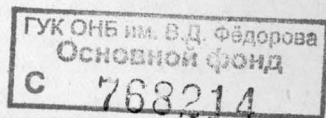
Гром средь ясного неба —
расступается лес!
Вылетает на гребень
из-за леса экспресс.

Машинист паровоза
цветокосцам родня,
перешел он с покоса
на стального коня.

Дым струится к откосам,
рельсы-струны звенят,
поездам под колеса
сыплют горсти огня.

День и ночь друг за другом
за экспресом экспресс:
то железо, то уголь,
то пшеница, то лес...

Подойди и спроси их:
— Дорогие, куда?
— По дорогам России
в коммунизм — поезда.

Из Горной Шории

1.

СЛЕДОПЫТ

Шелест листьев и щебет птичий.
Шорох мыши и хруст хвои...
Зверю всякому свой обычай,
Всякой птице песни свои.

Столько шумов тебе навстречу!
Стольких знаков чаща полна!
Но невнятны ее наречья
И загадочны письма.

Не владею я вещим даром:
Слух не тонок, глаз не остер.
По асфальтовым тротуарам
Я галош немало истер.

А, пожалуй, было бы лучше
Бресть тайгою, читая след,
Хитрый промысел бурундучий
Изучить на старости лет...

Жизнь — не стих. Не напишешь заново.
Да и лучше меня стрелки
Не догонят Петра Кирсанова,
Следопыта Шорской тайги.

Знаменитого зверобоя
Плотник-дятел знает в лицо
Старый кедр — приятель с тобою.
Заяц-плут строчит письмецо...

Ты придешь из тайги не скоро—
По развоям вешних дорог
И сбежится заготконтора,
Только ступишь ты на порог.

— Как добыча? Много набито?

И, когда услышит ответ,
Удивится выдавший виды
Седоусый товаровед.

Позавидуют звероловы,
Зашумит таежная тишь
Про бесценные те обновы,
Что отчизне ты подаришь.

Ты в тайге. А Родина помнит:
Для нее ты ловишь кротов!
В каждой пушке и в каждой дсмне
Есть участие твоих трудов

В унты, в теплые рукавицы
Стольких летчиков кто одел?
Ты на вражеские столицы
Из тайги наводил прицел.

И, шагая по чернотропу,
В тишине азиатских гор,
Помогал отбивать Европу
У несущихся в лязге орд.

...Тропы. Пропasti. Кедр вихрастый.
Горы хмуры и высоки.
И кричат следопыту:

«Здравствуй!»

Все таежные языки.

2.

МЫ СТРОИМ ГИДРАВЛИКУ

Холода... Но золотая
Надвигается страда.
Скоро хлынет молодая,
Неумная вода.

У старателей работка
Тяжела, да весела.
Не лежат, а ходят ходко
И лопата, и кайла.

Свалим сосны вековые,
Горы выроем земли,
Чтобы воды снеговые
От работы не ушли.

Хороши у нас молодки,
Да и парни не худы.
Не упустят наши сплотки
Разгулявшейся воды!

Не такой у нас обычай,
Не такие времена!
Золотой моей добычей
Богатей, моя страна!

Хитроумный ряд затворов
Неспроста настроил я.
Будет бить из мониторов
Стометровая струя!

Чтоб тяжелые крупницы
Оседали на торцы,
Чтоб цвели мои столицы
И росли мои дворцы!

Холода и снег глубокий,
Но близка пора страды.
Не уйдут от нас потоки
Вешней бешеной воды!

3.

ПЕСНЯ О ЖЕЛЕЗЕ

Оделся заревом Кузбасс.
Пылай, родное пламя.
О чем гудки в вечерний час
Поют над городами?

То шлет кузнецкий великан
Приказы и призывы
Далеким братьям-рудникам
В таежные массивы.

И гулко вторят вечера:
— Кто первый? Кто обгонит?
— Ау, Железная гора!
— Эй, Камень-на-Ладони!

Понад тайгой плывут гудки,
Рокочут взрывы плавно.
Не спят и ночью рудники,
А днем не спят подавно!

В глуши, где камень, чужд и гол,
Века лежал в молчаньи,
Встал юный город Таштагол,
Сияющий ночами.

В скале упрямой, сквозь гранит,
Себе я путь прорезал.
Для нас гора свой клад хранит,
Священный клад железа!

О, драгоценная руда!
Ты всех сокровищ краше:
Металл борьбы, металл труда,
Металл победы нашей!

Из тьмы земной, из сна веков
Иди к огню и к жизни —
Служить делам большевиков,
Служить моей Отчизне!

Гремя, уходят поезда
С тяжелою рудою.
Сияет красная звезда
Над снежною горою.

Оделся заревом Кузбасс.
Пылай, родное пламя!
В вечерний час гудки о нас
Поют над городами!

Новоселье шорцев

1.

Жарили ячмень, толкан мололи, ели.
И огонь костра дрова лизал.
В юрте молча у костра сидели.
Дым слезою заливал глаза.
Жил народ, на горе обреченный,
И рыдали струны на топшуре.
Жили шорцы в юрте закопченной,
Укрываясь на ночь грязной шкурой.

2.

Возле юрты вырос дом высоко.
В стенах прочных — сосен желтизна.
И цветут цветы на стеклах окон,
Словно в рамы врезана весна.
И тепло в семье у смуглолицых.
В доме мебель и простой уют.
Вкусный хлебец из своей пшеницы
В печке жарко топленной пекут.
Радио включают, и станет сразу
Веселей от радио-молвы.
Старики и дети черноглазые
Слушают концерты из Москвы.
Всю окрестность тьма завалит ночью
Но в деревне лампочка зажжется.
Словно здесь остался дня кусочек,
Засияет маленькое солнце!

Усть-Кабырза.

ЗЕМЛЯ КУЗНЕЦКАЯ

РОМАН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ*)

ГЛАВА XX

Уже осенью, защитив дипломный проект и вернувшись в Новосибирск с назначением в геологуправление, Валя заново, шаг за шагом, перебрала в памяти все пережитое в последние годы. Что-то непонятное, трудное осталось на сердце после встречи с Роговым. Но чего же тогда она ждала несколько долгих лет? Покоя, безмятежной любви? Но разве такая любовь бывает?

Глазыньки, глазыньки,
Синие глазыньки...

— пела когда-то мама о синих глазыньках, в которых нет ничего, кроме любви. Почему-то при мысли о Рогове у нее в памяти всегда возникала милая давняя песенка о синих глазыньках. Это до последней встречи. А тут оказалось, что глаза у Рогова нето выцвели, нето повзрослели — совсем не синими стали и не было в них никакого покоя. Да и был ли в них когда-нибудь этот покой? Не сказка ли это, сочиненная про себя в долгие вечера одиночества?

...Преддипломную практику проходила в одной из геологических экспедиций Западносибирского филиала Академии наук. Наступала осень, работы свертывались, и вдруг пришла эта страшная весть. Пришибленная ею, Валя торопливо собралась, но когда приехала в город, все уже было закончено. Маленький потемневший домик на Иркутской хмурился из-за голых акаций заплаканными потосенному окнами. Дочь соседей, Нина Сорокина, временно жила в тихих опустевших комнатах.

Валя приехала вечером. Уставшая и опустошенная, не раздеваясь, она часа два просидела в полутемной спальне. Ни о чем не спрашивала, да и некому было бы кроме Нины рассказывать о последних днях Екатерины Михайловны. Но Нина тоже молчала, не зная, нужно ли к этому приступать. Наконец она несмело заглянула в дверь:

*) Начало романа см. в альманахе „Сталинский Кузбасс“ № 1

— Валя, если вам что-нибудь нужно...

— Нет, благодарю вас... Я вот умоюсь... — Валя хотела сказать: «и лягу спать», но вдруг ужаснулась своей черствости, растерянно оглянулась и только сейчас с беспощадной ясностью представила себе, что никогда больше к ней не придет и не сядет рядом мама.

...Утром она прибрала квартирку и пошла в геологоуправление, еще раньше решив попросить в институте годичную отсрочку по дипломному проекту. Старший геолог управления, шестидесятилетний седенький Вакшин, внимательно выслушал Вало и предложил пока обрабатывать некоторые материалы прошлых экспедиций.

Работа почти не увлекала, но давала возможность немного отойти от себя, от своего горя. Однажды в геологическом музее она познакомилась с профессором Скитским, Василием Пантелеевичем, неутомимым исследователем Западносибирской низменности. Близко знавшие его говорили, что это «работяга и умница». Человек лет тридцати пяти, одинокий, Скитский обладал счастливой внешностью и характером, с первой же минуты знакомства пленявшими простотой, ясностью.

Шли холодные дожди попеременно со снегом. Валя засиживалась на работе допоздна. Скитский как-то проводил ее до дому. Был очень внимателен. Потом еще раза два они оказались попутчиками. Как-то Валя пригласила профессора зайти «обогреться». Пока она хлопотала на кухне, приготовляя простенький ужин, Скитский ходил по комнате, с удовольствием растирая озябшее лицо и рассказывая о последних фронтовых новостях, только что слышанных по радио.

После чая он курил и, чуть прищурив глаза, поглаживая короткими, сильными пальцами подбородок, строил обширные планы исследовательских работ на лето. Салаирский кряж. Руды. Не все ясно... Полиметаллы Горной Шории. Чугунашский марганец. Не сегодня так завтра, и в первую очередь с геологов спросят, почему до сих пор Кузбасс пользуется Чиатурской марганцевой рудой?

— У нас спросят! — на минуту лицо Скитского стало неузнаваемо жестким, он поглядел на Вало, глухо выговорил: — Извините. Вам скучно от этих геологических излияний...

— Василий Пантелеевич! — Валя невольно выпрямилась. — Почему?

— Лицо у вас...

Валя медленно покачала головой:

— У меня было большое несчастье, Василий Пантелеевич.

Несколько секунд он смотрел, как ее пальцы рывками ложились в замок, потом поднял взгляд, хотел, очевидно, спросить о чем-то, но спросил только после того, как собрался уходить. Что ей дает работа, надолго ли она оставила институт?

— Что мне дает работа... — Валя помедлила. — Она меня успокаивает ... — еще помедлила, и вдруг насторожилась: — А что?

Скитский криво усмехнулся:

— Читал я вашу записку по итогам работ экспедиции: ни одной взволнованной мысли, ни одного страстного утверждения... — резко закончил он. — Холодная ученая тарабарщина!

После ухода профессора она долго сидела, захватив холодными пальцами шею, прислушиваясь к своим беспокойным мыслям. Уже недели полторы от Павла не было писем. Случалось это и раньше, но такой тревоги никогда не чувствовалось. Неужели навсегда замолчал? Павел?

Резко встала. Боже мой, как она может раскисать до такой степени.

— Холодная ученая тарабарщина!

Валя невольно оглянулась, словно только сейчас услышав эти слова. Холодная тарабарщина... Как это стыдно!

Утром попросила вернуть ей записку об экспедиции, пересмотрела ее, вчиталась в каждую строчку. Сколько чужих, нехороших слов: «Нужно полагать»... «Едва ли справедливо утверждение»... «Вызывают сомнение несколько основных положений»...

А люди мучились в таежных дебрях красавицы Томи, боролись, радовались маленьким победам, из-за которых перед ними вставали почти сказочные масштабы нового угленосного района. Но вот, к этим горячим земным мечтам прикасаются чьи-то равнодушные руки, и краски меркнут...

С какой-то радостной болью Валя уничтожила свою записку и потом в несколько ночей заново все переделала. А когда начальник партии хвалил ее за смелые выводы и радовался новой союзнице, она не знала куда деться от горького смущения.

Скитский, очевидно, обо всем знал, но больше и словом не обмолвился по этому поводу.

Несколько раз они вместе ходили в театр. Профессор очень хорошо знал и тонко чувствовал музыку. Вале почему-то доставляло трудно объяснимое удовольствие видеть, как этот большой умный человек, обращаясь к ней, все больше робеет, как легкий румянец вспыхивал при этом на его смуглых щеках. Он ухаживал за Валей, но делал это так неловко по-мальчишески, что она не могла ни обидеться, ни выговорить ему за это. С ним было просто спокойно; по крайней мере, Валя не замечала, чтобы присутствие Скитского мешало ей думать о Рогове.

В январе Советская Армия шагнула к Одеру. Стояли морозы. Валя насторожилась. Сердце рвалось за каждым письмом к Павлу. Работала лихорадочно, целыми днями не отрываясь от геологической карты, от записок, от коллекции буровых кернов.

После двухнедельного перерыва, осенью Рогов снова писал очень часто, но кто же мог поручиться, что непрочная цепочка

из писем не оборвется. В скупых сводках Совинформбюро сообщалось о стремительном продвижении на запад тысячекилометрового фронта, о тяжелых боях, о многочисленных трофеях и пленных. Рогов писал:

«Сегодня ночью отдыхали в одном польском фольварке. Свободных помещений не оказалось — спали на сеновале. А ночью обнаружили, что под нами, в сене, тоже отдыхает целое отделение гитлеровских автоматчиков. Пришлось немного повозиться. Недоспали».

Прочитав этот лаконичный рассказ, Валя почувствовала, как у нее похолодели плечи.

В феврале писем не стало. Однажды Валя пришла к Вакшину и попросила:

— Я хотела бы еще какую-нибудь работу...

Вакшин фыркнул:

— У вас же и без того по трем отделам?

— Я хотела бы еще что-нибудь делать! — повторила она.

Старый геолог раздраженно повертелся на стуле, несколько раз мельком глянул в лицо девушки и, наконец, выхватив из стола папку с бумагами, перелистал их. Валя склонилась рядом. Вакшин заговорил о чем-то торопливо, но тут же запнулся, спросил вполголоса:

— Он в Польше? Молчит?

Она кивнула. Светлое, солнечное окно перед ее глазами затуманилось, изломалось.

— Молчит ...месяц уже молчит.

Вакшин прикоснулся сухонькой ладонью к ее плечу:

— Сын у меня тоже... молчит. Валя, вы стисните зубы... А работы сколько угодно. Слушайте...

Попрежнему аккуратно через день писала письма Рогову и так же аккуратно получала их обратно с пометкой: «Адресат выбыл».

Иногда забегала Ниночка Сорокина, осторожно спрашивала:

— Валя, все еще нет? — и вздыхала. — Мой тоже целую неделю молчит...

В серебряную пору снеготаяния даже дышать стало трудно — так велико было внутреннее напряжение. Боялась каждой свободной минуты. В дополнение к основной работе взялась готовить материалы еще по двум смежным отделам. С утра и до самого позднего часа сотрудники видели ее гладко зачесанную светлую голову, склоненную то над столом, то над чертежной доской или в геологическом музее над коллекцией буровых кернов.

И в тот майский золотистый день она, как обычно, очень устала. Привычным движением повернула ключ в замочной скважине, осторожно открыла бесшумную дверь, глянула на маленький коврик у входа — письма уже в сотый раз не оказалось.

Поглядела на часы — без пяти шесть. Торопливо включила радио, присела к окну и мучительно напряглась.

Внешне все как будто было так, как год и два года назад, но в самом воздухе, в весенних пресных запахах носилось ожидание великого, неизбежного.

Из окна не видно, как солнце все ниже опускается к дальним землям, только розовый свет на крышах соседних домов делается все тоньше, прозрачнее, поднимается и плывет в недостижимой высоте.

Позывные в репродукторе оборвались. Секундная пауза, а потом привычный голос сказал в вечерние сумерки:

— Говорит Москва!

Валя комкает косынку на груди. Да, все идет как должно. Занят Дрезден. «При выходе на Эльбу наши войска...» Сколько еще рек в этой проклятой Германии?

Больше не было сил сидеть неподвижно. Толкнула створку окна. Маленькая белая комнатка распахнулась в далекий вечер. Нет еще ни цветов, ни травы, но легкие теплые запахи тревожат сердце.

Без стука вошла Ниночка Сорокина, тихонько присела рядом, смиренно сложила руки на коленях, потупилась, чтобы скрыть покрасневшие веки.

— Я, наверное, самая несчастная, Валя... целую неделю ни строчки... — дрогнули пальцы ее рук, лежавшие на коленях.

Потом Валя включила свет, Нина развернула два последних письма и прочитала вслух, прислушиваясь к словам. По маленькой карте проследили далекий и трудный путь солдата и согласились, что некогда было ему писать в последнее время. Помолчали.

— А у тебя как? — Нина несмело заглянула в глаза. — Валя?...

Ответила тихо, втянув голову в плечи:

— Устаю очень...

— Все еще ждешь?

Помедлила немного, потом выпрямилась, упрямо приподняв лицо.

— А как же иначе жить?! — резко дернула штепсель из розетки.

Нина первой не вынесла тишины. Заторопилась:

— Ты прости, Валя... я всегда такая неосторожная... Я пойду. Иногда ведь письма и по вечерам приносят.

Валя снова включила радио. Эфир молчал в шорохах, в пестроте. Но и само молчание и шорох несли в комнату волны высочайшего напряжения.

Сегодня все равно не уснуть, как почти все эти ночи после падения Берлина. Долго ходила от окна до двери. А памятью шла по строчкам давно заученного письма:

«Так жалко, что не увидел тебя. Когда поезд повернул от Юрги на запад, а ты осталась на востоке, в Томске, сердце у меня как будто оборвалось. Встречу ли снова? А потом мне было очень некогда. Десятки боев, пыль и жажда, гибель товарной, истерзанная земля... Во мне что-то обуглилось. Мне тогда казалось, что я редко вспоминаю о тебе, но теперь-то знаю, ты всегда была со мной».

И совсем недавно он писал:

«До Берлина осталось 68 километров. Одер — мутная чужая река. Очень много работы. А какое ты платье носишь?».

Неужели это письмо в феврале писано? Как давно...

Или сон смежил веки, или просто какое-то бессилие опустилось на память. Вскинулась на тихий стук в дверь. Вошел старичок-почтальон, подал квадратик свернутой телеграммы. Испугавшись, что сейчас же неудержимо, в голос расплечется, Валя негнущимися пальцами приняла телеграмму и не распечатывая положила ее на уголок стола. Почтальон долго копался в сумке, отыскивая потерянную квитанцию. Потом он ушел.

Думала, что нехватит сил притронуться к телеграмме. Но это продолжалось всего секунду. Между двумя короткими вздохами развернула бумажный квадратик и прочитала: «Был тяжело контужен. Теперь все хорошо. Не унывай. Павел».

Плохо помнила, как подошла к окну, как долго стояла, прислонившись щекой к стеклу. Незаметно села. В опущенных кистях рук тяжело билась кровь. Синело над черепицей ближнего дома. Положив голову на подоконник, так и уснула с лицом, обращенным в рассвет.

Солнце пригрело натруженные веки. Золотой квадратный столб света косо ложился на разноцветный половичок. Радужный зайчик от зеркала вздрагивал на непомятой подушке. В руке Валя попрежнему зажимала помятый листочек телеграммы. Каким легким было это ранее пробуждение.

Совсем близко, по ту сторону окна, раскачивалось смеющееся, мокрое от слез личико Нины.

— Чудная!.. Какая чудная ты, Валя! Четыре года ждали и все в одно утро проспали... Посмотри! — она рванула к себе створку окна.

Сколько было народу на улице в эту синюю солнечную рань. Какие звонкие песни. Напротив, прямо на кирпичной ограде, двое мальчуганов писали известью огромными буквами: «Победа!».

...Прождала весь май. Скитский как-то сразу же после Дня Победы принес ей букет душистых подснежников и с доверчивой улыбкой положил на стол.

Валя призналась:

— Василий Пантелеевич, я очень счастлива... Я так счастлива!..

— Рад за вас, Валентина Сергеевна, — Скитский бережно прикоснулся к ее ладони.

А Рогов приехал неожиданно, как раз в тот день, когда Скитский вылетал самолетом в Кузбасс.

ГЛАВА XXI.

Возвращаясь на шахту, Рогов поминутно усмехался, заново припоминая только что состоявшееся свидание.

С утра его вызвали в прокуратуру. Он попробовал договориться по телефону, чтобы это отложили на завтра или хотя бы на вечер.

— Нет, товарищ прокурор желает видеть вас немедленно! — ответила девушка вежливо, но настойчиво.

— Ну, что ж, раз товарищ прокурор... придется пойти.. — вздохнул Рогов.

— Вот не во-время... — заворчал Бондарчук, сидевший как раз в кабинете. — Только не задерживайся, часа через два начнем, делегация уже на шахте.

Девушка с чолкой и очень строгими черными глазами попросила подождать в полутемном коридорчике. — Вас вызовут, — сказала она.

Рогов походил с полчаса из угла в угол, несколько раз перечитал плакаты по технике безопасности, неизвестно с какой целью развешанные в прокуратуре.

Сесть было не на что, да и не терпелось вернуться к работе. В уголочке стояли три женщины, одна из них сыпала что-то непрерывной скороговоркой, сторожко оглядываясь на Рогова.

Бондарчук теперь, конечно, нервничает, поглядывая на часы. Круто развернувшись посредине коридорчика, Рогов шагнул в приемную.

— Я же сказала! — вспыхнула девушка.

— Что вы сказали? — остановился около нее Рогов и, пождав пока она растерянно опустила черные строгие глаза, прошел к прокурору.

Открыв дверь и глянув на широкоплечего, низенького человека за столом, на его бритую, круглую, как арбуз, голову, склоненную над бумагами, он рассмеялся, но тут же принял совершенно официальный вид и слегка кашлянул.

— Ну, что у вас? Садитесь... — небрежно обронил прокурор, продолжая рассматривать бумаги. Рогов еще раз кашлянул.

Прокурор поднял круглую голову, а в следующее мгновение вскочил, щеголевато стукнул каблуками и вытянулся в струнку. В его больших серых глазах мелькнули попеременно смущение, радость, даже испуг, снова радость. Наконец, угловато раскрыльвившись, роняя бумаги, он полез через угол стола.

— Паша! Чорт! Милый! Пашка!!

В дверь испуганно сунулась девушка с чолкой, но прокурор страшно взмахнул на нее руками и повис на Рогове.

— Кузьмин... Прокурор?! — расхохотался инженер, не меньше удивленный и обрадованный этой встречей.

— Постой, постой, ты как же меня нашел? — отстранился вдруг Кузьмин.

— Я? И не думал!

— Но как же, чорт возьми... Я даже напугался. Мысль мелькнула: сплю, думаю, или спал до сих пор и вдруг входит комбат и, конечно, устроит сейчас разнос!

Для пехотных командиров они долго воевали вместе — месяцев шесть. Кузьмин командовал ротой в батальоне Рогова и после ранения в Познани выбыл.

Потирая руки, прокурор заспешил на место:

— Хорошо-о... Значит, случайно? Меня ведь три дня, как из Сталинска перевели. Ну, выкладывай свою жалобу!

Рогов пожал плечами:

— Ничего не знаю. Никакой жалобы, это ты меня от работы оторвал...

— Оторвал? — Кузьмин рассеяно пошлепал ладошкой по своей бритой головке. — Что-то не помню. В общем разберемся. А ты что ж, гвардии офицер, не успел вступить в гражданскую жизнь и уже в прокуратуру потянули?

— Так это же советская прокуратура...

— А тебе что советская прокуратура—тетя родная? — хитро сощурился однополчанин...

— Строгости?

— Нет, почему, но охранять законы, за которые мы дрались...

— Мы еще поговорим об этом! — перебил Рогов. — А сейчас мне дозарезу некогда. Извини.

Черноглазая секретарша помогла выяснить зачем Рогов был вызван в прокуратуру. Кузьмин нахмурился:

— Нескладно получается, Павел Гордеевич... Нельзя рабочий класс обижать!

— Ты о чем? — удивился Рогов. — Какой рабочий класс?

— Ну, как какой... Есть вот на тебя одно заявление, второе, под ними подписи. Лесогрузчики жалуются, коногоны. Нельзя же так: работают люди в поте лица своего, и вдруг бах! Увольнение. Какая причина? В какие законы начальник шахты смотрит?

— Дальше выкладывай! — подзадорил Рогов.

— Нет уж, давай соблюдать субординацию... — Кузьмин нехотя усмехнулся. — Выкладывать будешь ты, а я здесь поставлен на то, чтобы спрашивать. Первый вопрос: когда люди будут восстановлены на работе?

— Эти? — Рогов поглядел на затемненное шторкой окно. — Эти никогда!

Кузьмин вскочил:

— А законы? Для кого пишутся советские законы? Ты что, с ума сошел?

— Законы нужно уметь читать — это прежде всего. Кроме этого, для меня существует один закон: благо моего государства.

Кузьмин не на шутку рассердился. Пробежав от стола к окну и обратно, он сказал, что разговор этот его, по меньшей мере, удивляет. Ведь советские законы писаны на благо государства. Разве можно так делячески подходить к делу?

Рогов забыл о том, что за десять минут перед этим торопился на шахту. Говорил резко, убежденно, выпрямившись на стуле, почти не двигаясь.

— Ты же не чиновник, чтобы толковать наши кровные законы, как азбуку. Наши законы — это мощная, но живая сила. Заявления от лесогрузчиков! Но ты же видишь, с жалобой в прокуратуру обратились двое, а всего их на шахте десятки. Чем же недовольны эти двое? Тем, что жизнь снова делает огромный шаг вперед. Разгрузку леса мы механизуем простейшими «дерриками», у механизмов должны встать знающие люди. Большинство с охотой взялось за учебу, а эти двое уперлись: «У нас десятилетний опыт!». Я им говорю: «Учитесь!», а они одно свое. Но их опыт — это дорогой опыт, а мы обязаны экономить на каждой копейке. Некоторые представляют дело так, что консерватор — это обязательно командир, инженер, руководитель, а вст тут мы имеем дело с рабочими. Что ж прикажешь? Я две недели ходил вокруг них, уговаривал, а потом убрал с дороги. «Не путайтесь под ногами!»

То же самое и с коногонами. Кое-где еще сохранились лошадки. Но это дорого и медленно. Там, где не пройдет электро-воз, ставим колонковые лебедки. Значит, снова механизмы, снова учеба — тут одним лихим свистом ничего не сделаешь. Помнишь вещие слова товарища Сталина: «Думать, что можно обойтись без механизации при наших темпах работ и масштабах производства, значит надеяться на то, что можно вычерпать море ложкой». Вот тебе ответ по существу!

Рогов помолчал, прикидывая что-то про себя и вдруг ожил:

— Слушай, прокурор! Идея! Ты приходишь к нам на шахту и делаешь доклад: «Задачи новой пятилетки и трудовое законодательство» или что-то в этом роде, а? Честное слово хорошо будет. Договорились?

Кузьмин, все время слушавший инженера очень внимательно, от души рассмеялся:

— Ей-богу люблю тебя за это! Даже разговор с прокурором повернул в неожиданную сторону.

— Плохо?

— Нет, почему? Но я не знаю, как у меня будет со временем...

— Все, все! — Рогов встал. — Мероприятие утвердили. Тебе позвонит парторг.

Насупившись в кабинете Рогова расхаживал Бондарчук, у телефона покашливал только что избранный председателем шахтного комитета Хмельченко.

— Долгонько... — неласково встретил парторг начальника шахты.

— У тебя что, ненастье? — удивился Рогов, почти не выдавший Бондарчука неуравновешенным.

— А тебе нравится вся эта история?

— Знамя что ли?

— Да.

Рогов сердито бросил кепку на стол.

— Нравится, нет ли, а знамя передавать надо.

— Вот, видишь! — Бондарчук быстро прошелся из угла в угол. — Знаешь, что мне сегодня в тресте начальник техотдела сказал? «Иногда, говорит, лучше синица в руки, чем журавль в небе».

— А ты?

— Что я? Я сказал, что мне обе эти птицы на его месте не нравятся. Поругались.

— Веселого мало, — осторожно заметил Хмельченко.

— «Конечно, веселого мало», — согласился про себя Рогов. Накануне из комбината сообщили о решении Всесоюзного жюри по итогам соревнования — знамя министерства приходилось передавать на соседний рудник. Вчера же вечером вместе с парторгом были у секретаря горкома.

— А можно было удержать знамя? — в упор спросил Иван Леонидович.

— Нельзя! — отрезал Бондарчук.

Рогов возразил:

— Почему же, можно было удержать..

Воронов внимательно оглядел собеседников, посоветовал:

— Только перед коллективом, перед шахтерами не мудрите. Расскажите коротко, толково, почему именно сейчас не могли удержать знамя, сейчас, когда обстоятельствами самой нашей социалистической действительности, такая пробка, как Дробот, вышиблена, когда люди шахты выходят на большие просторы. Подумайте и не ждите, за ручку для объяснений с коллективом не поведу.

Припоминая сейчас этот разговор, Рогов ясно видит, что оба они с парторгом были правы. Если иметь в виду синицу в руки, то план можно было «дожать», сохранив еще на один—два месяца знамя министерства и престиж передового предприятия. А потом? Вот в том-то и дело, что «в потом» не было возможности заглянуть, не упорядочив горных выработок, не отремонтировав механизмов, транспортных средств, не развернув учебы основных кадров.

Бондарчук внезапно остановился, потеряв открытый выпуск-
лый лоб, спросил:

— Ты знаешь, на что вчера Иван Леонидович намекнул, сказав: «Подумайте и не ждите, за ручку не поведу»?

Рогов пожал плечами:

— Он на многое намекал...

— Нет. Видишь, свет из окна во всю комнату, а источник света — солнечный луч—падает только на стол, на книги. Так вот и здесь—намекал секретарь на многое, но имел в виду прежде всего одно конкретное положение...

Перебив Бондарчука, в дверь заглянула Аннушка

— Можно?

Лицо у нее обиженное и какое-то неприветливое. Но Рогов невольно с удовольствием распрямился, Бондарчук перестал ходить и приветливо улыбнулся, Хмельченко кашлянув молодцевато разгладил усы. Не заметив всего этого, Аннушка сказала запальчиво:

— Я не могу так, Павел Гордеевич! Если учить людей, так давайте учить по-человечески...

— Давайте, — согласился Рогов. — Что-нибудь случилось?

— В том и беда, что не случилось. Мы настроили на учебу двести сорок комсомольцев. Сегодня механизаторам должен читать лекцию Коля... Николай Викторович...

— И что же, отказался? — перебил Бондарчук.

— Почему? — удивилась Аннушка. — Вот новость. Уж с ним-то я как-нибудь справлюсь! Срывает все Нефедов, а еще член партбюро! «Не могу, говорит, я менять график каждый день из-за учебы». Вот как рассуждает!

— Действительно... — Рогов помедлил. — Кое-что мы не додумали.

— Так, когда же думать? — Аннушка поглядела на Рогова, на Хмельченко, потом подступила к партбюро. — Виктор Петрович, я прямо заявляю...

— Думать некогда? — Бондарчук усмехнулся одними глазами. — Успокойся, Аннушка, сегодня же подумаем и все решим. Категорически сегодня.

Когда Аннушка вышла, он снова повернулся к Рогову:

— Вот что Иван Леонидович имел в виду: работать с коллективом — значит советоваться с ним, держать все козыри на виду, а мы некоторое время горячку порем, все некогда было. Глупости страшные.

— Это правильно. — подал голос Хмельченко. — Некоторые вон что говорят: «Был Дробот — порядка особого не было, но знамя получили. Пришел Рогов — лоск навели кое-какой, а знамя хочешь, нет ли, отдавай!»

— Значит так, — подытожил Бондарчук, — сейчас ты, Павел Гордеевич, будешь держать ответ перед шахтерами. Только без

этого... без жалоб. Не забудь про журавля и синицу. Смешно кронтить задачи пятилетки таким куцым аршином.

Рогову почему-то захотелось сейчас рассказать все еще размашисто шагавшему Бондарчуку и притихшему Хмельченко, сколько передумано им за последние недели, сколько бессонных ночей исхожено, рассказать, что полнее, чище он себя никогда не чувствовал. Бывает тревожно, тяжело? Да, бывает. Почти каждый раз засыпашь с мыслью: «Не успел сегодня, что-то очень важное сделать...» Ну и пусть будет так, лишь бы знать, что всегда вместе с шахтерами, что сердцем, помыслами живешь в завтрашнем дне.

Вчера дежурный статистик выписал на щит показателей цифру суточной добычи. Обыкновенная цифра — 102,1 процента. Но позавчера было только 102, а одной десятой не было. Ожившей предстала эта дробь в сознании Рогова, он знал, как она появилась, сколько за нею труда, горячих исканий. Комсомольцы на участке Дубинцева за сутки нарубили в три раза больше, чем полагалось, а потом Черепанов прибежал и стал жаловаться, что ему не дают развернуться. Приходил сын Вощина — Григорий и стесняясь попросил, чтобы для него выделили сразу пять подготовительных забоев, обещал принести исполнительный график, разработанный им специально на такой случай. Многозабойный метод? Надо помочь человеку, а через него и других расшевелить.

Но ничего этого Рогов сейчас не сказал, он внутренне подтягивался — трудно отдавать зная в такой момент. Вот и Бондарчук все ходит и ходит, то руками разведет, то нос с досадой почешет, и все повторяет:

— Такой, значит, разговор состоялся о птичках.

— Принципиальный разговор, — согласился Рогов.

Парторг покосился в его сторону:

— Я тоже думаю. Дробот был не одинок. Привык кое-кто хватать, вытягивать только то, что поближе лежит. На третьей, вон, шахте нахватали и сели раньше времени на мульду. Запасы на горизонте, по всем данным, есть, а брать нечего, все захламили, испакостили.

... Через полчаса вышли в раскомандировочный зал. Рогова необычайно взволновала многолюдность собрания — в зале не только сесть, стать негде. «Всем больно, — подумал он, — злее в работе будут».

— Начинать, — поторопил парторг, когда они усаживались в президиуме, и тут же еще раз напомнил: — Только не плачься.

Рогов и не думал плакаться. Говорил ровно, преодолевая какую-то непонятную тяжесть во всем теле. Но его внутренняя взволнованность, нотки горечи, очень чутко воспринимались шахтерами.

— Есть такой суровый, но справедливый закон на войне, — начал он спокойно.

— А вы не про войну, чего зубы заговаривать! — обрывает его кто-то неприятно. — Проворонили знамя!

— Дохозяйствовали!

— Есть такой закон на войне, — немного медленнее, но так же спокойно повторил Рогов. — Если войсковая часть теряет в бою свое знамя, ее расформируют. Мы тоже в битве за план потеряли знамя. Но мы не на войне. Не посчитайте, товарищи, что все это для красного словца. Я много думал, прежде чем выступить сегодня перед вами и сказать: хорошо, что есть у нас, в Кузбассе, шахтеры сильнее нас, есть, значит, на кого опереться, шагая в завтрашний день, есть по кому равняться. Сегодняшнее соревнование имеет свои особые нормы и законы. Вот послушайте, что нам пишут с шахты имени Ворошилова, которая отвоевала у нас знамя: «Рады, что побороли такого сильного «противника», как вы, товарищи. Но мы слышали, что у вас пока плоховато с комплексной механизацией — это нас беспокоит. Потому решили мы послать к вам на недельку бригаду из инженеров и стахановцев — пусть покажут как у нас это дело настраивается. Не обесудьте — чем богаты, тем и рады. Только не зевайте, товарищи, второй год пятилетки идет! Кузбасс набирает новую скорость, следите за соседями, помогайте им, иначе не одолеем задач».

— Иначе не одолеем! — Рогов внимательно оглядел притихшее собрание. — Вот оно новое, бесценное в нашей жизни. Одним словом это новое называется — коммунизм!

Совсем тихо, напряженно, торжественно стало в зале. В первом ряду, тесно прижавшись друг к другу, сидят черепановцы. Приподняв круглое белобрысое лицо, Митенька не мигая смотрит на Рогова и шевелит губами, повторяя про себя слова инженера. Сибирцев, наклонив квадратную, коротко стриженную голову, чертит что-то прутиком на цементном полу.

Да, много нужно сделать для того, чтобы коллектив «Капитальной» смог решительно вырваться вперед. Кто этого не знает? И в то же время никогда люди не чувствовали себя так уверенно, никогда яснее не представляли себе свою связь с судьбами всего Кузбасса, всей Родины.

То, что Рогову хотелось сказать за полчаса перед этим только Бондарчуку и Хмельченку, он сказал неожиданно для себя сейчас, нашлись для этого и хорошие слова, припомнились, словно сами собой, необходимые факты.

Значит знамя будет снова на шахте. Пусть заранее извинят, товарищи делегаты из Прокопьевска, пусть сегодн на шахте-победительнице не думают, что коллектив «Капитальной» опустил руки.

Саенг толкает локтем Сибирцева, тот косит выпуклым карим глазом и кивает. Конечно. Если завтра с шахты уйдут десять лишних вагонов угля — к весне на полях родной Сибирцеву Кудунды заговорит еще один трактор, в землю лягут тяжелые зер-

на, заколосятся неоглядные нивы, побегут по ним легкими синими тенями ветры. А может быть уголь, добытый сверх плана Сибирцевым, обернется теплом в квартире ученого, мягким светом в одной из комнат Кремля, где работает без отдыха, думает о судьбах Родины Сталин.

Вместе со всеми Сибирцев ожесточенно аплодирует и почти вызывающе смотрит на маленького седого старичка — делегата с шахты-победительницы.

Слегка побледневший, Рогов садится рядом с Бондарчуком и, словно извиняясь, шепчет:

— Разговорился я...

Лицо у парторга ласковое, в глазах пристальное внимание.

— Есть в тебе огонек... — говорит он. — Быть тебе парработником, Павел!

Недоумевая Рогов качает головой:

— Я всегда чувствую себя парработником.

На сцену поднялся со знаменем старик Воцин. Колюче оглядев собрание, он кивнул, очевидно, каким-то своим мыслям и заговорил глуховато, слегка расставив ноги и подавшись вперед.

— Я хотел речь произнести. — сказал он и вздохнул. — А теперь не буду. Меня опередил Павел Гордеевич. Только смотрите!

— повысил он голос и снова сердито оглядел собрание. Потом, наклонившись, бережно поцеловал краешек бархатного знамени и рывком сунул крашеное древко в руки маленькому седому прокопчанину.

— Возьми, товарищ. Уважаю работающих!

ГЛАВА XXII.

Всю вторую половину дня Рогова мучил шум в голове, никаким напряжением воли нельзя было избавиться от этого шума, даже посреди самых горячих дел и в шахте, и в кабинете, и вот теперь, на бюро горкома.

Всего неделю тому назад, выехав в Прокопьевск по вызову начальника комбината, он специально зашел к врачу-невропатологу. Выслушав рассказ о контузии и осмотрев молодого, крепкого на вид пациента, тот вдруг рассердился и сказал с профессиональной грубоватостью:

— Форсите, товарищ! А форсить особенно нечем, лечиться нужно. Мальчишество!

Предложение немедленно же приступить к лечению показалось до такой степени нелепым, что Рогов сразу же постарался забыть о нем, даже пошутил неудачно в очередном письме к Вале: «Вот проворонишь меня со своей диссертацией, умру скоро».

Шум в голове повторялся редко, чаще возникало какое-то сосущее беспокойство, которое трудно было отличить от обычных деловых забот, от приглушенной тоски по Вале. Он понимал, что подготовка кандидатской диссертации отнимает у девушки все время, все силы, но от этого нисколько не было легче. Иног-

да ему казалось, что в ее письмах невольно прорывается смутная тревога, словно она все еще решает: «Ну, хорошо, диссертация. А потом? К тебе на рудник? Что же я там буду делать, если меня неудержимо тянет в просторы Сибири, к новым открытиям? Как же быть?»

— Ты что не слышишь? — громко шепчет Бондарчук. — Тебя спрашивают.

Рогов оглянулся на секретаря, тот смотрел на него внимательно, но, выжидающе, потом повторил вопрос.

— Разговор идет о том, как лучше наладить обмен опытом среди младшего горного надзора, о соревновании по профессиям. Что скажешь?

— О соревновании... — Рогов подумал. — Что могу сказать о соревновании... Передали вот сегодня знамя прокопчанам...

Ременников с десятой рассмеялся:

— Не хвастай, Рогов, этот опыт тебе не зачтется.

Рогов возразил:

— Нет, этот опыт как раз в первую очередь зачтется.

Я хочу сказать о том, что в своей работе мы сегодня будем равняться не только на ворошиловцев, победивших нас, — этот рубеж мы почти перешагнули, — в будущем сорок восьмом году будем решать задачи пятидесятого года. Так, по-моему? — он повернулся к Бондарчуку.

— А с горным надзором... в первом квартале решили всех горных мастеров пропустить через курсовую сеть. Нельзя больше терпеть, чтобы командир смены не имел права ответственности, опыт с Очередько красноречивее слов, довыдвигали человека на свою голову. Вот отправные пункты, Иван Леонидович...

Воронов утвердительно кивнул, потом обратился к представителям четвертой шахты, а через минуту уже с пристрастием допрашивал главного инженера девятой. Рогов невольно заслушался, залюбовался, как секретарь легко, умело вылавливает в речах выступавших самое нужное, самое главное слово, или одной — двумя репликами очищает стержневую мысль от словесной шелухи.

Иван Леонидович был коренным сибиряком, окончил горный институт, несколько лет работал на Дальнем Востоке, руководил одним из угольных трестов, потом был переведен в Кузбасс, уже в качестве парторботника.

Запомнилось первое обстоятельное знакомство с ним. Крутое для Рогова время было. Только что назначили начальником шахты. Тут и случай с Дубинцевым и последние разговоры с Дроботом, прием и размещение почти трехсот новых рабочих. В один из самых горячих дней Рогову сообщили: — Секретарь горкома в шахте, был только что на семнадцатом, теперь неизвестно куда делся. А семнадцатый — это самое больное место на шахте. Уголь золото, но боковые породы — кисель и сверху и снизу «пучит», потом мокреть страшная — семнадцатым при-

ходилось заниматься почти столько же, сколько всеми остальными участками.

Поручив Филенкову заканчивать прием и размещение рабочих, Рогов поспешно спустился на нижний горизонт.

— Иван Леонидович? — переспросил начальник семнадцатого. — Минут пять, как ушел.

Рогов недовольно выговорил:

— По-моему, секретаря горкома можно бы и проводить...

— Пробовал я, — засмеялся техник. — Так ведь он здесь, как в своем кабинете, только рукой махнул.

— Он у диспетчера был, — сообщил транспортный десятник, а диспетчер только плечами пожал, — Иван Леонидович оставил сегодняшнюю газету, посоветовал сообщить начальнику шахты, что перекрепку на третьем основном делают неправильно, и тут же вышел. Рогов уже и надежду потерял найти секретаря. Завернул в забой к Вошину. Тут они и встретились. Афанасий Петрович что-то копался у транспортера породопогрузочной машины, рядом стоял Воронов. Слушая Рогова, он изредка кивал, а потом вдруг перебил:

— Передай, Павел Гордеевич, Бондарчуку: мне непонятно, как это так получилось, что на всю «Капитальную» выписано всего сорок три экземпляра «Правды». Хожу вот и спрашиваю: «Читали письмо карагандинцев товарищу Сталину?» Одни говорят читали, но большинство только краем уха слышали. Что же это такое? Нескладно, нескладно, так и передай.

Вошин распрямился, кивнул на машину:

— Как будто добром аппарат уговорил.

— Капризничает? — осведомился Рогов.

— Есть такой грех. — Вошин вздохнул. — Хороший аппарат, но, по-моему, на заводе кое-чего недотянули. Прикидываю вот, чтобы такое на большую передачу приспособить, чтоб не заштыговывалась? — И тут же, зорко глянув на Воронова, спросил:

— Как думаешь, товарищ Воронов, не пора ли нам самим написать Иосифу Виссарионовичу?

— Думаешь есть о чем? — Воронов оглянулся на Рогова.

— Как не быть, все же в Кузбассе работаем. Он, конечно, Иосиф-то Виссарионович, доподлинно знает, как и что у нас, но ведь и простое слово ему сказать хорошо, — так и так, мол, всяко в нашей Сибири бывает, а все больше вширь, в гору!

— Сердечная у тебя мысль, — согласился секретарь. — Только решать нужно сообща.

Вошин оживился:

— Вот и я говорю, чтобы сообща! Важно начать, а там шахтеры поддержат!

Когда вышли в квершлаг, Воронов подтолкнул Рогова:

— Слышал? Вот что согревает в наших людях! Простой шахтер, а какие думы его обуревают — он и за инженеров му-

чается, которые что-то недотянули, ему и с вождем хочется мыслями, надеждами поделиться. Ты, Рогов, учись у таких.

— Учусь и учу, — подтвердил Рогов.

— И это правильно, — согласился Иван Леонидович. — А я зачем, собственно, к тебе заглянул сегодня? Захотелось самому увидеть, как вы тут расставили силы на направление главного удара. Так как будто ты формулируешь свою задачу?

— Так.

— Вот. Значит цикличность. Но ведь цикличность — это и комплексная механизация, и новая, более совершенная организация труда? Понимаю. Смотрел на пятом и седьмом участках — понравилось, это по-настоящему, по-деловому, а вот на семнадцатом не справляетесь. Зайди-ка вечером с графиками, подумаем.

— А с докладом перед шахтерами ты давно выступал? — неожиданно спросил он.

— Вчера только, — сообщил Рогов.

— А следующий готовишь?

— Следующий? Его у меня Бондарчук отобрал, со скандалом.

Воронов рассмеялся:

— Отобрал? Со скандалом? Это хорошо, на такие скандалы я вас благословляю. Да-а, Бондарчук Витя... Давненько знаю — чистое, горячее сердце.

— Я бы, наверное, заплутался в делах без него, — признался Рогов.

— Заплутался? — Воронов недовольно хмыкнул. — Это плохо. Ты коммунист и должен быть готов к тому, чтобы завтра заменить того же Бондарчука, любого партработника.

— Это трудно... — Рогов подумал. — Партийная работа — это, по-моему, высшая степень жизнедеятельности...

Воронов замедлил шаг, припоминая что-то, потом сделал новый поворот в разговоре, спросив:

— Ты знаешь такую девушку, Инну Савельеву? В коммутаторе у тебя работает?

— Инна Савельева?... — Рогов замаялся, стараясь представить себе эту телефонистку.

— Не знаешь? — огорченно переспросил Иван Леонидович. — Странно. У нее же такой голосище! Талант! Я прошлый раз слушал ее на смотре самодеятельности и на добрый десяток лет помолодел. Сильный голос, обрати внимание и помоги при случае.

С той встречи, если у Рогова выпадал свободный вечер, он запросто шел к Воронову и часами просиживал в его кабинете, на жестком дерматиновом диване. Не уставалось смотреть, слушать, как этот крупный человек с лицом рабочего, с лобастой головой на короткой тугой шее, ходит по ковровой дорожке и говорит о самых разнообразных вещах. При этом он никогда не

упускал случая попытать собеседника. Останется напротив и, прервав себя на полслове, спросит:

— А ты как думаешь? — и если ответ понравится, глянет быстро в лицо, пошевелит губами и снова пойдет, прикасаясь мимоходом то к телефону, то к спинке стула, то к переплетам книг на этажерке, точно проверяя, прочно ли, надежно ли все это сделано.

На-днях он заговорил вдруг, что хорошо бы шахтерским детишкам отгрохать дворец, во-он на той солнечной горке — белокаменный, с легкими колоннами-свечами, с просторными залами для игр. Что такое, руднику скоро двадцать лет, а такой простой штуки не сообразили.

— Ты как считаешь? — спросил он у Рогова и тут же посоветовал: — С материалами мы как-нибудь обойдемся, но где взять строителей — вот в чем вопрос? Зато уж попрыгали бы ребятишки, а?

Через минуту он уже сидел за столом и, брызгая в спешке чернилами, набрасывал план мероприятий. Нет людей на строительство? Но на руднике три тысячи комсомольцев, полторы тысячи коммунистов — сила! А ну-ка, давайте подыдем на ноги всю эту силу!

А вчера он сердито выговаривал по телефону:

— Не понимаю, Рогов, почему ты держишь под замком богатейший опыт? У тебя Воицины зачинают такое дело, как многозабойный метод проходки...

Рогов запротестовал:

— Иван Леонидович, они у меня и так днюют и ночуют по чужим забоям!

— Это на «Капитальной», — прервал Воронов. — А об остальных шахтах, о Кузбассе ты думал? Неужели? Странно, что ты тогда сиднем сидишь на человеческом опыте? Слушай, чтобы тебе не грешно было, немедленно пиши статью в областную газету — это раз, во-вторых, проконсультируй своего профессора скоростной проходки — старшего Воицина, обеспечь транспортом, пусть побывает на всех трестовских шахтах, да расскажет там о своем умении. Только смотри без проволочек.

Рогов учился у Воронова, стараясь вникнуть глубже в умение секретаря держать в руках все нити многообразной рудничной жизни. С ним было легко говорить и работать, зная что он подправит и в то же время не будет заглядывать под локоть.

Вот и сейчас секретарь сидит, чуть потупившись, глубоко вдвинув свое квадратное тело в кресло, сидит, как будто бюро идет само собой, без его участия. Люди выступают, спорят, настаивают и плывет маленький зеленоватый кабинет в ночи, точно по заданному курсу. Но вот, что это? Крен? Ага, Ременников, что-то слишком уж разошелся. Чудак, ну чего горячится, сказал бы спокойно, что для выполнения квартального плана

мне требуется еще сорок забойщиков, обосновал бы это цифрами, фактами.

Внезапно Рогов гасит на лице благожелательную улыбку — этот Ременников не только чудака. Ведь совсем недавно он хвастался по телефону, что у него в резерве на подсобных работах есть около двух десятков навалоотбойщиков, чего же он сейчас ерепенится?

Воронов слегка двинул широкой бровью, повел взглядом на начальника планового отдела треста.

— Ты что скажешь?

Начальник откашлялся, подумал и сказал, что из последней партии оргнабора, на десятую будет передано только двадцать человек, остальные двести распределяются примерно так же по всем шахтам, исключая «Капитальную», которая получит шестьдесят пять. Так ведь нужно учитывать ее удельный вес...

Сначала Рогов подумал, что ослышался, но инженер из треста еще раз повторил:

— На «Капитальную» пока что передаем шестьдесят пять.

Заметив нетерпеливое движение Рогова, Воронов легко выдвинулся из кресла, кивнул:

— Говори.

Бондарчук рядом даже не шевельнулся, как сидел, сомкнув пальцы на колене, слегка наклонив к плечу голову, так и сидит.

— Ничего не понимаю!.. — Рогов недоуменно раскрыл перед собой ладони. — Откуда и зачем такая благодать на «Капитальную»?

Начальник планового отдела тоже развел короткими ручками.

— Тогда я тоже ничего не понимаю, человек отказывается...

— Не человек, не человек! — перебил Рогов. — Не пугайте. Государственное предприятие, целый коллектив вам говорит: ради истинного, обойдите нас этой своей заботой.

— Яснее! — потребовал Воронов.

Рогов раздельно выговорил:

— «Капитальной» не нужны сейчас рабочие.

— А завтра?

— Тем более! Лишние люди — это груз, который будет давить на производительность труда, на зарплату.

— Позволь! — это подал голос Черкашин, главный инженер треста и он же временно исполнявший обязанности управляющего.

— Позволь, Рогов, я думаю, ты не из тех, кому нравится красивый жест, чем же вызвано это твое фанфаронство? Ты же сам полтора месяца тростишь: «Уклон, уклон! Нужно форсировать уклон!» Вот и форсируй! К тому же к весне необходимо развернуться с жилищным строительством..

Скулы у Рогова порозовели, и когда Черкашин закончил, шумно вздохнув, он почти выкрикнул:

— Не нужны «Капитальной» рабочие! Не возьму!

Бондарчук покачал носком сапога: «Спокойнее».

— Не возьму, — медленнее повторил Рогов. — В тресте не может быть неизвестно, что мы механизировали полностью лесной склад, сократили раздутые штаты в коммунальном, в ОРС'е и получили от этого около ста рабочих. Есть и еще резервы. Я уже не говорю о коренной механизации подземных работ.

— Та-ак... — Воронов очень медленно, но зорко оглядел собрание. Та-ак...

Ременников сидел потупившись. Рогов все еще стоял, Черкашин что-то медлил, обдумывая. Потом тоном окончательного решения проговорил:

— А рабочих придется взять.

— Нет! — Рогов потряс головой.

— Возьмешь! С трестовской каланчи виднее.

— Я не знаю, что видно с трестовской каланчи... — Рогов оглядел притихшее бюро. — И все же я уверен, что это очень хлипкая, обывательская каланча. Антигосударственная!

Черкашин и начальник планового отдела гневно замахали руками, но Иван Леонидович негромко кашлянул и, словно не замечая разгоревшихся страстей, подытожил, постукивая карандашом о пресс-папье:

— Очень интересно... и принципиально! Прошу, товарищи, запомнить позицию Рогова. Решать пока ничего не будем, а завтра... с утра, ты, Черкашин, зайдешь ко мне с планом по кадрам. Очень интересно!

ГЛАВА XXIII

Поздно вечером состоялся тот самый неприятный разговор со Стародубцевым, который Рогов бессознательно откладывал со дня на день и злился на себя, потому что давно уже понял — однокашник не на своем месте.

Назначение Рогова начальником шахты Семен принял спокойно, как событие, которое он предвидел и чуть ли не предсказал. Он как-то даже подмигнул Рогову доверительно:

— Наш курс удачливый!

Но в остальном он держался просто, не заискивал, в разговорах был подчеркнуто деловит, казался исполнительным. Между тем, подземный транспорт попрежнему оставался самым неблагополучным участком на шахте. Рогов последние дни сам занимался всеми транспортными делами. Семен не удивился этому и, как показалось, даже обрадовался. Вместе осматривали путевое хозяйство, подвижной состав, электровозный парк, депо. Часто, предупреждая замечания Рогова, Стародубцев здесь же, на ходу, устраивал трескучий разнос подчиненным, а потом пожимал узкими плечами:

— Ты же видишь, Павел, какой народ? Неучи. Долби такому хоть сутки, а он все по-своему.

«Неуч» — это машинист, высокий парень, с узким лицом и упрямо насупленными бровями. Слушая начальника транспорта,

он медленно поглаживает корпус электровоза, по неизвестной причине остановившегося на перегоне.

— Ну, что ты его оглаживаешь? — шагнул к нему Стародубцев. — Нашел сивку-бурку!

— Что ж мне, бить его? — возразил машинист. — Бить других полагается.

— Ты без намеков! — озлился внезапно Стародубцев... — И почему стоишь? Немедленно вызывай аварийную машину!

Парень выпрямился и, смотря почему-то на Рогова, заговорил чистым, звенящим голосом:

— Не орите. Не виноват. Предупреждал механика. «Езжай, — говорит. — Не разговаривай!» — машинист коротко передохнул и, сжав губы, ударил по корпусу машины. — Пять месяцев, без ремонта ходила, загоняли. Все на живульках держалось. А мне больно. Понятно?!

Рогов еще несколько раз встречался с этим машинистом, приглядывался к нему, расспрашивал, как он работает.

— Это вы про Анатолия Костылева? — отвечали транспортники. — Ну, это такой машинист, — на одном свисте может поехать, были бы только колеса от электровоза.

Вызванный Роговым на беседу, Костылев явился точно в назначенное время, подтянутый, выбритый, в хорошо сшитом костюме, ослепительной сорочке и аккуратно, умело завязанном галстуке. Весь он был воплощением аккуратности и порядка. Даже вещи вокруг него становились, казалось, нужнее, красивее.

— Три года на машине, — коротко сообщил он. — А насчет разговора с начальником транспорта вы не сомневайтесь, Павел Гордеевич, я тогда... очень взволнованный был.

Рогов попросил его рассказать, что он думает о своем транспортном цехе, о своей работе, о людях. Слушал с удовольствием — такая ясная голова оказалась у этого парня.

Переключившись с сосредоточенным видом мерлушковую шапку с одного колена на другое, Костылев обстоятельно поведал, откуда, по его мнению, навалились беды на транспортников.

Во-первых, путевые бригады не укомплектованы, текущий ремонт пытаются организовать суботниками; во-вторых, вагонички давно пора заменить на большегрузные, в крайнем случае, следует нарастить борты у тех, которыми приходится пользоваться; в-третьих, и это основное, электровозы. Нужен срочный, капитальный ремонт. Говорят, что нет запасных машин, чтобы заменить для ремонта действующие. Ерунда. На линии их каждый день работает двенадцать, а можно обходиться восемью. Что для этого нужно? Пусть дежурные диспетчеры круче поворачиваются, пусть на участках организуют погрузку по-человечески.

— Все это очень серьезно, — заметил Рогов. — Справитесь-ли?

— У нас сто двадцать комсомольцев! — быстро привстал

Костылев. — Показать им, что и как, организовать учебу.

— Сами-то учитесь?

Машинист даже удивился:

— Я? Обязательно, только заочно.

— Трудно вам будет... — подсадовал Рогов. — Но ничего не поделаешь, учиться ни в коем случае не бросайте, а то завтра нам нечего будет делать на шахте. Учитесь! — Не отвечая на вопросительный взгляд Костылева, он сказал, что еще вызовет его.

И вот теперь настал срок поговорить со Стародубцевым. Семен вошел чрезвычайно оживленный, улыбающийся.

— Ничего не знаешь? — спросил он загадочно. — Все хозяйством занят? Подвижник ты. А у меня, Павел, радость: Клавочка третью дочь подарила.

Рогов поздравил его, стараясь скрыть невольное смущение, но Стародубцев ничего не заметил и тут же посетовал:

— Да, растет семейка, придется жать на работенку — денег потребуется мешок. Между прочим, попрошу у тебя внеочередной аванс, через недельку сварганим вечерок, на котором твое присутствие совершенно необходимо!

Рогов нетерпеливо встал.

— А ты не отказывайся! — потянулся через стол Семен. — Это клавишкоинo желание, сам понимаешь — женщина. К тому же ты довольно популярная личность на руднике. Идут суды-пересуды: когда и на ком женишься, даже кандидатуры называются.

Рогов рассмеялся.

— Трепатня, конечно, — согласился Стародубцев. — А ты что вызывал, срочное?

— Срочное, — подтвердил Рогов. — Но я тебя скоро отпущу.

— Неполадки какие-нибудь? Я ведь с утра все с дочурками...

— Ничего особенного, ни шатко, ни валко, — успокоил Рогов. — Но я как раз и хотел поговорить об этом. Приказ-то, Семен Константинович, не выполняется, ремонт так и не организован...

— Ну, знаешь... — обиделся Стародубцев. — Стоило пороть горячку. Завтра могли бы утрясти.

— Нельзя, — сжав кулаки, Рогов несколько секунд прислушивался к телеграфной трескотне в затылке. — Нельзя, завтра, нужно сейчас! Ты пойми, вся шахта спотыкается от транспорт, мы же идем на преступление, задерживая добычу.

Болезненная гримаса исказила лицо Стародубцева, он поднял обе руки:

— Помилуй, Павел, не говори громких слов — «преступление, наказание»... Это же обыкновенная жизнь, со всеми ее взлетами и неудачами...

— На всякую жизнь я не согласен. Не всякую жизнь наши люди принимают!

— Это тебе так кажется...

— Нет. Иначе незачем было громить фашистов, незачем поднимать на борьбу миллионы! — Рогов остановился и удивленно заглянул в небольшие, голые глаза однокашника.

— Почему ты остыл? Как ты мог забыть, чему нас учили? Стародубцев снова приподнял руку:

— Я почти наизусть помню даже лекции доцента Ваньчугова, самые неинтересные...

— Помнишь? — Рогов устало отмахнулся. — Может быть. Но я не об этом. Ты сердцем забыл, чему нас учила партия!

— Будь осторожен, Павел, не путай сюда партию.

— Хорошо, — согласился Рогов. — Я буду осторожен. Ты устал. Может быть, отдохнешь немного? Курорт устроим, а там...

— Снимаешь? — шопотом спросил Семен и передернулся всем телом. На его остром побледневшем носу проступили мелкие капельки пота. — Меня снимаешь? Забыл, как одни штаны в институте носили, как черный хлеб пополам делили? Снимаешь, когда мне особенно... невозможно, трудно?

— Снимаю, Семен! — Рогов прижал ладонью листок свежестпечатанного приказа. — Не мешай, Семен, работать. Сдашь завтра хозяйство Костылеву.

Потом он упорно смотрел, как Стародубцев застегивал негнущимися пальцами кожаное пальто, натягивал шапку, заправляя оттопыренные уши, как он шел по узенькой ковровой дорожке, прижав локти к бокам, как оглянулся из-за плеча, взявшись за дверную ручку.

А дома Рогова ждала совершенно необычайная новость. Не успел он раздеться, как в комнату вошел старик Воцин и, сухо поздоровавшись, спросил:

— А где будет ваш сродственник, или кто он вам доводится?

— Данилов? — вначале не удивился вопросу Рогов. — Ей-богу, не знаю, Афанасий Петрович, сам вижу его раз в неделю — такой непоседа этот родственник. Присаживайтесь, Афанасий Петрович.

Но Воцин наотрез отказался от предложенного ему стула, сказав, что он просит извинить за беспокойство, но пришел с жалобой на Данилова.

Совершенно сбитый с толку, Рогов несколько раз обошел вокруг проходчика, а тот, утвердившись на слегка расставленных ногах, излагал жалобу.

У него есть племянница, Тоня Липилина, инвалид Отечественной войны, тяжело больна. Временами почти не видит. Этот Данилов как будто встречал ее на фронте и по молодому делу влюбился. Какой в этом грех, совсем даже наоборот, очень естественно. Воцин так и сказал, пошевелив соломенными бровями:

— Очень даже естественно.

Но на фронте девушка была полным человеком, а теперь инвалид. Может быть, последние дни доживает, ей покой нужен. Данилов же ничего понимать не желает.

Пробовала мать Тони сделать укорот парню, но он, как оглашенный, просто на рожон лезет! Надо, чтобы Павел Гордеевич сам поговорил со своим сродственником, или кто он ему доводится.

Оставшись один, Рогов в отчаянии ударил ладонью по лбу. Чорт, какая слепота! И ведь рядом все это творится. Вот откуда у Степана рассеянность, усталость в глазах.

Всего вчера, когда он поздно вернулся домой, Рогов так неплохо пошутил:

— Веселишься? Крепок! А я думал ни рукой, ни ногой не двинешь после смены — работнули неплохо. Уж не Оленька ли Позднякова тебя тревожит?

Степан как-то растерянно двигал губами, попробовал улыбнуться:

— Не Оленька, Павел Гордеевич, был тут в одном месте.. Хочу, Павел Гордеевич, перекусить в общежитие, к черепановцам.

— Не выдумывай! — запротестовал Рогов. — У меня и так живым не пахнет. Не разрешаю, как хочешь.

— Павел Гордеевич... — Данилов показал глазами на портрет, — она же придет?..

— Валя? — по лицу Рогова скользнула еле приметная тень.

— Это, Степан, длинная история...

Что-то в голосе Рогова, в выражении глаз, в том, как он осторожно приподнял и резко поставил портрет девушки, что-то такое, чему не подберешь названия, так как это была и не тоска, и не горе, и не надежда, а может быть все это вместе, очевидно, приоткрыло для Данилова еще одну сторону в существовании товарища, это их как-то по-новому сблизило, хотя Рогов и не понимал, почему Степан притих, а глаза у него засветились мягко, ласково.

Через минуту они заговорили о делах на шахте. И опять-таки у Рогова в этом не было ничего от желания забыть о Вале, разговор о деле был органическим продолжением его мыслей о девушке.

Но это было свое, годами выношенное, а вот в близкое горе, в крутые горькие думы товарища он не сумел проникнуть.

Тоня Липилина? Но Рогов и Тоню помнит. Помнит сильной, здоровой, беззаветно храброй. Как же он мог просмотреть, что где-то совсем рядом угасает этот светлый человек?

Позвонил на шахту и не переодеваясь стал ждать машину. За окном была глубокая ночь, по черному стеклу неслышно скользили крупные хлопья снега. Несмотря на поздний час, на каменную усталость, Рогов решил сегодня же разыскать Тонию Липилину и, разузнав обо всем, еще раз, гораздо обстоятельнее поговорить и с Афанасием Петровичем и с Даниловым.

ГЛАВА XXIV.

Наезжая друг на друга, быстро скатились по крутой печи в штрек и пошли на выход.

— Зайдешь сегодня в общежитие, Степан Георгиевич? спросил Черепанов, когда они уже раздевались в мойке.

— Обязательно, — пообещал Данилов, — схожу, вот, в одно место.

Митенька тайком подмигнул бригадире, — что-то частенько их новый товарищ заглядывает в это «одно место». Просто интересно.

Данилов, особенно сегодня, говорил мало — боялся чем-нибудь выдать свою предельную усталость. Колени дрожали, руки необычайно отяжелели, ладони распухли, а когда смыл грязь, на них проступили багровые мозоли. — Стыдился своих безобразных рук, старался не показывать их бригадникам. И напрасно. Комсомольцы давно наперечет знали все его мозоли. Вот и сейчас, заметив, как он взял кусок мыла и сморщился, Черепанов покачал головой, Сибирцев вздохнул, Митенька тоже постарался принять в этом посильное участие, сказав невпопад:

— Обыкновенно. Непривычка.

Черепанов грозно шевельнул бровью.

Да, товарищам можно от чистого сердца позавидовать, они на глазах наливаются новыми силами. Саенко вон, что-то уже насвистывает, Митенька размечтался о походе в кино, Сибирцев беззлобно ругает какого-то расчистчика, забывшего ему начислить «прогрессику». Прыгая на одной ноге под душем, Санька Лукин выкрикивает:

— Ну и хвастун! Она, говорит, у меня королева-царевна! Это он про свою Оленьку, Сашка-то Чернов. Волосы, говорит, у нее, как воронье крыло, глаза — прожекторы! И еще какие-то показатели называл, не помню.

— Может спину потереть? — спросил Данилов у бригадира. Тот отказался, сказав, что Сибирцев и так шкуру ему протер, но про себя подумал: «Как раз с твоими-то руками сейчас в мыльной пене возиться».

Работали эту смену все вместе, так нужно было — рассекали новую лаву. Особенно трудно Данилову достались последние два-три часа. Вместе с Сибирцевым он сменял в нижней параллельной просеке нарушенное крепление. Черепанов несколько раз за смену подзывал к себе Сибирцева и жарко дышал ему в лицо, выговаривая:

— Еще раз предупреждаю: не наваливай ты на Степана Георгиевича что неподручно! Имеешь какое-нибудь соображение?

Сибирцев смущенно оправдывался:

— Соображение имею, но ты же видишь, какой он. Из рук работу выхватывает. А скажешь слово, только глазом поведет. Какое уж тут мое руководство?

Узнай Данилов о таких разговорах, без греха бы не обо-

шло. Но у него просто ни времени, ни сил не было следить за чем-то, кроме своей работы. В минуты передышки, приглядываясь к ловким, легким движениям своего напарника, он с горечью думал: «Но ведь я четыре года окопы рыл, по шестьдесят километров ходил с полной выкладкой, а потом в бой. Почему же мне так трудно дается шахта?» Непонятно все это и тревожно.

Нельзя было не заметить, как бригадники, очень осторожно, стараясь делать незаметно, подпирают его своими плечами. Но если вначале это радовало, согревало, то теперь он уже трудно сдерживал раздражение. И на самом деле, чем он слабее того же Митеньки? Стоит только посмотреть, как тот, слегка присвистнув, подхватывает лесину, меряет взглядом, потом удар, второй! И вот уже это не лесина, а стойка-свечка. Не работа — выставка.

...По пути из мойки, в коридоре бригаду встретил Рогов. Свет из окна упал на его скуластое, коротконосое лицо, зажег в глазах веселые искорки. Расставив руки от стены до стены, словно хотел обнять разом всех, спросил взволнованно:

— Как лава, друзья? Закончили?

— Выиграла лава! — басом доложил Лукин.

— Вот видите! Еще пятьдесят метров фронта прибавилось, а там глядишь еще сотню наберем — будет где развернуться. — Повернулся к Данилову. — Ну, а ты, что ж, гвардии сержант, не докладываешь?

Данилов против воли, невесело улыбнулся:

— Боюсь, как бы не пришлось к обороне переходить, товарищ гвардии капитан...

— О!.. — Рогов всерьез удивился. — К обороне? Когда все летит вперед? Ну, хорошо, мы еще поговорим об этом, а сейчас марш в столовую! Питайтесь!

В столовой бригаду обслуживал весь наличный штат, включая шеф-повара, который необычайно быстро катался на своих коротких ножках и еще в самом начале пиршества смутил забойщиков, пообещав угостить каким-то «де-валляй». Парни с сомнением усмехнулись и только Санька Лукин благосклонно разрешил:

— Валяй! Тебе виднее!

Пожилая повариха все свое внимание сосредоточила на Митеньке, самом низкорослом и самом курносом в бригаде. Подав ему кружку пахучего кофе, она остановилась рядом и подперла щеку ладонью.

— Кушай, соколик, тебе расти...

— И умнеть! ... — мимоходом заметил бригадир.

Митенька кушал, краснел, косо поглядывая на повариху, а когда она особенно шумно вздохнула, взмолился:

— И что вы, тетенька, на самом деле!...

У Данилова ложка из рук валилась, только усилием воли заставил себя поковыряться в тарелках. Когда же пришел на

квартиру, почти не сгибаясь, упал на узкую железную койку. А потом долго не мог найти место ноющим рукам. Почти со страхом думал, что ведь и завтра и послезавтра нужно будет итти на смену, снова долбить, перекидывать уголь, заколачивать стойки, бурить. И тут впервые в душе его шевельнулось что-то похожее на зависть к настоящим шахтерам, потому что труд их представился сейчас сплошным подвигом. Мелькнула тревожная мысль: «Выйдет ли из меня что-нибудь?» И хотя он тут же решил, что выйдет, что он во что бы то ни стало будет шахтером, успокоиться все же не мог. И сна не было. Когда в окно заглянуло медленное багровое солнце, он встал и, морщась от боли в руках, оделся.

Конечно, нужно было сразу итти к Тоне, потому что какой же отдых без этого. Острое беспокойство охватило его. Он заторопился. По улицам почти бежал. Только ступил в знакомый, узенький переулочек, как из огорода окликнули:

— Молодой человек!

Это была мать Тони — Мария Тихоновна. Она подошла с явной неохотой и, положив на сухой плетень смуглые руки, тяжело оглядела Данилова. На ней была все та же старенькая косыночка, надвинутая к самым бровям.

Данилов порывисто шагнул ей навстречу:

— Мария Тихоновна! Как Тоня?... Я ведь не мог вчера... Понимаете, такая работа...

— Не тревожьте доченьку!.. — глухо перебила женщина, лицо ее на секунду потеплело, но сейчас же снова стало замкнутым. Договорила она жестко, полуприкрыв глаза: — Заказана вам дорога к Тоне... — убрала руки с плетня, поправила кобылку и устало повторила:

— Заказана вам дорога к Тоне... Не тревожьте доченьку.

Данилов проводил ее долгим, сразу затосковавшим взглядом, сосутил плечи и прислонился к плетню. Над землей тлели бесцветные сумерки, прямые дымочки поднимались над улицами. Густели сумерки, а Данилов не отрываясь смотрел на домик Липилиных. Давно уже за крестообразным переплетом тонинных окон вспыхнул зеленоватый свет.

Прикрыв на минуту глаза, припомнил обстановку в комнате подруги, каждую вещичку, к которым она прикасается. Как он привык ко всему этому!

Да, он приходил сюда каждый день в течение этих коротких недель. Сидел часами, пока Тоня засыпая не говорила:

— До свидания, Степа... во сне.

Темные крылышки ее ресниц коротко вздрагивали, как после полета и успокоенно ложились на чистую белизну щек. Иногда он сразу же уходил. Но чаще оставался у постели девочки, прислушивался к ее дыханию, к осторожным шагам Марии Тихоновны за перегородкой. Временами в такие минуты он чувствовал глухую неприязнь к матери за ее постоянную

к нему настороженность, за настойчивые попытки разгородить собой его и тонину жизни.

Бывали дни, когда Тоня чувствовала себя бодро, когда боль в глазах не донимала ее. Тогда она вставала с постели и, опираясь горячей слабенькой рукой о плечо Данилова, выходила на улицу. Как-то ей захотелось побывать на пригорке «поближе к солнцу» — сказала она. Он взял ее на руки и медленно пронес по улице, и видел только ее сияющие глаза и какое-то притихшее лицо. У него гулко стучало сердце. Он даже не заметил, как несколько встречных шахтеров почтительно уступили ему дорогу, не слышал, как один из них сказал:

— И такое счастье бывает...

А Тоня слышала это и весь день была задумчива. Они долго сидели на пригорке. Над их головами, в хрустальной глубине пространства плыли нивесть куда тысячи серебряных паутинок с белыми узелками. Внизу раскинулся городок, облаканный полуденным теплом и свежим дыханием ветра из горных долин, поднявшийся в густо-синее небо вышки копров, конусы породных отвалов.

Данилов вслух читал городскую газету, потом рассказывал о неудачах Рогова на производстве и наконец спросил у Тони, хорошо ли ей. Она ответила коротко:

— Нет. Мне самой хочется ходить рядом с тобой. Самой! — а через минуту пыливо глянула на него: — А тебе?

— Мне? — Данилов удивился. — Зачем ты спрашиваешь? Я же здоров, как... не знаю кто, и ты со мной.

— Ты счастлив?

— Тоня!...

— Ты счастлив?!

Он подумал с минуту и, не опуская глаз под ее строгим требовательным взглядом, сказал:

— У меня счастье напололам... И хорошо мне, что я с тобой, и тяжело, что ты... За тебя тяжело.

Тоня покачала головой.

— Это неправда, Степа. Счастье не может греть с одной стороны.

— Почему ты...

— Не может! — Голос у нее зазвенел и оборвался, она словно угасла и тут же попросила несмело: — Прости, Степа, я не буду об этом...

А через час она снова слегла в постель, снова сляпывая боль в глазах отуманила ее память. Данилов сидел допоздна, а когда собрался уходить, на крыльце его остановила Мария Тихоновна и впервые выговорила все, что думает о нем, о его назойливых посещениях, о его черством сердце, в котором нет ни капли жалости к искалеченному человеку, потому что никто иной, а он, Данилов, добьет ее дорогую доченьку, он, ради

пустого молодечества, стыдного бахвальства берedit ее память, манит к тому, что уже недоступно Тоне. Но ведь есть же справедливость, неужели молодой человек не понимает, что мать ни перед чем не остановится, чтобы оградить свое дитя!

— Не топчитесь вы на чужом горе! — сказала Мария Тихоновна.

С минуту Данилов стоял тогда, согнувшись под тяжестью этой неожиданной беды, а когда молчание стало невыносимым, спросил внешне спокойно, только шопотом:

— А как же мне жить... без Тони?

Мария Тихоновна хотела, наверное, ответить: «Живите. Нас это не касается», но голос у нее перехватило — такая бессловесная тоска глянула на нее с лица Данилова.

Он и на завтра пришел и опять стал бывать каждый день, словно и не было у него разговора с матерью. Тоне становилось то хуже, то лучше. Навещали врачи. Их было двое — маленькая, с острым личиком Антонина Сергеевна — терапевт и хирург Ткаченко. Данилов заметил, что руки у Антонины Сергеевны были ласковые, чуткие, что прикосновение этих крошечных, с виду некрасивых, рук успокаивало девушку. Ткаченко был шумлив, дотошен, и интересовался не только состоянием пациентки, но и тем, что и кто ее окружает. Его постоянно переполняли самые разнообразные впечатления, радовался и горевал он бурно и непосредственно.

Врачи недолюбливали друг друга. Это не бросалось сразу в глаза, но стоило только прислушаться к тому, что каждый из них говорил, как относился к недугу девушки, становилось ясно, что эти два разных по характеру человека, совершенно поразному и подходят к своим задачам.

Антонина Сергеевна ходила бесшумно, словно плавала над землей. Когда являлся Данилов, она смотрела на него строгими немигающими глазами и часто повторяла шопотом:

— Ти-ише! Не топайте так сапожищами!

А Тоню упрасивала:

— Голубушка, самое главное — абсолютный покой, самое главное в вашем положении, — умение выключить себя из всех забот.

Данилов проникся к Антонине Сергеевне благоговейным уважением, в ее присутствии ходил на носках, кашлял в ладошку и даже дышал в полсилы.

Но вот он застал у постели больной Ткаченко — человека кругленького, плешивого, с угловатыми порывистыми движениями. Этот не кашлял в ладошку, не просил тишины. Познакомившись с Даниловым, он почему-то обрадовался и на том же кругу устроил ему форменный допрос:

— Тоже снайпер? И какой счет, позвольте? — А услышав, что у Данилова на счету триста девять гитлеровцев, встопорщился: — И все наповал?

— Как правило, — подтвердил снайпер.

— Нет, вы знаете что-нибудь о таком правиле? — Ткаченко суматошно оглянулся на Тоню, но та лежала полуотвернувшись к стене.

Когда шли от нее, Данилов осторожно спросил:

— Как, доктор, дела?

— А вы, кто будете при ней? — Неожиданно отозвался тот.

— Я?.. — Степан заглянул в его строговатые в эту минуту глаза. — Я люблю ее, доктор, она мне дороже жизни!

Ткаченко неопределенно помахал перед собой рукой, потом сжал кулак и почти закричал:

— Правильно делаете! Любите ее, да не втихомолку, а чтобы все люди об этом знали! Вы же солдат, шахтер, у вас молодое сильное сердце, ну и зовите ее в жизнь — в правое дело. — Он помолчал и заругался: — Чорт, не прощу себе, что немного опоздал, а потом проглядел, как эта Антонина Сергеевна опутала, оплела девчонку своей тишиной, шопотом... И мамаша вот, глядя на нее, свихнулась, готова отгородить свою дочь перинами, даже от солнца. Вот глупистика!

Прощаясь он еще раз напомнил:

— Степан Данилов, вы тут сейчас можете сделать больше чем десять профессоров. Слышите? Вы приходите к Тоне из великой жизни, от таких людей, которым весь мир завидует. Ну и тащите ее в эту жизнь, расправляйте ее силенки! Надейтесь: в вас должен быть такой талант.

— Такого таланта у меня на батальон! — пошутил Данилов и с тех пор стал «тащить» Тоню в жизнь. В этом не было ничего нарочитого, надуманного, не от сердца, хотя самому приходилось на шахте с каждым днем труднее. Часто искренне удивлялся: когда же придет привычка к необычному для него труду, когда же вместо мучительного нытья в руках, в каждой косточке, он будет чувствовать просто приятную усталость, удовлетворение.

Тоня иногда спрашивала:

— Ну, как у тебя, Степа? Ты привыкаешь?

— Привыкаю, — торопливо соглашался он, — а то как же!

— Тебя хвалят шахтеры? А я, знаешь, во сне видела, что тебя комдиз вызывал и хвалил перед строем за то, что ты хороший, знаменитый шахтер. А я думаю: «Какой же он шахтер? Он же снайпер».

— Насчет того, чтобы хвалили — слабовато... — признавался Данилов. — А мне иначе нельзя, понимаешь? Бригада-то моего имени! И знаешь, какие люди? Горячие, добрейшие парни. Вчера вон собрание было. Президиум избирали. Такой-то стахановец, такой-то, а потом: Герой Советского Союза Данилов. Не сказали, что стахановец, а я хочу этого — уже не могу иначе!

— Потом сидел в президиуме и думал: вот встанет скоро

Тоня — вместе будем ходить на такие собрания, пусть слышит, как обо мне говорят.

Щеки у Тони розовели, она вздыхала и медленно выговаривала:

— Хорошо, Степа, с народом, тепло. Ты ведь веришь, что я буду с тобой, вместе со всеми?

Он верил в это и вот до чего дожил.

«Не тревожьте доченьку... Не топчитесь на чужом горе!»

Это Степан Данилов топчется на чужом горе? Эх, мама, мама, как только у тебя язык повертывается...

ГЛАВА XXV.

Подождал с полчаса Рогова и лег спать. Но и тут постигла полнейшая неудача — сна не было. Пришлось вставать уже второй раз после смены. Вскипятит чай, все приготовил к ужину, но и ужинать расхотелось. Постоял у окна, глядя сквозь заснеженное стекло. Что-то сейчас Тоня делает? Плохо, Тоня, с твоим шахтером, ой, как плохо.

Где-то за скользящей сеткой крупных снежинок мелькнули шахтные огни. Шахта... Данилов вдруг круто повернулся и, то ропливо одевшись, выскочил на улицу.

Шахта! В первый раз за эти недели он идет к шахте за помощью, за советом. Какая-то будет она в эти минуты? Такая же суровая, требовательная, как и в часы труда?

Бондарчук был один. Медленно поднял крутолобую голову от книги, устало улыбнулся.

— Читаю и прислушиваюсь к забоям. Садись, Степан.

Данилов разделся, сел, помолчал и вдруг спросил в упор:

— Как думаешь, Виктор Петрович, что такое счастье?

— Счастье?... — Бондарчук заложил книгу линейкой, закрыл, быстро перепустив страницы, потом прошелся вокруг стола, следя за своей угловатой тенью на стене. — Ты пришел с трудным вопросом, Степан. Может быть подумаешь и сам ответишь?

— Я думаю... я все время думаю.

— И все ищешь это счастье?

Степан тряхнул головой:

— Чего мне искать, я хочу осмыслить.

— Ну, что ж... Счастье ведь всякое бывает.

— На всякое я не согласен. Мне, чтоб самое человеческое.

Глаза у Бондарчука налились влажным блеском.

— Но ведь счастье это у тебя в руках. Неужели не испытываешь?

— Испытываю. — Степан лег грудью на стол. — Трудное оно, Виктор Петрович. Иной раз даже и в лицо его не узнаешь.

— Трудное... Это ты правильно сказал. Настоящее счастье — трудное счастье. Но еще труднее бывает его увидеть во весь рост. Счастье, по-моему, в борьбе за свой народ, в том, чтобы

рассмотреть сквозь будни великое завтра, чтобы носить это завтра в своем сердце, в крови. Понимаешь, Степан! Вот мы шли в Германию и почти у каждого было такое чувство: прошел километр — позади можно и любить, и родить, и хлеб сеять — все можно. И самое главное — жить по-человечески. Вот что! Жить! А теперь! Теперь мы, как были — солдаты!

Степан подхватил:

— Я солдат, — это так. Но мне все кажется, что за главное то я и не ухватился в жизни. Вот шахта... Ну, что такое я для шахты? По-моему, человек должен быть там, где нет ему в эту минуту замены. А я... смотри! — он рывком выбросил перед собой руки — на ладонях багровые пятна мозолей.

Бондарчук мельком мягко улыбнулся:

— Значит, шахта не по душе?

— Не разобрался. Скорее — не по рукам. Ты говоришь: «Счастье у тебя в руках», а мне приходится держаться за него зубами: такими руками сейчас ничего не удержишь.

Не спуская с парня испытующего взгляда, но тоном обыденным, безразличным, Бондарчук сказал:

— Был у меня сегодня такой разговор о тебе... Вижу, что трудно. Но ты сам-то, как думаешь, есть для тебя замена у черепановцев?

— Замена?

— Да, ты же сам сказал: «Человек должен быть там, где его нельзя заменить».

— Не-ет... — Степан медленно выпрямился, потом быстро встал. — Об этом мне и думать заказано, если бы даже пришлось стоять на смерти... Как в бою! И сейчас я не о себе. Некогда.

Он пересел поближе к парторгу и, очень волнуясь, рассказал о своем и тинином горе. Но если там стала поперек пути мать, хотя у нее самые добрые намерения, Тоне все равно нужно какой-то знак подавать из большой жизни. Как же это сделать, чтобы по-хорошему, по-человечески?

За все время, пока Степан сбивчиво излагал «нужду своего сердца», как он выразился, Бондарчук и словом не обмолвился. Лицо его оставалось спокойным, думающим. Иногда только в карих глазах его мелькало нето удивление, нето молчаливая просьба.

— Дальше. Не волнуйся.

— Чтобы по-хорошему, по-человечески! — настойчиво повторил Степан.

Бондарчук молчал с минуту, потом рассмеялся.

— Степан, поправка маленькая: не знак ей нужно подавать из жизни, а вырвать ее в жизнь! Как? Я подумаю и скажу, а сейчас мой совет такой: зайди к Черепанову, у них там важное дело — ты же знаешь, начали мы писать письмо товарищу Сталину, решать нужно, что и как.

Шел уже десятый час вечера, а собранию все конца не было видно. Двенадцать ораторов выступило — точнее, двенадцать выступлений было выслушано, при шести присутствующих, в том числе один раз говорил Рогов и три раза Митенька на правах председателя. Председатель измотался, вид у него был немного осовелый. Регламент давно расхватали, все надбавки тоже — осталось только поглядывать на часы, да мысленно махать рукой.

С первым пунктом повестки разобрались быстро, тут двух мнений не было — бригада должна быть записана в письмо Иосифу Виссарионовичу, на подписи тоже имеются права — в этом никто не может сомневаться. Черепанов перелистал блокнот и, называя фамилии, перечислил, сколько каждый из них сделал за последние три месяца. Сибирцев, Лукин, Алешков — двести десять процентов, Черепанов — двести восемьдесят, у Голдобина немного слабее, всего сто семьдесят, так ведь какой характер у человека — это нужно принять во внимание. И дальше...

А дальше бригадир сделал паузу и както сразу все догадались почему.

— Ну что ж ты? — поторопил Рогов, — продолжай! Дальше у тебя Степан Данилов.

— Дальше Степан Георгиевич... — Черепанов запустил пальцы в темную шевелюру.

— Ну и сколько же у него? — спросил снова Рогов, хотя наперечет знал почти все смены Данилова.

— У него уже к ста двадцати подходит.

— Только-то! — начальник шахты неприметно улыбнулся. — И почему «уже», если это самая малая выработка в бригаде?

— Вишь чего! — негодуяще выкрикнул Митенька. — Самая малая!

И все разом заговорили, замахали руками. Как это Павел Гордеевич не поймет, что Данилов всего второй месяц в шахте, как же он сможет равняться с тем же Черепановым, который второй год ходит в забой. Потом кто же не видит, как Степан Георгиевич тянется изо всех сил, не дает себе ослабнуть ни на один день и от этого ему еще труднее.

Слушая немного беспорядочные, запальчивые реплики обо всем этом, Рогов на минуту вспомнил, как всего часа два тому назад побывал у постели Тони Липилиной.

Она привстала навстречу, протянула обе руки.

— Павел Гордеевич!... Вспомнили обо мне? Да?

Лицо ее лучилось счастьем и вся она, худенькая, напряженная, вот-вот готова была вскочить.

Горькая спазма схватила за горло Рогова. С трудом подыскивая слова, он сказал, присаживаясь рядом:

— Я не забыл о тебе, Тоня... Я не знал, что ты здесь. Прости солдата.

— Бог простит! — она засмеялась и очень быстро успокоилась. Рассказывая о себе, о своих надеждах, она несколько раз воскликнула:

— Ох, и трудно должно быть Степе! Он хотя и ловкий и сильный — так непривычен же, разве я не вижу. Вы доглядывайте за ним, Павел Гордеевич, а то у него гордое сердце, помощи он не попросит.

Потом пообещала:

— Вот вырвусь с этой постылой перины — глаз с него не буду спускать.

...А собрание своим чередом идет. Черепанов говорит:

— Расчетчик посмотрел на замеры, потом на Степана Георгиевича и спрашивает: «Какой вам смысл, товарищ Герой, в забое мотаться, у вас же определенные заслуги перед Родиной?». Степан Георгиевич посмотрел на него, как на пустое место, отвернулся и пошел. Конечно, не будь я в советском, в шахтерском звании, вытащил бы это чучело из окошечка и написал бы на его шкуре сколько он стоит.

Сибирцев трубно откашлялся, что у него означало высшую степень взволнованности, и сказал:

— Не дам в обиду. Сам учу, все вижу. Не дам!

Конечно, в словах этих была некая невесомая частица сомнения, потому что очень трудное дело взвалил на свои плечи Сибирцев, вызвавшись обучить такого новичка, как Степан Данилов. На шахте они теперь были очень заметной парой. Рядом с гибким, почсолдатски подтянутым Даниловым, непокорный белый вихор которого часто теперь был вымазан углем, Сибирцев выглядел особенно тяжеловесным, угловатым и непомерно ростлым. Однако несмотря на это он с первых же дней побаивался солдата и вместо того, чтобы распорядиться по праву старшего в забое, или коротко раз'яснить что-нибудь, нерешительно мялся:

— Степан Георгиевич... как бы это проверить...

Данилов вначале не догадывался в чем дело, а поняв — рассердился и выговорил забойщику напрямик, чтобы он не мудрил, не сватался.

— Ты эти штучки брось! — сказал он, — я ведь не девица, чтобы вокруг меня увиваться. Понятно?

Сибирцев мало-помалу освоился, заговорил в полный голос. Правда, его еще и сейчас охватывала некоторая оторопь, если Данилов вдруг прикрикивал:

— Слушай-ка, начальство, что ж ты от меня всю работу загораживаешь?

Но на остальных членов бригады Сибирцев поглядывал свысока: как-никак, а единственный на весь рудник Герой ходит у него в помощниках. Наконец он до того окреп в самомнении, что однажды наотрез отказался присутствовать на комсомольском

собрании бригады, сославшись на то, что он со Степаном Георгиевичем условился обсудить какие-то неотложные вопросы.

— Ладно... — зловеще согласился Черепанов. — Мы еще проясним ваши вопросы!

Отозвав назавтра Данилова в сторону, он коротко изложил существо дела.

— Вопросы? — удивился Степан и, вспомнив, что вчера как обычно пробыл целый вечер у Тони, пообещал: — ничего, кое-какие вопросы мы с ним все же обсудим!

В забое же спросил у напарника:

— Как у тебя... с враньем?

Сибирцев насторожился:

— Чего с враньем?

Но тут же, угадав по тону помощника, что разговор на такую скользкую тему ничего доброго не предвещает, неумело прикрикнул:

— Я же велел крепь ставить в нижнем уступе, а вы!..

Данилов смолчал и в течение всей смены прилежно обрубал и заколачивал стойки, даже тихонько насвистывал, с удовольствием отмечая про себя, что у него не так-то уж плохо получается. Но зато в мойке, с глазу на глаз с Сибирцевым, он отвел душу, начав наяривать:

— Так вот, насчет вранья!..

Он долго говорил, развивая вопрос о вранье в различных, довольно неожиданных положениях, говорил до тех пор, пока Сибирцев не завопил, вспугнув старушку-уборщицу, мирно дремавшую на табуретке.

— Невозможно это, Степан Георгиевич!

— Что невозможно?

— Чтобы вы ушли от меня! Опозорили чтобы!

Данилов холодно оглядел напарника:

— Я еще подумаю...

После этого случая в бригаде тихонько подсмеивались над Сибирцевым:

— Ну, как, Гоша, обсудили некоторые вопросы?

Забойщик виновато улыбался, но к Данилову проникся еще большим уважением и, если сейчас говорил: «Не дам в обиду!» — говорил искренне.

— Значит, будем просить шахтеров, чтобы нам разрешили всей бригадой подписать письмо? — спросил Черепанов и покосился на Митеньку. Тот спохватился, постучал большим плотничьим карандашом по графику.

— Кто за?

За были все.

— Не курить! — прикрикнул Митенька на Саньку Лукина, заметив, что тот дымит в кулак, и тут же огорченно посетовал: — Придется, товарищи, закрыть собрание: докладчик по второму вопросу не явился.

Речь шла о Хмельченко, которого внезапно вызвали в горком и, очевидно, задержали. Собрание, действительно, можно было закрывать, но тут снова подал голос бригадир. Председателю приходилось только руками разводиться—как ни крути, а заговорило начальство.

Черепанов начал с того, что разобрал последнюю смену, когда работали сообща. Ему не понравилась смена, по крайней мере, некоторые существенные детали. На деталях бригадир сделал ударение и, заметив, как Алешков суетливо отвернулся, потребовал:

— Ты не вилай, смотри мне прямо в глаза, как подобает комсомольцу! Смотри в глаза и отвечай: кто это тебя учил так безобразно крепь ставить? Молчишь? Тогда я отвечу: лень-матушка! И я не понимаю... — Черепанов развел руками и повернулся к Рогову: — Не понимаю, Павел Гордеевич, как это мы позволяем себе такие упущения? Говорим каждый день, пишем в газетах: «Стахановский опыт», «Нужно наладить обмен стахановским опытом», но это же вообще, а стахановский опыт — это целая куча таких мелочей, которые сразу и не заметишь. Помоему, и у нас в бригаде кое-кто заноситься стал: как же, мы — стахановцы, нам все нипочем. Враки все это. Смотрю сегодня, как Саенюг пластается в просеке — и смех и грех разбирает. Нет, чтобы уголь постепенно перепускать, он нарубил его столько, что целая гора позади образовалась, сам еле выбрался из забоя и кряхтел целый час. Нет соображения, нет этой ...плановости, о которой прошлый раз говорил Павел Гордеевич. Если бы Саенюг чаще перепускал уголь, он бы не только очищал рабочее место, но и менял бы положение своего тела в забое, тело бы отдыхало, силы сохранялись.

Или из верхней просеки лесогоны кричат: «Принесли крепежник!» А уважаемый Митенька отвечает: «Оставьте там — понадобится возьмем». Это где же там, я спрашиваю? Там — это нигде. Митенька в добрые вошел к лесогонам: «Хорошие, скажут, эти комсомольцы, покладистые!» Только такая доброта боком для работы вышла. Я заметил, что мы на перепуск крепежника затратили не меньше часа. Нерентабельно!..

Черепанов сказал это непривычное для себя слово и вопросительно глянул на Рогова: «Может не то слово?»

Рогов торопливо закурил. Взволновал его весь этот вечер у комсомольцев, и особенно последнее выступление бригадира. Праздничный вечер! С высоты его проглядывались такие дали, о которых месяцев шесть тому назад даже и не мечталось. Что-то нужно было сказать молодым шахтерам, чтобы согреть их прямые светлые души... Но в этот момент вошел Данилов, стряхнул у порога снег с шапки, разделся.

Садись, Степан Георгиевич, — пригласил Черепанов и строго-вато добавил: — Подзапоздал малость, заканчиваем.

Степан присел рядом с Роговым, поглядел на него, на забой-

щиков, и теплые токи тронулись в его сердце. По взглядам Рогова, Черепанова, по глухому покашливанию Сибирцева, по умным, веселым искоркам в глазах Митеньки он понял, что вся его простая, нелегкая жизнь, как на ладони перед товарищами. Рогов положил крупную горячую ладонь ему на колено, сказал вполголоса:

— Надо поговорить, Степа. Ты здесь не очень задерживайся...

Пока Рогов собирался уходить, сославшись на дела в шахте, пока Митенька носился по комнате, приготавливая ужин, что, по его мнению, тоже входило в обязанности председателя, Степан с горечью вспомнил только что состоявшуюся встречу.

Шел от Бондарчука вот сюда, на собрание, и как-то незаметно оказался у домика Тони. Постоял, погоревал про себя. Ночь. Снег падает крупными хлопьями, тихо. Зеленовато светятся тонины окна. И вдруг из бесшумного снегопада вынырнул Григорий Вошин. Степан с'ежился, стараясь остаться незамеченным, но Вошин вдруг остановился и, подавая в темноте папиросы, спросил буднично:

— Вечеруешь? Закуривай, Степа.

Данилов торопливо затанулся и, чтобы поддержать разговор, сказал что-то такое о погоде.

— Зря все-таки ты... — перебил его Григорий, — сегодня тетка Мария опять жаловалась отцу, а тот рассердился и побежал к Рогову. Да и какой толк? Людям насмешка!

— Насмешка?! — нето с'язвил, нето переспросил Данилов.

— Конечно, жмешься у плетня...

— Ну вот что... — Степан резко выпрямился, почувствовал себя попрежнему сильным, самостоятельным человеком. — Жаться я могу к любому месту, а кому нечего делать пусть хихикают... И... вообще, иди-ка ты своей дорогой! — оглянувшись на окна Липилиных, он скороговоркой, приглушенно добавил: — Мне отсюда до Тони рукой подать... В случае чего. Иди!

Григорий постоял молча, потом как-то коротко передохнул, словно хотел что-то сказать, но не сказал, а только сильно стиснул руку Степану.

Все сочувствуют, а как делу помочь — кто скажет? Вот и товарищи ждут чего-то от него, по глазам, наверное, видят, что круто ему приходится. И неожиданно для себя, отставив стакан с чаем, Данилов сказал: — Я тогда еще не снайпером, а разведчиком был...

ГЛАВА XXVI

Вцепились тогда в левый берег речушки и ни шагу назад. До боев были на этой земле сады, деревни с белыми избами, а потом ничего не стало. Немецкий огонь все пожег и повыврубил. Но наши люди так крепко встали — ничем не отдерешь... Трудно было...

Степан рассеянно пригладил волосы, невидяще оглядел комсомольцев и на секунду плотно сжал губы.

— Наш танк стоял на длинном крутом увале — вокруг ни дерева, ни кустика. Позади нас, в четырех километрах, — река, перед нами болото, за ним снова рыжий увал и поперек него, устьем к нам, узкий овраг. Бывало, накопятся немецкие танки или самоходки где-то в излучине оврага, а потом выскочат в устье, развернутся веером... Житья никакого не было. Мы же на виду, а бьют они с прямой наводки. Десяток НП сменили, но от огня не ушли.

Как-то утром, после беспокойной ночи, вызывает меня комбат, Павел Гордеевич. Глянул я на него и прямо ахнул: вот уж кого действительно измотал этот плацдарм. Вы же и сейчас видите, что Павел Гордеевич человек крепкий, а тогда, за каких-то три недели, лицо у него ссохлось, задубело, глазами щурится, как будто глядит против солнца. А так спокоен, голосом ровный. Когда шли по ходу сообщения, он сорвал на бровке желтый цвет люпина, помял в пальцах, понюхал и вроде как усмехнулся. Я еще подумал: «Не иначе письмо получил». Получал он эти письма чуть не каждую неделю, а от кого, только теперь узнали.

Степан вздохнул мечтательно:

— Эх, ребятки, знали бы вы, как хорошо письмо на войне получить. Мне вот никто не писал. Но один раз старшина дает кисет, подарок от земляков. А в кисете записка: «Дорогой товарищ, мы помним о тебе. Желаем здоровья и скорой победы. Оля и Вера». Я ту записку вместе с комсомольским билетом носил.

Во-от... Вышли в тот раз до боевого охранения. Попыхал комбат самокруткой, пощурился на немецкую горку, а потом показывает на устье оврага:

— Знаешь эту щель?

— Знаю, говорю, как же... На свету оттуда вернулся.

Павел Гордеевич кивает:

— Хорошо. Приказал хозяин запечатать эту дыру. Поведешь сегодня туда минеров. Только, чтобы наверняка, наглухо.

Часа четыре пролежал я у амбразуры — заново подступы к оврагу изучал. Насчет работы на войне у меня всегда нюх был верный; так вот, и в тот день, вижу: попыхтеть придется.

Принесли ужин. Выпил я свои сорок шесть граммов спирта, давали его для экономии тары. Выпил, закусил и лег спать тут же, под низким накатом из жердочек. Уснул и словно бы через минуту будят меня, но это только показалось, что через минуту, а на самом деле над войной была ночь. И такая теплая, в звездах и без стрельбы. Ветерком умыло меня и от потайного костра нанесло горький березовый дым.

Моих саперов нашел в развилке траншеи. Сидят у стеночки, в рукава курят. Спрашиваю:

— Дышите?

— Дышим.

— Ну, дышите, говорю, потом некогда будет. Да показывайтесь, сколько вас, какие вы?

— Дюжина, — отвечает кто-то тоненько, а второй возражает:

— А товарища санинструктора забыл?

— И то правда. Тринадцать, выходит.

— Командовал саперами старшина. Наскоро познакомились. Как следует, конечно, не видать, но когда всмотрелся, вижу — народ крепкий, с таким воевать веселей. Рассказал про путь-дорогу. Старшина поторопил:

— Все ясно, сержант. Давай трогаться.

На ничейную землю выползли в боевом охранении. Обошли свое минное поле и потом — в низину. Двигались не очень скоро — каждый сапер тащил по шесть противотанковых мин. Да я и не торопил — ночи в августе длинные.

— Осталось уже совсем недалеко от устья оврага, когда над нами щелкнуло и повис первый фонарь. До смерти не любил эти фонари — свет от них прямо на плечи давит. Большая тренировка нужна, чтобы и при таком свете двигаться. Правда, мы со старшиной пользу от этого получили — определились точнее, прикинули как ловчее пробраться к нужному месту.

— А немцы словно почуяли нас. Не фонарями, так пулеметами дожимать стали. Шальные очереди, то ночь над нами буравили, то землю вокруг щупали. Старшина всего один раз пожаловался, когда его забрызгало болотной грязью:

— Чорт их возьми... У них нервы, а я вот ползай арап-арапом.

— С самого начала я нацелился к трем подбитым немецким танкам, это их здесь наши пушкири настигли. За железными коробками бывших «тигров» нам была обеспечена некоторая свобода маневра.

Саперы отдохнули, но немного. Я успел только сползть к оврагу, а они уже за «посев» принялись. Работали тихо, без стука, без звяка, но очень быстро. Наконец старшина говорит:

— Разведчик, играй отбой. Сейчас вот Антон Федорович Помилуйко вернется и тронемся. Он в самом овраге несколько «попрыгунчиков» поставит — сами же немцы их делали, вот и пусть нюхают, чем это пахнет.

Прошло несколько минут, и наконец недалеко показался солдат.

— Антон Федорович, — шопотом позвал старшина, — поторапливайся!

И только он успел позвать, как чорт дернул какого-то нервного немца пустить ракету над самыми мертвыми танками — я различил даже купол небольшого парашюта, на котором она повисла. Не знаю, увидели немцы Помилуйко или нет, только цветная пулеметная очередь ударила как раз по нему. Солдат охнул, потом еще раз и тут же протяжно закричал. Каждый,

кто воевал, знает, что так кричать может только тот, кого смерть настигла.

— Антон Федорович, — старшина рванулся вперед, но я прижал его к земле.

— Что ты? — удивился он. — Человек смерть принимает...

Разве я хуже старшины это знал? Но толку-то что, если и второго на том же кругу ударит.

А немцы всполошились по-настоящему. Услышали голос солдата. Поднялось сразу до десятка ракет, мины взвыли. Наши услышали эту музыку и тоже такого огонька дали — уму непостижимо, сколько полетело железа над нашими головами.

Но товарищ умирал совсем рядом, и мы не могли помочь ему в эту минуту. А надо было помочь и не было никаких сроков, чтобы одуматься.

Старшина не вытерпел, спрашивает:

— Что ж ты?

Я только рукой махнул. Толчком вырвался из-за танка и в один вздох проскочил сорок метров до раненого. Упал рядом. Очень плохо у мужика. Запрокинул он голову между кочками и почти не стонет. Поправил его, он вскрикнул. Рука у меня липкой стала.

Такая обида сдавила меня, дышать нечем. Человек свет белый видел, за жизнь дрался и вот упал среди поля. И гордость во мне поднялась, что я рядом с ним, что никуда не уйду. Такое решение принял. Позвал его:

— Антон Федорович...

А он шепчет:

— Пи-ить...

— Потерпи малость, родной... — попросил я и сам тороплю себя. Ну как тут быть? Тронуть солдата нельзя — закричит в беспомощности. А на мне двенадцать человек. Но и оставить его тоже нельзя, об этом даже и думать не думалось. Потом у меня мысль мелькнула. Горькая мысль, но тут уж приходилось изворачиваться. Рванулся снова к саперам. Дохнул поглубже и говорю старшине:

— Плохо друг. Тело не вынесешь. Видел, как я сигал. Не дают фрицы шевельнуться. А ждать невозможно. По-моему, нас обходят. Веди взвод обратно. Да торопись.

Но сапер только головой замотал. Тогда я официально нажал на него:

— У меня, говорю, другая статья. У меня с вами только полдела — я дальше пойду. А ты теперь знаешь дорогу. Торопись.

Старшина решил, за руку тронул:

— Счастливо тебе. А за телом Антона Федоровича мы придем! Ох, пусть поберегутся, сволочи!

Я выждал, пока саперы скрылись в кочкарнике, и только тогда вздохнул свободнее. Сбросил всю лишнюю амуницию под

танк и осторожно добрался к раненому. Он уже, наверно, всю кровь потерял, но услышал, что кто-то живой рядом, забеспокоился, зашептал:

— Умру... по-пить.

Сколько трудов принял, чтобы положить его на себя и особо не потревожить. Но еще в самом начале он охнул и весь ослаб. Минут десять полз я с ним к танкам. Вымок весь. Устроил его под машину. Тянусь за гусеницу к вещмешку, и... что такое? Попадает мне под руку чья-то нога в сапоге. Живая нога. Сперва просто удивился, но тут же догадка полоснула: немец! Перекатываюсь в сторону, дергаю автоматом и кричу вполголоса:

— Хальт! Нишкни, стервец!

— Да это я, Тоня Липилина... — отвечают мне тихо.

— Что-о? — оторопел я, — Тоня? Какая еще к чертям Тоня? Что за штучки? Не шевелись!

— Да я не шевелюсь... — говорит эта новоявленная Тоня. — Я же санинструктор, вместе с саперами была, вы меня не заметили...

— Ах, была!... — Мне казалось, что я готов разорвать этого санинструктора. — Но почему приказ нарушила? Почему опять здесь? А если там кого подранят?

Она отвечает резонно:

— Там может и не подранят, а здесь вот случилось... Разрешите, я осмотрю его?

Я только рукой махнул.

Нехорошо получилось, нескладно. Но я не успел раскинуть мыслями, как Тоня опять зовет:

— Товарищ сержант... Вы слышите? — и всхлипывает.

Кольнуло сердце: Антон Федорович!

Припал ухом к его груди. Слышу, что бьется солдатское сердце слабо, но бьется. Значит, спасать надо. А санинструктор вскрикивает:

— Ой, немец!

Оглядываюсь. На самом деле: живой немец и совсем близко выполз из-за кусточка и вытягивает потусиному шею, высматривает, а самое главное, появился он с нашей стороны — значит, путь отрезан. Мой одиночный автоматный выстрел почти и не слышен был в общем гуле. Немец сунулся в кочку, а девушка шепчет:

— Ужас, что делается.

Я хотел ответить, что это еще не ужас, но тут Антон Федорович вдруг вскинулся, застонал тоненько, землю стал щупать вокруг.

— Что ты? — спрашиваю. — Успокойся, ложись...

И он как будто услышал. Лег, бросил руки вдоль тела и больше не шелохнулся. Не стало на земле еще одного нашего человека.

— Опять! — подала голос Тоня. — Сержант, опять идут!

Но я уже и сам видел, что опять идут. Не идут, конечно, а ползут, и много. Теперь приходилось круто поворачиваться.

Танк, под который нас случай забросил, стоял передом на запад, а немцы надвигались с юго-востока. Наскоро осмотрел машину. Передний люк открыт. Я щучкой нырнул в него. Щупаю. Рычаги, сидения, еще что-то такое, но помещение—лучше не надо. Да и выбирать-то не из чего. Зову девушку.

— Устраивайся, шепчу, да ни-ни, и духу чтоб не слышно.

Прикрыл люк, заложился. Осторожно, во тьме крошечной, выполз в боевое отделение. Там и расстояние-то метр какой, а столько понакручено, того и гляди шею свернешь. Умогнулся к оружийному казеннику. Нашупал задвижки верхнего люка и тоже завернул. Потом курить захотелось, но об этом приходилось только мечтать, какой уж тут перекур, когда все так обернулось.

Слушаю. Где-то вдалеке ударила пушка, застал и охнул снаряд. Это наши тяжелые бьют... Стреляйте, думаю, только в своих не жажните. А вот немцы снова ракету бросили — в смотровой щелке свет закачался. Слушаю, даже глаза прикрыл. Ага, шорох, где-то за железной стенкой. И сейчас же говор послышался. Значит, немцы осмотрелись и теперь совещаются. Через минуту пока-рабкалась какая-то язва на броню.

На сердце у меня теснота, томление, но я пробую для собственного успокоения так с собой рассуждать: что ж вы, думаю, будете делать: постучитесь ко мне вежливо или косяки постанете вышибать? Или, может подумаете, что этот дом совсем пустой?

Однако, все пока обошлось благополучно. Пошебаршил немец еще немного и скатился с брони.

Тихо стало у танка. Сижусь. Руки раскинул и как-то ослаб весь, во рту горячо, в голове гудит, по рукам и ногам испарина. Сижусь и слушаю частый стук в груди. Мысли какие-то хозяйственные. Вспомнилась землянка, где отдыхаю, плащ-накидка на входной щелке, узенькая полочка под самым накатом и на ней котелок. А котелок прогорел, прохудился, заменить же как-то руки не доходят. Обязательно надо заменить. И вдруг спохватился: а как же умирать? Ведь кругом немцы, если не сейчас, то утром обязательно стукнут.

Прикидываю: а может быть есть еще выход? Постепенно злость во мне подымается, а уже через какую-нибудь минуту чуть не кричу: да ну ее к чорту! Не буду я умирать и девчонке этого не позволю. Пока немцы соображают против меня какой-нибудь блицкриг, время идет и не может быть, чтобы я не извернулся. На том и решил.

Припал к смотровой щелке. Но сколько ни смотрел, ничего разобрать не мог — темень и мельканье какое-то. Чувствую трогают меня за ногу. Шепчу строго:

— Что случилось?

— Я думала вам нехорошо... — отвечает девушка. — Может вас зашибло.

— Спасибо, говорю, мне очень хорошо.

Замолчали. И уже, наверное, на самом свету скрутила меня дремота. Я себя и так и этак уговаривал, даже пугал всякими разностями — нет, крутит, ломает сон да и только, и уломал. Вздрыгнул, как от толчка, и вижу свет пробился в шелки, да ясный, ясный. Пора, думаю, что-то делать. Спускаюсь в отделение механика. Вижу, сидит моя незнакомая Тоня справа, в уголке, и не шелохнется. Спрашиваю:

— Как чувствуете себя?

— Ничего... — Она пересела удобнее. — Пить очень хочется. Тут я нехорошо пошутил, чего никогда себе не прошу:

— Придется, говорю, потерпеть, не имеется в помещении водопровода.

— Да нет, отвечает, — это я так... я потерплю.

Отдвигаю стальной щиток с триплекса. Он только наполовину отошел и дальше ни в какую.

— Если вы не заняты, помогите мне, — попросил я.

Она выдвинулась из своего уголка, толкнула одной рукой рычаг, но толку чуть.

— А вы и второй ручкой.

— Не могу, говорит, я однорукая...

— Однорукая?! — У меня даже сердце похолодело.

— То-есть не однорукая... левую чем-то зашибло.

— Чем зашибло?

Она вздохнула:

— Пулей, наверное... я не видела.

От нечаянности, что ли, силы у меня вдруг окрепли и щиток отошел. Зеленый свет брызнул в нашу железную клетку. Глянул я впервые на девушку и даже зажмурился. Лицо у нее, как из камня из белого выточено и на нем большущие темные глаза. Пододвинулся к ней, тронул забинтованную руку. Тоня сморщилась и шепчет:

— Ужас, как больно. И... пить хочется.

— Пить! Я схватился за свою фляжку, в которой приберегал для девушки немного воды на обратный путь. — Пейте, говорю. Все. Нужно будет — еще достану.

Напилась она, передает мне посуду и головой качает:

— Так вкусно, что и не придумаешь.

Посмотрел я на нее еще раз и меня вдруг догадка осенила:

— Постойте-ка, говорю, так вы остались после того, как вас пуля ударила?

— После... — она попыталась улыбнуться.

— Так что же вы молчали?

— Я боялась помешать... вам.

— Ох, говорю, какие вежливости, прямо центральная город-

ская парикмахерская. Ну, ничего, говорю, потерпи, девушка, может недолго.

Уже несколько дней назад наши подтянули на плацдарм артиллерию разных калибров. С утра начиналась методическая гвоздежка по глубине немцев, а часов так в десять пушкари наваливались таким огнем на вражеский передний край — все прахом летело. Что, если воспользоваться этой передрагой?

Сквозь триплекс видно всякую мелочь. И так мне все запоминается, словно впервые смотрю на военную землю.

Серой щербатой глыбой поднимается немецкий увал и по нему пятнами разбрызганы копаины и черепашины спины блиндажей. Досада меня разбирает: всякие пейзажи наблюдаю, а то что делается рядом, даже под танком — не вижу. Но ведь для нас сейчас в этом была вся суть. Я же понимал: немцы не могли уйти, они ждут. На всякий случай, я тоже ждал.

И вот пошел первый снаряд, за ним второй взял высокую ноту... Глянул на девушку, а она все по моему лицу угадала, вытягивает из кобуры маленький пистолет. Смешно с таким оружием воевать.

Падаю из люка и сразу же рядом — тюк, тюк! И снова: тюк — тюк! А еще одна вжик! — шмелева ушла в сторону. Значит правильно я думал, что караулят. Но сколько же их? Успею ли увидеть, прежде чем зашибут? Ощупываю взглядом каждую былинку, каждую кочку вокруг. Ага один, есть! Не иначе какой-нибудь лавочник. Голову спрятал за кустик, а зад как на ладони, я его и задел по этому заду. Ох, как он взвился да взахал, и тогда я его совсем успокоил. Но сейчас же около меня еще два раза тюкнуло, а от третьей я головой мотнул — висок обожгло. Вот что значит: чуть-чуть.

Меняю позицию, но разглядеть ничего не могу. Второй, видать, хитрее попался. Но я уже вошел в азарт: все вижу, все слышу, о многом догадываюсь. Нельзя было медлить, потому что бог советской войны завопил в это время таким голосом — земля вздыбилась, и самая была бы пора уходить. Решил просто прорваться, но только приподнялся на локте, слышу шуршат снаряды и прямо ко мне. Ошиблись ли наши пушкари или еще что, но два стальных чувала ахнули метрах в пятидесяти. Скребнули осколки по танку, в голове у меня завихрение и колокольный звон. Еле очухался. Стукнул в днище машины. Тоня рядом со мной оказалась.

Проползли мимо двух свежих воронок, и когда я увидел торчащие из черной земли ноги в коротких брезентовых гетрах, понял, что путь на самом деле свободен.

Нужно было очень спешить, но я не торопил спутницу. Ей было очень неловко с одной рукой. Она все медленнее и труднее ползла. В сырой ложбинке отдыхать стали. Тоня легла на правый бок и, покусывая былинку, как-то нехорошо смотрела перед собой. Я набрал между кочками коричневой водицы во

фляжку, дал ей напиться, она глотнула разочек и головой покачала:—Не хочу.

Я считал, что мы уже дома, так как были почти у самого минного поля. Стали выползать в побитый кустарник. И тут Тоня прижалась щекой к жесткой травке и сникла. Я ее и спрашивать ни о чем не стал. Легкую, слабую вынес на позицию третьей роты. Тут ребята наши почти поссорились: каждый тянулся со своей фляжкой, со своей плащ-накидкой. Советов не давали целую кучу.

— Вот и все...—Степан сжал в ладонях остывший стакан. — А потом мы еще несколько раз встречались... когда я снайпером был... Теперь Тоня на руднике. Плохо у нее...

Он оглядел комсомольцев, выпил залпом холодный чай и вдруг поведал о последних встречах с девушкой.

Не успел сказать, что Бондарчук советовал не весть подавать девушке, а вырвать ее в большую жизнь, как Лукин перебил:

— Знаю! Разрешите... — он отмахнулся от Митеньки, который предостерегающе поднял свой председательский карандаш. — Не мешай! Вот мы подписываем письмо Иосифу Виссарионовичу... Подписываем. Давайте и Тоне напишем, как нам живется. Можно через газету, а может кто-нибудь из нас передаст, вроде как делегация...

Митенька даже подскочил:

— Я, конечно, могу сходить, что тут особенного... массовая работа.

Черепанов рассердился:

— Сиди! Массовая работа... К каждой бочке затычка! — повернулся к Степану. — Лукин правильно думает. Так и сделаем. Пусть торопится к нам.

ГЛАВА XXVII

Ждали гостей. Екатерина Тихоновна с Галей хлопотали в столовой, откуда поминутно слышалось позванивание посуды и тихий говор. Девятилетнему Павлушке, уличенному в умыкании некоторой части лакомств, категорически запретили являться к столу. Подогнув ноги калачиком и надувая пузырем щеки, он сидел на сундучке между шкафом и печкой, изредка восклицая:

— Вот это мысль!

Афанасий Петрович, украдкой поглядывая на сына, усмехался. Сам он и сегодня не нарушил давно установившегося порядка, который неукоснительно соблюдался, если вечерами удавалось быть дома. Обстоятельно поужинав, около часа читал газету от передовицы до объявлений,— в это время шуметь в квартире не полагалось. Отложив газету, раскрыл свою долготленную памятную книжку и что-то медленно с нажимом записал.

Григория все не было. Павлушка опять воскликнул:

— Вот это мысль!

— Иди-ка, включи аппарат, мыслитель... — предложил Афанасий Петрович, из глубокого почтения к технике, вообще, называвший аппаратом все, начиная от паровоза, и кончая электрическим утюгом.

Павлушка просиял, быстро перебежал кухню, бесшумно открыл дверь в столовую и, хотя мать и сестра даже не заметили его, он сказал обиженно:

— Я же только приемник включу!

Послышались электрические хрипы, коротко свиснуло и Гремлин запел: «И жизнь и молодость, да молодость и сча-а-астье!»

— И сча-астье! — подтянул «басом» Павлушка, выходя снова в кухню с чернильницей и школьным дневником. Для него наступил час отпущения дневных грехов.

— Ну, садись, — пригласил отец, упираясь широкой грудью в стол.

— Я уже сажусь, папа.

— Что же это у тебя за мысль?

— А, ерунда! — отмахнулся Павлушка. — У меня теперь уже другая.

— Это интересно! — Афанасий Петрович приподнял кончики усов согнутым указательным пальцем. — В один вечер столько мыслей.

— А что?

— Неплохо. Расскажи толком.

— На заслуженного артиста решил выучиться! — выпалил Павлушка.

— На кого? — удивился отец.

— На артиста, на заслуженного, чтобы петь по радио, — повторил мальчуган и подумав задорно шмыгнул носом: — Наверняка выучусь.

— «Смотряка... придется подумать, — согласился Афанасий Петрович и, не сдержав озорного блеска в глазах, крикнул в столовую: — Катерина, ты слышишь, что товарищ Вошин надумал?

Не будь Павлушки, в 1941 году Екатерина Тихоновна и Афанасий Петрович остались бы совсем одни. Еще осенью накануне войны в институт уехала Галя. В июне ушел на фронт Григорий — надежда и гордость отца. Тихо стало в просторном домике Вошинных, тревожно. Вести с полей великих битв «царапали сердце», — говорил Афанасий Петрович, и по две-три смены не уходил из шахты. Это в ту самую грозную пору по всему Кузбассу прогремела слава о проходчике Вошине. В газетах, в приветственных телеграммах его называли «гвардейцем тыла». Афанасий Петрович тогда уже тридцатый год работал в шахте, начав этот трудный путь еще на штольнях-закопушках Михельсона.

Если приходилось быть дома, брал на руки трехлетнего Павлушку и подолгу ходил с ним у оградки, не чувствуя гяжеси ребячьего тела.

Особенно глухо было ночами. Баюкая сына, Екатерина Тихоновна ложилась обыкновенно рано. Афанасий Петрович, захватив голову большими жесткими ладонями, часами просиживал у репродуктора и, казалось, дремал. Но сразу же распрямлялся, как только слышал позывные Москвы. А потом на носках шел к кровати и, осторожно трогая жену за руку, шептал:

— Слышишь, Катерина? Опять обломали немца.

Когда-то, еще в молодости, он любил говаривать:

— У человека должна быть на сердце радость. Без этого человек темнее ночи.

В первый год войны Афанасий Петрович сам был темнее ночи, собственное его сердце ожесточилось от ненависти к убийцам из неметчины. Посадив себе на колени Павлушку, он часто рассказывал ему мрачную сказку-быль про душную, тесную шахтунору, в каких ему довелось работать в давние-давние годы.

— Господи, и чего ты пугаешь мальчонку! — протестовала не раз Екатерина Тихоновна. — Сказал бы ласковое, приветливое слово.

— Откуда же я возьму это слово? — хмурился Афанасий Петрович. От Григория вестей не было. Галя писала редко. Немцы рвались к Сталинграду.

Собираясь однажды на смену, Афанасий Петрович сказал решительно:

— Ну, мать, пошли!

С тех пор три года ходили они в один забой. Ни разу Екатерина Тихоновна не жаловалась мужу на тяжкую боль в руках. Как будто всю жизнь ходила в шахту, грузила уголь, толкала вагончики. Была война.

И только уже после того, как от Григория пришло письмо из Берлина и было прочитано даже всеми соседями, Афанасий Петрович однажды одернул рубаху под узким вязаным пояском и сказал жене.

— Спасибо, мать, за все... Теперь я один справлюсь.

Екатерина Тихоновна промолчала, прикрыв кончиком платка дрогнувшие, обветренные губы.

Привычная, размеренная жизнь вошла в просторный шахтерский дом Воиных. Разве что с Павлушкой пришлось повоевать на первых порах. Мальчонка как-то неожиданно вырос, вытянулся и может быть потому, что часто до этого оставался один, вел себя теперь очень независимо, озорно, чувствуя свою незаменимость в сердцах родителей. Он ходил в школу. Каждый день открывал какой-нибудь новый мир, и Екатерине Тихоновне очень трудно было с ним разговаривать.

Всю жизнь она была заботливой, надежной подругой мужа-шахтера, и всю жизнь, как помнит себя рядом с Афанасием Петровичем, неутомимо воевала с углем, выметая его из комнат, вытряхивая из карманов, выстирывая из одежды, всю жизнь она проклинала этот уголь, но стоило мужу прихворнуть, как сразу же бежала на шахту и возвращалась с самыми верными, самыми нужными новостями.

После войны больше года ждали детей. Григорий должен был демобилизоваться, а Галя заканчивала институт в Свердловске.

Покупая что-нибудь, Екатерина Тихоновна говорила:

— Оставим Галочке, она любит это.

Или прибирая днем в сундуках, сообщала мужу:

— Перегладила нынче сорочки Гришеньке...

Афанасий Петрович отмалчивался, но за последнее время как-то распрямился, голову понес выше, часто шутил с Павлушкой, неустанно возился по хозяйству, отремонтировал дом, подправил крыльцо, покрасил кровать дочери и, любуясь делом рук своих, сказал вертевшемуся рядом сынишке:

— Смотри-ка ты, уже инженер!

Первой приехала Галя, а через два дня, в воскресенье — Григорий.

Когда встречали их, стояли рядышком праздничные, со строгими, просветленными лицами.

Дети!

С Галиной было немного труднее, чем с сыном. Афанасий Петрович спросил ее в первый же день:

— Ну, как, дочка, с жизнью, будем?

На это она коротко объявила, что имеет путевку в трест, но едва ли останется в самом управлении, вероятнее всего пойдет на шахту, поближе к делу. А вообще же думает учиться.

Афанасий Петрович удивленно приподнял брови, но ничего не сказал. Глядя на эту красивую, немного бледную девушку, слушая ее спокойный, глубокий голос, он чувствовал, как теплеет у него на сердце, забывал о своей трудной молодости, ясно видел, что неплохую жизнь прожил, вырастив такую дочь. Хотелось прикоснуться ладонью к ее светлым, пушистым волосам, заглянуть поближе в ее зеленоватые большие глаза и спросить: «О чем ты думаешь, доченька?..» Но Галя в это время сидела у окна, слегка наклонив голову, губы ее трогала легкая улыбка. Афанасий Петрович погасил в себе порывистую ласку, подумав с досадой: «Стареешь, шахтер».

С Григорием же вышло вначале по-другому и легче.

Характером, умением крепко стоять на обеих ногах сын был ярким повторением отца. Так же круто обрывал речь, такие же у него были густые, соломенного цвета брови, и если что-нибудь было ему не по душе, глаза у него так же, как у Афанасия Петровича, моментально темнели.

Но дышалось рядом с ним свободно. Он споровисто брался за любое дело, несмотря на крупную ширококостную фигуру был подвижен, до слез смешил Павлушку какими-то бесхитростными шутками, с отцом и матерью обходился подчеркнуто мягко, осторожно и в то же время, казалось, готов был заслонить их от любой невзгоды.

— Отдохнул бы месяца два, — добродушно предложил Афанасий Петрович. — Чего торопиться.

Екатерина Тихоновна поминутно подходила к сыну, гладила его плечо, заглядывала в глаза, брала за руки, с боязливой жалостью прикасалась к свежему шраму на подбородке. Она тоже посоветовала:

— Отдохни, Гришенька, пусть отойдет сердце.

В тот раз Григорий покачал головой:

— Сердце у меня не отойдет. — И хотя об отдыхе он ничего не сказал, отец с матерью поняли: отдыхать сын не будет.

По отношению к сестре Григорий был предупредителен, разглядывал ее как будто со стороны. Зашел к ней в маленькую угловую комнатку, на расспросы о войне ответил коротко:

— Что ж, воевали... — Попросил что-нибудь почитать.

Галя предложила «Войну и мир». Он вопросительно поглядел на сестру, но книгу взял и, вернув через неделю, сказал неопределенно:

— Какая, оказывается, война была... И люди тоже.

Тут же поинтересовался: — Ты не знаешь, почему этого Наполеона не повесили?

Галя стала объяснять, что победой после освободительной войны 1812 года, в тех исторических условиях, воспользовались только правящие классы, что русский император Александр не мог уничтожить бывшего императора Наполеона, усмотрев в этом плохой пример для своего народа. Но все равно после разгрома в России Наполеон не смог больше подняться.

Григорий усмехнулся:

— После России-то? Пусть бы попробовал сейчас Гитлер подняться!

...Снимая цветной фартучек, из столовой выглянула Галя и укоризненно покачала головой:

— Папка, хватит тебе допрашивать Павла. Уже восемь, а ты еще не переоделся.

Нужно было, конечно, торопиться, а то, неровен час, нагрянет какой-нибудь из особо аккуратных гостей. Но только успели пошутить, в сенях скрипнули половицы, и Хмельченко закричал из-за дверей:

— Я не опоздал? Самое главное, чтобы водку не выпили, да имениннику первому облобызаться!

— Милости просим, проходи, председатель! — пригласил хозяин. — А очередь я тебе все равно не уступлю.

Оттирая озябшее ухо, Хмельченко бойко пробежал по кухне и кивнул Павлушке:

— Здорово, Вошин! Скоро что ли на шахту к нам? Заждались.

— Была нужда! — мальчуган пренебрежительно выпятил нижнюю губу.

— Ты что ж, сразу в министры? — изумился председатель...

Афанасий Петрович засмеялся:

— Хватай выше!

— Да выше-то, по-моему, и некуда?

— В артисты он наладился у меня...

— А, ерунда! — прервал Павлушка отца. — У меня уже другая мысль — я лучше в маркшейдеры.

Вошин с Хмельченко переглянулись и громко захохотали. Потом гость спохватился:

— Вот, напомнил он мне о маркшейдере. Видел сегодня Хомякова, только что приехал из санатория. Бежит навстречу, а глаза малоохольные, в руках какое-то сооружение, бежит и кричит направо-налево: «Революция!» Что бы такое со стариком?

Вошин подумал:

— Ушибла его эта недостача в штабелях. Я тоже замечал: не в себе он.

Прошмыгнув незаметно в столовую, Павлушка включил приемник на полную мощность и сейчас же, словно возвещая начало праздника, комнаты потряс мощный бас Шаляпина: «Эй, у-ухнем!»

Хмельченко взялся за голову, подмигнул Афанасию Петровичу и пошел поздравлять именинницу.

Вскоре явились муж и жена Мухины, люди молодые, робеющие, принесли какой-то подарок, завернутый в газету, и стесняясь сунули его за кадку с фикусом. Наконец Григорий почти за руки привел Дубинцева с Аннушкой и, заглянув в столовую, спросил:

— А начальства еще нет?

Николай с Аннушкой долго прихорашивались у небольшого настенного зеркала. Аннушка поправляла мужу галстук, приказала причесаться, но тут же взялась за это опять сама, вздохнув с деланной скорбью:

— Вечно за тобой смотреть нужно, как за маленьким.

Николай молчал, умоляюще гримасничал, потел от смущения, показывая глазами на Павлушку, который определенно осуждающе смотрел на них из-за кухонного стола.

— Скоро вы? — любопытствовал Григорий.

Счастливо улыбнувшись, Дубинцев пожаловался:

— Выручай, милый, замучила!

Аннушка легко впорхнула в столовую на своих высоких каблучках, но, увидев впервые Галю, почему-то построжала и чинно поздоровалась со всеми за руку. Впрочем, это не помешало ей через пять минут рассказывать доверительно, с многочисленны

ми подробностями, той же Гале, как она сегодня измоталась, уставившая в двух забоях спаренные колонковые сверла, а потом собирая на вечер мужа, какой он у нее...

— Очень хороший! — неожиданно закончила Аннушка.

Пришел баянист, приглашенный самой Екатериной Тихоновой, которая сказала, что «какой же это праздник, если без гармошки?» Очень причесанный и очень выглаженный, словно только что из парикмахерской витрины, этот парень потхозяйски расположился в переднем углу, критически оглядел закуску на столе, бутылки на подоконнике, пренебрежительно кивнул на радиоприемник: «Прекратите чепуху» и развернул засиявший перламутром инструмент.

Гости зашевелились, заговорили бойчее, осваиваясь друг с другом и с обстановкой. Афанасий Петрович обеспокоенно поглядел на часы и, перехватив вопросительный взгляд Григория, неприметно двинул плечом: «Не понимаю, где они?».

Ни отец, ни сын, изъяснявшиеся мимикой, не заметили, как со стороны за ними наблюдает Галя, слушавшая в это время бойкую скороговорку Аннушки. Лицо у Гали внимательное, немного грустное — она понимала, о чем спросил взглядом Григорий и что ответил Афанасий Петрович.

Все трое ждали на вечер Рогова и приглашенного вместе с ним Бондарчука.

Сыграв «В прифронтовом лесу», баянист еще раз глянул на подоконник и мечтательно облизнулся. В это время из спальни вышла смущенно улыбающаяся именинница. Ее встретили приветственными возгласами и по дирижерскому мановению хозяйки двинулись к столу.

ГЛАВА XXVIII

— Ночью на шахте достаточно одного старшего командира, — наказывал постоянно Рогов своим помощникам. — Зачем всем сразу изматывать силы в неурочное время, если завтра эти силы можно израсходовать с большей пользой?

А сегодня он сам задержался. Проект, с которым Хомяков свалился к нему на голову, как благодатный весенний дождь, представился настолько ошеломляюще простым, настолько принципиально новым в горной технике, что хотелось немедленно же отодвинуть все дела и сесть за чертежи, выкладки, расчеты основных узлов механизма.

Уже и Хомяков давно ушел, сам словно пьяный, с побелевшими от счастья, подетски растерянными глазами, давно тишина воцарилась за стенами кабинета и зимняя декабрьская ночь прильнула к окнам, а Рогов все еще то сидел, то ходил, расталкивая плечами сизые космы табачного дыма. Ах, старик, старик! Умница старик!

— Сам-то ты хорош: и то не так и это не по тебе! — говорила о своем муже Мария Дмитриевна Хомякова.

Правильно говорила старушка, а Рогов почему-то пропустил это мимо ушей. Хорош командир, — под носом проглядел такое начинание, такую умную голову и ведь чуть ли не одиноким чувствовал себя, грудь колесом: «Я воевать буду!» Притом, то му же Хомякову говорил об этом. Стыд!

Рогов садится, разглядывает чертежи и вдруг ясно представляет себе первую лаву, оснащенную новым комбайном. Во всю пятидесятиметровую длину забоя тянется приземистая станина, с узкой транспортной лентой. Челнок — полутораметровый бар необычайной конструкции, похожий на вертикально поставленную пилу, плотно прижат пневматиками к груди забоя, пяти-семисантиметровые пирамидальные зубья из победита вонзились в пласт. У комбайна всего три—четыре человека — забойщики и они же механики. Кто-то из них поворачивает рукоятку пускателя. Басисто охают и сейчас же переходят на тонкий свист моторы, раздается скрежет, огромная зубастая челюсть бара ползет вдоль лавы, распиливая, сокрушая пласт на всю длину. Уголь падает на транспортную ленту и нескончаемым черным ручьем течет в штрек, к вагончикам. А челнок ползет уже обратно, не убыстряя и не замедляя своего сокрушительного движения.

В сутки с шахты уходит не четыре, а семь, восемь эшелонов угля! А сколько со всех шахт, со всего Кузбасса! Через два—три года сама земля Родины потеплеет, люди станут красивее, добрее, люди станут неизмеримо сильнее!

Рогов нетерпеливо хватает телефонную трубку, но девушка на коммутаторе отвечает, что Бондарчука в кабинете нет.

— Филенкова!

Филенкова тоже нет. Вот бы кого расшевелить на этом деле! Есть же у человека какие-то добрые начала? Конечно, есть, только модничает, жеманится, как старая дева, от курорта от-казался, на всех смотрит вприщурочку. Бывает, правда, минутами, прорвется в нем что-то, глаза загорятся, начнет бегать, тормозить людей, но как-то быстро, на том же кругу остывает. Плохо, если человек у своего кровного дела заскучал.

Но где же он?

Позвонил дежурному по шахте Савостьянову.

— А, Павел Гордеевич? — обрадовался тот. — Только что обзвонил участки. Смена на полном ходу — душа радуется. Если так дело пойдет, — с планом выскочим дней на пять раньше. — Дежурный спохватился: — Да, а вы что ж не пошли к Вошину? Я уже думал...

— Вошин! — Рогов бросил трубку, не дослушав. Вот досада какая! Неудобно. И как он забыл? Обидится старик — раза три заходил. Сколько сейчас? Десять. На два часа опоздал.

Уже у самого дома Вошиных он внезапно замедлил шаг.

Почему, собственно, такая спешка? Выпить? Или... еще что-нибудь? Потом усмехнулся: «Ладно, не копайся. Просто пере-дохнуть нужно. И... люди хорошие. Понятно?»

Его заметили, когда он уже разделся в кухне. Кто-то выглянул из столовой, раздалось удивленное восклицание, потом голоса и баян смолкли, стулья задвигались. Навстречу вышел сам Афанасий Петрович:

— Ну, спасибо, сынок, думал, забудешь... — он растроганно пожал руку, повернулся к пожилой смуглой женщине:

— Моя супруга.

Выскочил Хмельченко:

— А, начальник! К массам поближе!

Григорий поздоровался сдержанно, негромко сообщив, что Виктор Петрович уже здесь.

Рогов и сам заметил, что на диванчике, в тени от фикуса, сидит Бондарчук и что-то возбужденно рассказывает девушке со светлой пепельной прической. Девушка тихо смеется, кивает Рогову и, подавая руку, шутит:

— Здравствуйте, неласковый человек. Будьте хотя сегодня чуточку внимательны, а то на правах хозяйки обижусь!

— Очень уж тогда крутое время было, — оправдывается Рогов. — И я, действительно, немного черствый бываю.... иногда.

Бондарчук засмеялся и ущипнул себя за нос:

— Не верьте, Галя, заводится инженер. У него нежное; мягкое сердце. Садись, Павел Гордеевич.

Всего на мгновение Рогов встретился взглядом с девушкой. Мелькнула озорная теплая мысль: «Вот какое бывает!» И словно прочитав эту мальчишескую мысль в его глазах, парторг деловито осведомился:

— С шахты? Ну, что там?

Рогов вспомнил Хомякова и, не замечая, как притихшая компания за столом слушает его, как баянист, выпятив нижнюю губу, нетерпеливо пощелкивает клавишами, стал отрывисто рассказывать об изобретении маркшейдера.

— Да, что ты говоришь?! — Щеки у Бондарчука зарозовели. — Но это же и есть недостающее звено для механизированного цикла!

Начальник шахты разгорячился:

— Оказывается, старик уже год работает над этим... — выхватив блокнот, он стал что-то вычерчивать. — Слушай, единственный недостаток в этом блестящем проекте — крепление. Я сегодня не сказал Герасиму Петровичу, сразу-то неудобно. Но если ко всему еще передвижное крепление, знаешь какой комплекс получится?! И ведь это уже не фантазия, даже не мечта, а инженерное практическое дело.

— Да, да! — Бондарчук быстро встал, хотел еще что-то сказать, но в этот момент Григорий мигнул отцу, а тот немедленно же разлучил собеседников, встав между ними:

— Хватит, хватит! — поднял он руки. — Столько новостей, что можно подумать, вы целый месяц не виделись. Давайте,

товарищи с «Капитальной», начнем капитально. Именины, как именины. Просим!

Шумно усаживались под замысловатые переборы баяниста. Галя против Рогова, смотрит то на него, то на Бондарчука, лицо ее светится ласково. И Аннушка, прижавшись плечом к Николаю, смотрит на Рогова. Заметив, что ее губы смешливо подрагивают, он погрозил пальцем:

— Аня, не смотрите так, ухаживать буду.

Николай сейчас же воинственно выпятил грудь. Все засмеялись и подняли рюмки. Хмельченко встал и оглядевшись провозгласил:

— За именинницу! Жить тебе, Екатерина Тихоновна, счастливо и долго! Жить тебе, дорогой ты наш человек, да еще внучат и правнуков нянчить.

— Ну, уж и правнуков! — Екатерина Тихоновна прикрыла концом платка счастливую улыбку.

— Минуточку! — поднялся Григорий, — одну минуточку...

— Гриша! — Афанасий Петрович постучал вилкой о стакан.

— Нет, нет! — Григорий упрямо наклонил голову. — Мы с Галинкой не согласны на такой секрет. Товарищи... — он оглядел гостей. — Товарищи, сегодня еще одна хорошая дата. Исполнилось двадцать пять лет, как мама и отец поженились. Я гордый... — Григорий запнулся, потом закончил под аплодисменты: — Я гордый, что сыном им довожусь!

Сидят в красном углу Афанасий Петрович и Екатерина Тихоновна. Потупились, очевидно, жизнь свою вспоминают год за годом. Счастливы ли прожили, трудно ли было... Детей подняли на ноги и всякое видели.

Рассказал бы сейчас Афанасий Петрович этим сердечным людям про жизнь свою, и дети, вот, чтобы послушали. Нет, не про всю жизнь рассказать хочется, а только про одну смену.

Лес тогда задержали где-то, а забой крепить нужно и срочно. Подсадовал, покряхтел и, наказав жене посматривать, не уходить далеко, тронулся сам разыскивать лесогонов. Что-то задержался на разминовке. Возвращаясь через полчаса, издали услышал, что в забое неладно. Ноги подсклились, ударило нехорошее в голову. Закричал: — Катерина! Катерина! — А в ответ только шум.

Подбежали и видят: кровля тронулась, пудовые камни падают, а жена в самом забое трехметровую стойку пытается утереть в «огниво». Еле выдернул ее за руку и в горячах заругался:

— Что ж ты думаешь, бедовая?

— Бог с тобой, — вздохнула жена, — сам же наказывал не уходить. Хотела остановить беду, да стара, моченьки нет... — Екатерина Тихоновна утерла потное испуганное лицо и вдруг всхлипнула.

Ничего этого не рассказал сейчас Афанасий Петрович. Прикоснулся к натруженной руке жены и пошутил:

— Одна она у меня в семье беспартийная... Давайте за блок коммунистов и беспартийных!

— И за пионеров! — крикнул из кухни Павлушка.

Предложение это встретили хохотом. Рогов чокнулся с Галей:

— За пионеров!

Очень хорошо он себя чувствовал в этот вечер. Дышалось легко, виделось дальше. Часто поглядывая на Бондарчука, с удовольствием видел и у того в глазах влажный праздничный блеск. Предложив тост за шахтеров, которые в этот час штурмуют забои, и одновременно заметив, как парторг кивнул в ответ на молчаливый вопрос Гали, мельком подумал: «Может они давно знают друг друга?».

Дубинцев заговорил что-то о Филенкове. Григорий отмахнулся:

— Он добрый, но сыроватый какой-то!

— Не сплетничать о начальстве! — шутливо прикрикнула Галя, и, немного прикрыв глаза, тихо запела.

...Шумела тайга, поднимались горы, раскрывал свои просторы древний седой Байкал. И где-то в синеватой тени утеса топорливо скользила утлая рыбацья лодка.

Бондарчук толкнул Рогова локтем:

— Как поет! Поможем?

Перепели столько песен, а все не уставалось. Потом Афанасий Петрович «произносил речь» — немного нескладную, немного пьяную, смысл которой заключался в том, что хорошо жить на родной земле, если дело твое согревает людей, если вместе с тобой идут взрослые дети.

— Если вместе, — подчеркнул Афанасий Петрович, строго посмотрев на Григория, но тот сделал вид, что это его не касается.

Екатерина Тихоновна счастливо вздыхала и даже несколько раз крадучись прослезилась.

Хорошо жить, если не даром живешь.

Благодарили хозяев поздно. Рогов сошел с крыльца на белую тропинку и, ожидая Бондарчука, подставил разгоряченное лицо медленным снежным хлопьям. Постоял и почему-то решил немедленно послать телеграмму Вале. Терпение у нее удивительное — молчит и молчит.

Вместе с Бондарчуком вышел Григорий. Пожимая Рогову руку, спросил:

— Значит, через недельку можно начинать?

— Да, непременно через недельку, — подтвердил инженер. — С отцом говорил?

— Говорил... — Григорий смущенно кашлянул. — Он же знаете какой... Но, я думаю, все утрясется.

Когда шли по улице, и совсем недалеко засияли огни «Капитальной», Рогов развел руками:

— Что же делать?.. Может на шахту зайдем? Модельку, чертежи хомяковские посмотришь?

— Это ты оставь! — засмеялся Бондарчук. — Третий час ночи. Давай, брат, с утра.

Инженер вздохнул:

— Ну, что ж сделаешь... Придется с утра.

ГЛАВА XXIX

Полдень. Снежный розоватый свет хлещет в двойные рамы. На стуле пестрый котенок пригрелся, умывается. Павлушка сидит на полу в солнечном квадрате, раскладывает в двух пеналах всякие школьные принадлежности — перья, карандаши, циркуль, всего набралось столько, что впору еще два пенала заводить. Пожал плечами и высыпал все снова в сумку.

— Чего ты там шебаршишь? — строго спрашивает Афанасий Петрович.

— Шебаршишь...—Павлушка иронически усмехается,=слово выдумали. Неизвестно по-каковски.

Афанасий Петрович почесал мизинцем рыжеватый выцветший ус, ничего не сказал, только мельком поглядел на Григория.

Скоро на смену, а пока вот каждый занят своим делом. Григорий чертит что-то в ученическом альбоме для рисования. Пальцы плохо слушаются. Он кусает кончик карандаша и плотно сжимает губы. Через минуту говорит:

— Соврал этот инженер из треста. Как я буду такие расчеты показывать Павлу Гордеевичу? Скажет: а куда ты целых сорок минут девал в третьем забое?

Афанасий Петрович откладывает газету и, сбоку рассматривая сына, спрашивает:

— Ты твердо решил с этим... многозабойным?

Григорий вопросом ответил:

— А ты хочешь, чтобы я как решал? Нетвердо?

Афанасий Петрович мнет пальцами подбородок, сутулится:

— Значит, я снова один? — что-то стариковское, уставшее мелькает в его глазах. Сын тянется к нему через стол:

— Слушай меня, отец! Я знаю, что ты сам раздваиваешься, ты сам не простишь мне, если я не испробую на деле своей мысли. И как это ты говоришь, что один? Я же беру с собой твою сноровку. Без твоего скоростного графика у меня ничего не получится. Вот письмо пишем... А что, если еще и об этом придется рассказать?

— В письмо с этим рано соваться! — Афанасий Петрович крупно шагает по комнате. — Видишь, что выдумал... Я, например, вписываю свою строчку, так я же ее сколько месяцев перед этим обтачивал.

Думаешь, как Иосиф Виссарионович сделает? Он прочтет письмо, потом вызовет инженеров и скажет: «Давайте подумаем, чего такое мне из Кузбасса пишут, и особо с «Капитальной», о проходке. Не перехватили, случаем; триста метров в

месяц?». Он, конечно, спросит, а сам-то уже давно прикинул, где и что в планах изменить, на кого нажать, потому что верное это дело! — Афанасий Петрович вытянул перед собой руки. — Вот этими испробовано! А у тебя что, одни проекты?

Григорий насутился:

— Вот я и не хочу, чтобы одни проекты. Сегодня... иду.

— Сегодня? В эту смену? — Афанасий Петрович тряхнул кудлатой головой и, наступив на павлушкин карандаш, вышел из горницы.

Давно уже они затеяли этот разговор. Начав работать после приезда с отцом, Григорий первые смены держался в забое неуверенно и, словно новичок, даже голову пригибал там, где можно без опаски ходить. Стараясь, очевидно, скрыть свою неловкость, все порывался вперед. Замечая это, Афанасий Петрович только покашливал.

Но о людях шахты Григорий сразу же высказывался похозяйски, метко сортируя их. Вслед Очередыко как-то махнул рукой:

— Никудышный старшина.

Отец показал на Рогова:

— А этот?

Говорили во время собрания. Рогов только что закончил речь и кивал из президиума кому-то в зале. Афанасий Петрович, передав знамя старичку-прокопчанину, вернулся на место и был не в духе.

— Заходил я к нему с одним разговором... — подумав, ответил Григорий. — С Роговым, наверное, воевалось надежно.

— Что за разговор? — Удивился отец.

Но тут как раз собрание закончилось. Бондарчук зачем-то отозвал Афанасия Петровича, а со сцены ему грозил пальцем прокопчанин и кричал:

— Это мы еще посмотрим кто кого!

Уже на пути домой Григорий сообщил:

— Попросился я у него на участок капитальных работ.

— Это зачем?

— Мысль у меня... Хочу попытать проходку сразу в нескольких забоях. Ты же сам часто жалуешься на задержки из-за проветривания, переброски вагончиков, леса. Нужно же как-то использовать это пустое время.

— Значит, так себе, за здорово живешь, встал и пошел, даже со мной не посоветовался?

— Чему же ты меня учил несколько лет? — удивился сын.

Но Афанасий Петрович и на этот раз не сдался, сязвил:

— Тебе, конечно, виднее, в Европах побывал.

Глаза у Григория мгновенно потемнели, и от этого он еще больше стал похож на отца.

— Зря говоришь... — выдавил он сквозь зубы. — Ни к чему. Из Европы грязь приходилось вышибать. Сама Европа теперь к нам едет учиться.

Но в тот раз Афанасий Петрович так и не дослушал, вырвался вперед и, не оглядываясь, быстро пошагал в горку, постариковски ступая на пятки.

Несколько дней Григорий не упоминал о своем плане, но отец чувствовал, что он упорно вынашивает этот план и выжидает, пока все само собой уладится. Здравый смысл сразу же подсказал Афанасию Петровичу, что сын прав, что он сам на его месте поступил бы так же, но с сердцем ничего не смог сделать. Очень уж долго он ждал Григория и лелеял мечту, как они еще много лет поработают в одном забое, что и заметно даже не будет, как силы Афанасия Вощина убывают, словно переливаясь в крепнущую статью и сноровку Григория Вощина. А вот жизнь повернула иначе. Повернула. Разве можно становиться поперек этого. И все же он ворчит, может быть от глухого беспокойства за успех дела, и часто повторяет про себя: «Ну, ворчи, ворчи, такое твоё стариковское дело...» Однако эти внутренние уговоры мало помогали.

Сели обедать. Галя запаздывала. Екатерина Тихоновна с беспокойством поглядывала в окна. Наклонив голову к самой тарелке, Павлушка тихонько прыскал: котенок под столом терся о его босые ступни. Пододвинув пирог Григорию, Афанасий Петрович спросил:

— Ты все приготовил? Или думаешь трах-бах и готово?

— Трах-бах... — Григорий обиженно покривился. — Ты же сам не веришь в это, а говоришь. Или не видел, сколько я мотался по забоям с Павлом Гордеевичем, сколько пересчитали, перекроили. Да я может и трекнулся бы, так ведь Рогов-то знаешь какой? Вцепился в это зубами — не оторвешь.

Теперь обиделся отец:

— Как это трекнулся бы? Ты что? — Он торопливо вытер усы и, поманив за собой Григория, вышел в кухню. Вытащил из кармана пальто небольшой сверток и долго, с загадочным лицом, раскручивал его, откладывая в сторону обрывки газет. И вот у него на ладони показалось что-то похожее на полураскрывшуюся коробочку водяной лилии, со спокойным синеватым закалом.

— Коронка?! — удивился Григорий. — Покажи-ка!

Да, это была буровая коронка с победитовым наваром, но совершенно необычайной, овальной формы. Таких Григорий еще не видал. Те, которыми он привык пользоваться, были с ровным круглым срезом, а эта, действительно, напоминала только что раскрывающийся цветок. Но дело не в красоте, а в обтекаемости — это прежде всего Григорий понял. Зажав коронку в кулак, он поднял благодарный взгляд на отца:

— Ты придумал?

Афанасий Петрович смущенно засопел, потом мотнул головой:

— Стар я на такое... Мишуха Черепанов придумал, его должны благодарить шахтеры. А ты испробуй, раз в руки дается.

Григорий подумал, подумал и с явным сожалением разжал кулак.

— Сомневаешься? — изумился старый проходчик.

— Нет, не сомневаюсь. — Григорий не торопясь закурил и, шурясь сквозь дымок, твердо закончил: — В такой штуке нельзя сомневаться. Но испытывать будешь ты, — тебе доверил парень, у тебя сноровки больше. А я еще... запороть могу.

— Я тебе запорю! — закричал вдруг Афанасий Петрович. — Я тебе запорю! Видишь ты, нашел отговорку. Бери, тебе говорят, и делай, а то скажу Рогову про эту... деликатность.

Екатерина Тихоновна слышала, как, спускаясь с крыльца, он все еще сердито выкрикивал:

— Деликатности! Видишь, ты!

— Расходился старик, — заметил Павлушка, за что и получил строгий выговор от матери.

С удивлением, даже тревогой Григорий узнал, что Рогова на шахте нет. Секретарша, Полина Ивановна, сказала, что он с утра где-то в рабочих общежитиях. Вместе с Бондарчуком ушли.

Значит, нет Рогова. Но чего, собственно, хотел Григорий? Что-бы начальник взял и повел его за ручку к забоям. Нет, этого он не хотел. И все же как-то диковато, что вдруг остался без такого советчика. Еще вчера, после смены, они с Роговым добрых три часа ходили по забоям. Ходил-то, положим, сам Григорий, а Рогов только следовал по пятам и хотя ничего не записывал, но видно было, что фотографирует в памяти каждое движение, каждый расчет проходчика. Всего один раз, заглянув через плечо бригадира в график, он спросил придирчиво:

— Почему это во втором забое, ты куда-то дел тридцать минут? — в остальном же отговаривался: — Соображай, сам не маленький.

Как же это, неужели он забыл, что сегодня у Григория первое настоящее испытание сил? Не мог Рогов забыть этого!

Так или иначе, а неприятный час пережил молодой проходчик, до тех пор, пока его не опохнуло в забое ветерком из вентилятора. На минуту даже показалось, что он перепутал весь план, весь порядок, что все это только на бумаге гладко получалось, а теперь пойдя, решит-ка это на деле...

Но такое состояние продолжалось только до четырех часов. Не успела стрелка коснуться заветной черты, как Григорий Вошин насадил черепановскую коронку на штангу и включил мотор колонкового сверла. И может быть потому, что не все получалось гладко, по крайней мере, немного не по графику, он собрал, скрутил всю свою волю и пошел напролом.

Работал поочередно в двух основных штреках и одном сбоечном, основные пробивались наполовину через породу, сбоечный — по углю. В первых двух действовали механические перегружатели. Здесь силы и внимание были сосредоточены на правильной закладке скважин, на зачистке забоя и креплении, в третьем же приходилось и уголь грузить вручную.

В пятом основном, где начал смену, все обошлось благополучно.

но, но в соседнем, восьмом, горный мастер предупредил, что на дополнительный вытяжной вентилятор надежды мало, барахлит что-то. На это Григорий заметил мимоходом:

— Не вентилятор, а ты, дорогой товарищ, барахлишь.

Заложив скважины в восьмом, а потом и в сбоечном, он вернулся через час снова в пятый. Запальщика уже не было. Но по всему видно, поработал он здесь удачно — лобовой крепежный круг даже не потревожен, зато гора взорванной породы легла точно в захваты механического перегружателя. Не видно только, как подорвана сама почва, особенно у бортов — хорошо, если бы не пришлось подпаливать приямков под стойки.

Григорий пустил машину. В это время прибежал районный инженер Нефедов. Посветил в лицо проходчику, ободряюще улыбнулся и, пересиливая шум, закричал:

— Тронулся? Молодец! Нажимай! Я тебе двух подсобных рабочих пришлю, на всякий случай! Мало будет, скажешь.

Проходчик с досадой притормозил машину и повернулся к инженеру.

— Я не мешаю, давай-давай! — поторопил тот.

Григорий поморщился, отмахнулся:

— Нет, ты мне мешаешь! Какие еще рабочие? Я, может, сегодня на всю жизнь к этой работе принавливаюсь, зачем же мне подпорки? Как хочешь, но здесь, чтобы и духу лишнего не было.

Нефедов громко захохотал и, убегая, крикнул:

— Орел, орел!

— Орел... — вздохнул про себя Григорий. По его мнению, этот орел совсем неважно управляется с машиной. Неизвестно почему головной валик конвейера забивается породной крошкой и отец тоже на это жалуется. Надо будет как-нибудь выбрать время да заглянуть в самую душу машины.

Григорий не мог не понимать, что вся шахта интересуется его сменой, пробой его метода, но он и не предполагал, до какой степени часам к девяти возросло всеобщее нетерпение. В восемь часов вечера, разговаривая по телефону с Емельяновым, Михаил Черепанов хвастался:

— У нас сегодня многозабойный... Воцин вышел! Да нет, не Афанасий Петрович, а Григорий. Что? Не получится? Вот чудной, как же не получится, если на «Капитальной»!

Звонили непрерывно телефоны у дежурного по шахте, у диспетчера, спрашивали, как идет дело, из треста, горкома партии, даже руководитель клубной художественной самостоятельности несколько раз выпытывал, нельзя ли сведения о работе Воцина включить в сегодняшнюю программу.

Инна Савельева в коммутаторе, так та даже накричала на Сашку Чернова, когда тот в десятый раз повис на редакционном телефоне.

Напрасно Григорий сетовал в начале смены и на Рогова. Еще в три часа начальник шахты спрашивал у дежурного: — Все го-

тово, а ровно в четыре: — Приступили? Еще через час, у Нефедова: — Как идет у Григория?

Услышав, что проходчик наотрез отказался от двух подсобных рабочих, не засмеялся, как ожидал районный инженер, а резко выговорил:

— Вот что я скажу: нянька из тебя все равно не получится, а в данном случае, это еще и вредно. Ты думаешь я случайно выключился из этой программы? Ну, вот. А тебе советую не выключаясь, держаться точно в пределах необходимого. Особенно сегодня Григорий должен чувствовать себя полным хозяином в забоях. В этом настоящая цена опыта. Следи за графиком на порожняк, на лес, чтобы забои не подвисали ни одной лишней минуты.

К девяти часам стало известно, что Григорий дал уже по две нормы в каждом забое, то есть шесть полных производственных циклов. Распространению этих известий очень способствовал член партийного бюро Некрасов, дежуривший в шахте по поручению Бондарчука. Григория он ни о чем не расспрашивал. Постоит минут десять где-нибудь поблизости и, ни к чему не прикасаясь даже словом, тронется прочь. Зайдет по пути к комсомольцам, как раз работали Митенька с Лукиным, скажет, между прочим, что многозабойный, по его мнению, в гору пошел, потом заглянет к Афанасию Петровичу. Старый проходчик уже два раза спрашивал:

— Что тебе не спится? С утра же на смену.

Некрасов присядет где-нибудь в сторонке на запасную рельсу, разведет руками:

— Как не на смену... Только какой же сон в наши годы? Хожу вот, смотрю, сердце тешу... Был сейчас у твоего Григория...

Афанасий Петрович с минуту сосредоточенно заколачивает стойку, но лицо у него напряженное, слушающее.

Видит все это Некрасов, усмехается про себя и заканчивает:

— Второй цикл распочал Григорий... Ничего, планово у него получается.

Афанасий Петрович молчит, прилаживая конец «огнива» в замок стойки. Бежать бы ему сейчас старику в забой к сыну, тронуть бы того за потное плечо, заглянуть в глаза, посоветовать. Но нельзя этого сделать: у самого смена в разгаре, да и Григорий обидится, скажет: «Чего ты мне заглядываешь под руку?». Афанасий Петрович говорит:

— Он у меня сызмальства такой вздумчивый... Вот и плановый.

В десять, так в половине одиннадцатого, Некрасов снова заглянул и сказал, как в первый раз:

— Ничего, ничего...

Но старый проходчик насторожился: что за тон, как будто его уговаривают? Нельзя ли как-нибудь яснее?

Некрасов подумал, потом изложил свои соображения. Оказывается, на третьем кругу породные забои что-то закопризничали, кровля «бунит», пустотой отдаст...

Больше Некрасов не заходил. Афанасий Петрович особенно аккуратно подчистил забой, нарастил одно рельсовое звено узко-

колейки и уже у главного под'ема, встретив горного мастера с участка Григория, спросил, словно между прочим:

— Как работнули?

Горный мастер махнул рукой:

— А, грех один... Против естества поперли.

Заглянул в раскомандировочный зал. У стены стояли трое или четверо черепановцев, причем Митенька возмущенно размахивал руками, наблюдая, как дежурный табельщик снимает большой транспарант. Афанасий Петрович только и успел прочитать: «Шахтерский привет Григорию Вошину — знатному...».

Глаза у старого Вошина потемнели, он круто повернулся, но опять сдержал себя. Тщательно вымылся в душевой, потом зашел в контору участка, просмотрел сменный рапорт и, так как все было сделано, тронулся домой.

На стук в сени вышла Екатерина Тихоновна, открыла и так же бесшумно, почти на носках вернулась в кухню. Спросил у нее одним взглядом:

— Ну, что?

Она кивнула в сторону комнаты Григория.

— Спит?

— Какое там спит... за голову держится.

Афанасий Петрович сердито громыхнул, сбрасывая резиновые сапоги:

— За голову держится!.. За нее нечего держаться, головой нужно думать.

ГЛАВА XXX

С утра они ходили по рабочим общежитиям, при этом Рогов час от часу мрачнел, а Бондарчук все беспокойнее покашливал, передвигая шапку с одного уха на другое. Бытовые условия никак нельзя было назвать блестящими, особенно неважно у вновь прибывших. По свидетельству председателя шахтного комитета Хмельченко, в жилищном отделе окопались любители тихой жизни и просто надутые дураки.

К одному из общежитий двое суток не подвозили угля, в комнатах стоял холодище. Десятник жилкомхоза пролепетал что-то по поводу перерасходованных лимитов на топливо, но встретившись с побелевшими от злости глазами Рогова, почти закричал:

— Затоплю, затоплю, товарищ начальник! Разве ж я не понимаю!

— Затопите и шагайте в отдел кадров, — распорядился Рогов: — Под суд!

Уже на крыльце, по выходе из общежития, Бондарчук крикнул в великой досаде:

— Житье!

— Шею намылить за такое житье! — отозвался инженер.

— Это кому же?

— Я о себе говорю, но, очевидно, и тебя это касается...

— Забавно! — парторг почесал широкую переносицу. — Унтер-офицерская вдова когда-то сама себя...

— Знаешь что! — Рогов замедлил шаг. — Я попрошу тебя без исторических справок.

— Да, но в том, что угля в шахтерском общежитии нет, виноват в первую очередь ты! Лошадей-то на вывозку леса кто отобрал в коммунальном отделе?

У под'езда каменного двухэтажного здания их встретил комендант, бравый парень в полувоенной форме. Кончики его черных, лихо закрученных усов, заодно топорщились по сторонам грушевидного носа, придавая глуповатому лицу выражение бесшабашной лихости. Не ожидая вопросов, комендант попробовал закатить витиеватый рапорт:

— Есть, конечно, некоторые паразиты!... — сказал он и угрожаяще поиграл глазами. — Но откуда, допустим, вытекает таракан или тот же клоп?

— Откуда же? — заинтересовался Бондарчук.

— Товарищу коменданту самому неизвестно! — подхватил чей-то озорной голос из сеней. — Откуда текет, зачем текет, на чью голову капает: это же научная теория, а товарищ комендант человек темный, по причине пьяной жизни.

Из сеней показалось веселое сухонькое личико пожилого забойщика Мищикина. Этого человека любили на шахте за легкое словцо, за умение говорить с подковырочкой, за улыбчивый, неунывающий характер. Поздоровавшись с начальством, он показал забинтованную ногу:

— Лягнула меня невзначай техника безопасности!

Рогов осведомился, долго ли продлится лечение.

Забойщик пожал узенькими покатыми плечами:

— Кто ж его знает... Срок от кости зависит...

— Вот его и назначу комендантом, а того с усами — на уголь! — решил Рогов, когда они возвращались на шахту, и тут же предложил: — Зайдем ко мне, я уже сутки на квартире не был...

— Оно и видно... — Бондарчук с неудовольствием оглядел большую, уютную комнату. Пока хозяин готовил чай, он прошелся из угла в угол, покрутил носом и невзначай заметил:

— Женился бы ты, что ли...

— Что-о? — удивился Рогов.

— Жениться тебе нужно! — раздраженно повторил парторг.

Рогов нахохлился:

— Вот уж, действительно... пальцем в небо!

— Не подберешь по сердцу?

— Это, просто, не подлежит твоей юрисдикции.

Бондарчук остановился на полшаге:

— Ишь ты приткий! — Но лицо его сейчас же подобрело, усмехнулся он по-своему, медленно опустив взгляд и несколько раз двинув широкой бровью: — Я ведь между прочим о женитьбе, а основное-то все-таки в том, что жить кое-кто из нас не умеет, а по долгу службы обязан учить этому людей.

— Это обо мне?

— Отчасти и о себе...

— Обобщаешь?

— Я далек от этого...

— Тогда пей чай! — перебил Рогов. — Тебя не переслушаешь. Сегодня о жизни, вчера целый день о плане.

Бондарчук обжег губы об алюминиевую кружку и громко разгрыз кусочек сахара, потом еще раз обжегся и раздраженно отставил чай:

— А я как раз хотел приступить к этому. Давай, Павел, договоримся окончательно!

— Между двумя кружками чая? — нехотя пошутил Рогов.

— Я серьезно!

Вот уже вторую неделю спорили они о плане на следующий квартал. Разговор возник как будто по случайному поводу. Однажды вместе обходили подсобные предприятия. Явно желая похвастаться, начальник ОРС'а затащил их в теплицы. Рогова порадовал этот кусочек знойного лета, приютившийся в небольшом снежном распадке. Работницы собирали в круглые корзиночки зеленые огурцы, на стеллажах зрели золотистые помидоры, тянулись к ложным солнцам узкие прозрачные перышки лука — ко всему этому было боязно даже прикасаться, не верилось в эту декабрьскую плодоносную благодать. Аппетитно хрумкая огурец, начальник ОРС'а рассказывал, как он первым на руднике добился всего этого. А то ли еще будет. Сейчас вот плоховато со стеклом, но месяца через два—три все утрясется—Иван Павлович из Прокопьевска обещает десяток ящиков подбросить, да в Кузедеевском сельпо можно кое-что урвать...

— В это время к ним подошла маленькая круглолицая работница в полотняном фартучке. Рогов заметил, что глаза у нее заплаканы, пухлые овальные губы обиженно вздрагивают.

— Опять? — повернулся к ней начальник ОРС'а. — Я же сказал: выговор тебе обеспечен. Решений не меняю.

— Товарищ начальник!... тихо говорит работница, а сама почему-то смотрит то на Рогова, то на Бондарчука. — Товарищ начальник, я же какую мысль имела...

— Меня мысли твои не интересуют, — перебивает начальник и обращается к Рогову: — Понимаете, Павел Гордеевич, имеем в теплице каких-то сто квадратных метров, тут нужно каждый сантиметр использовать, по-стахановски, чтобы за зиму снять два урожая, не меньше. А эта фантазерка, несмотря на категорическое запрещение, засеяла чуть не пять метров цветами. Цветы, видите ли, понадобились. Тут нужно биться за то, чтобы в борщ шахтеру почаще закладывался зеленый лучок, а она ему поднесет всякие георгины и эти... «колокольчики мои, цветики лесные!» Попадает человеку блажь в голову...

Рогов ничего не сказал, только метнул украдкой взгляд на Бондарчука, а когда вышли из теплицы, неожиданно для начальника, распорядился:

— Вот что, я не знаю, как ты будешь с выговором этой де-

еушке, хотя она обратного заслуживает, но чтоб через месяц — полтора «колокольчики мои, цветики лесные» были. Это не исключает лук, помидоры и огурцы. Мы вот с тобой не додумались, а работница, очевидно, знает, что такое букетик живых цветов для забойщика после настоящей смены. Побольше цветов — они понадобятся на «Капитальной»!

Пришли на шахту, в партбюро. Рогов хотел куда-то позвонить, но заметив, что Бондарчук все еще чему-то тихо улыбается, вдруг рассердился:

— Что ты ухмыляешься? Смешно с цветами получилось? Считаешь, что можно до лета погодить?

Бондарчук развел руками:

— Не понимаю, почему тебя раздражает моя улыбка? Вот вспомнил один случай и улыбаюсь...

— Нет, ты это все про цветы! — не унимался Рогов. — Да, я считаю: пора нам под рукой иметь цветы. Покажи мне сейчас участок, который бы хоть немного не перевыполнял план? Это одним словом называется: тронулось! Смотри... — он быстро развернул статистическую таблицу. — Смотри, Виктор: на эксплуатации девяносто восемь процентов рабочих выполняют нормы, шестьдесят три процента стахановцы! А? Как это называется? Знаешь?

Бондарчук рассмеялся:

— Знаю, знаю! Что ты расхотелся? Я же не с неба упал... — с удовольствием оглядев ладную фигуру Рогова, он сдержал улыбку и осторожно спросил: — Ты не думаешь, что нам скоро придется делать еще один крутой поворот?

— Поворот? — Рогов подумал. — Поворотов у нас впереди сколько угодно. Но что ты имеешь в виду?

Сев напротив и медленно разглаживая сухими пальцами бархат скатерти, парторг тогда впервые высказал свою мысль.

«Капитальная» дает всего пятьдесят три процента коксующего угля марки ПЖ, остальной — энергетический. На районах, даже на участках нетрудно разгадать нехороший уклон: дать побольше энергетического и поменьше коксующегося. Это почти никого не удивляет, марка ПЖ идет в основном с нижнего, более трудного горизонта и если с ней к концу месяца немного недотянуть, зато нажать на энергетический, который ближе, подручнее — греха как будто большего не будет...

Рогов нетерпеливо двинул стулом:

— Зачем ты мне говоришь это? Я же на прошлой неделе приказ подписал — прежде всего кокс! По коксу будем расценивать работу.

— Правильно. — Бондарчук чуть прикрыл глаза, точно вспоминая что-то. — Правильно, Павел. Но давай рассуждать логично. Борьба за ПЖ — это борьба за металл, борьба за самое важное в общегосударственном плане. Не пора ли нам так повернуть дело, чтобы ПЖ поднималось негоря не пятьдесят три процента, а семьдесят, девяносто? Не пора ли?

Рогов даже головой мотнул:

— Это, действительно, не пора! — считая, что вопрос исчерпан, он снова взялся за телефон, но Бондарчук твердо придержал его руку:

— А ты подумай.

Рогов теперь запомнил, что тогда в горячах наговорил. Ведь это же не простая передвижка внутри плана. Чтобы перенести центр тяжести всех эксплуатационных работ на нижний горизонт, нужно всесторонне подготовиться, пересмотреть технологию, так как нижняя Полкаштинская свита пластов пологопадающая, более мощная; нужно решительно перестроить транспортировку: если с верхнего горизонта уголь качают еще и двумя уклонами, то для нижнего — это не выход из положения, тут нужен ствол. А потом все это предусмотрено планом развертывания горных работ. Процесс естественный и потому неизбежный.

Бондарчук кивнул, но, по всему видно, остался при своем мнении. Еще несколько раз затевался этот разговор и вот теперь снова.

Но не успели втянуться как следует в беседу, как вошел Данилов. Торопливо раздевшись, он налил кружку чая и выпил его мелкими быстрыми глотками. Глаза у парня поблескивали весело и чуть-чуть настороженно, точно в полете.

— Угошайся еще, — предлагает Рогов, — погрей душеньку, повеселись.

— А сам-то что ж невеселы?

— Государственный разговор...

Бондарчук постучал в дно порожней кружки:

— И не меньше! Без шуток.

— Знаю, — Рогов насупился. — Все знаю. Но для того, чтобы шагать дальше, нужно учитывать конкретные производственные условия...

— А по-моему, конкретные производственные задачи! — с нажимом выговорил парторг. — И, разумеется, условия, обстановку. Но обстановка-то и толкает на это. А с кого же в первую очередь спросят при нехватке коксующихся углей.

Рогов вдруг вскочил и, пошевеливая руками в карманах, выпалил:

— Пусть у себя это в первую очередь спросят!

— Это почему? — парторг высоко вздернул брови. — Уголь-то мы даем?

— Даем! Но мы даем коксовикам бесценное золото, а они занимают очень странную позицию. Ты подумай, что делается во всех звеньях нашего народного хозяйства: куда ни повернись — всюду пищит, кричит, но лезет в жизнь новое, совершенное, а коксовики при поддержке металлургов в своей деятельности вдруг заартачились.

Как всегда, в минуты большого напряжения лицо Рогова чуть

побледило, осунулось, говорил он почти без жестов, бессознательно действуя на слушателей стремительностью логики, своеобразными интонациями, при которых слова приобретали совершенно неожиданную окраску. Так говорить мог только человек, глубоко убежденный в своей правоте.

Необходимо немедленно ломать устаревший взгляд на вещи, будто добротный металлургический кокс получается, если в шихте на восемьдесят пять—девяносто процентов содержатся такие дефицитные марки углей, как «К», «КО» и «ПЖ». Но это же технический абсурд, это значит, что процесс коксования по существу неуправляем, словно его создали не люди, а ее величество природа. На внутренние свойства углей нужно воздействовать, громить, перекраивать их, а не заглядывать им в личико: «Ах, вам это не по нутру?» Это не смешно. Гамму коксующихся углей необходимо расширить — это наш кровный долг перед судьбами родной промышленности. И кто хотя бы раз открыто, честно сказал, что это невозможно? Теперь сама жизнь опрокидывает такие «установки»! За последние десять лет в коксовую шихту брали все больше газовых углей, а ведь кокс-то не ухудшался. Еще до войны, в Магнитогорске, академик Павлов доказал не только возможность, но и настоятельную необходимость привлекать для коксования до сорока процентов газовых углей. Вот как обстоят дела!

Бондарчук опустил взгляд на раскрытые ладони, потом крепко зажмурился, так что короткие густые ресницы вдавились в тонкую кожу глазниц. А когда посмотрел на Рогова, глаза его смеялись и голос чуть вздрагивал.

— Знаешь что, Павел Гордеевич, — он подмигнул Степану, — поедем на областную партийно-техническую конференцию, — вот тебе тема для выступления.

— Видишь! — оживился Рогов. — Ты сам понимаешь...

— Что это только один путь! — перебил Бондарчук. — Он не исключает, а только подтверждает необходимость увеличить добычу нашей дефицитной марки. Ты-то понимаешь это?

Рогов устало вздохнул:

— Конечно, понимаю.

— Делать нужно?

— Но в наших условиях... мало надежды на успех.

— Ты же сам говоришь, что... тронулась в гору, что сейчас в дело впряжены все силы?

Уже бледные зимние сумерки подбирались к широким окнам; Степан в третий раз кипятил чайник, а парторг с начальником шахты все еще то сидели друг против друга, почти соприкасаясь взъерошенными прическами, то одновременно ходили по комнате, встречались нечаянно где-нибудь в углу или на середине и говорили, говорили.

— Тут недостаточно одного желания, под все это нужно подвести прочный технический расчет. И здесь-то все упирается в нет! Мало того, что вопреки планам, которыми мы связаны со всем Кузбассом...

— План, как вериги? — насмешливо перебивает парторг.

— Не гуди! — Рогов отмахивается. — Это основа хозяйственной дисциплины. Повторяю, не в этом еще загвоздка. Можно перенести весь фронт подготовительных работ на нижний горизонт, можно нарезать лавы — с этим мы обойдемся. Но ведь сразу же потребуются еще два внутришахтных уклона. Где для этого взять людей? Где? Ты же понимаешь, если я в прошлый раз на бюро горкома отказался принять шестьдесят человек из оргнабора, я тоже действовал из прямого хозяйственного расчета.

Бондарчук крутит пуговицу на гимнастерке Рогова:

— Правильно. Трудно. Но категорически необходимо. Немедленно ставь в известность трест, комбинат, министерство, кого угодно...

— Этого я не сделаю. Сейчас не сделаю!

Бондарчук недобро кривит губы:

— Сде-е-лаешь... И почему бы тебе не сделать этого?

Рогов круто повертывается, берет Степана за плечи и, поставив его перед собой, лицом к парторгу, спрашивает:

— Ты видишь его? Это наш рабочий, их на «Капитальной» тысячи. Должны мы посоветоваться с ними? Должен сам коллектив взвесить собственные силы? Это же твоя мысль — помнишь, знамя передавали?

— Хорошо. — Лицо у Бондарчука посветлело. — Хорошо. Будем советовать.

Он берет трубку и, вызвав партбюро, спокойно говорит:

— Вера? Обзвони быстренько членов бюро, пусть явятся к восьми. На повестке: квартальный план.

Когда они уже собирались уходить, Рогов вдруг спросил у Степана:

— Ты у Тони был? Что она? Лучше? Вот досада, опять закрутились на несколько дней. Но завтра обязательно зайду. А то, если сегодня еще раз пойдешь, — деньги в столе, купи что-нибудь. — И уже у порога он снова повернулся к Бондарчуку. — Я уже начал чувствовать шахту, как завод с единой поточной линией, как хорошо налаженный механизм. Чорт! Не работы боюсь — дай работу, но не во мне дело. Люди попадают в другие условия. Возьми черепановцев — приноровились на крутопадающих, а как развернут ее на пологих, на горизонтальных?

Данилов слышал, как, захлопнув дверь и спускаясь по лестнице, он еще несколько раз воскликнул:

— Круто поворачиваем! Круто, чорт!

ГЛАВА XXXI

Оставшись один, Данилов некоторое время занимался обычными вечерними делами. Прибрал в комнате, почитал газеты, покрутил регулятор приемника, но регулятор крутил уже невнимательно, скорее для порядка.

Та-а-а-а... Значит товарищ начальник шахты сомневается! Пред-

ставив себе только на минуту вытянутое от удивления смуглое лицо Черепанова, Данилов передернул плечами.

А в ближайшие полчаса он развил бурную деятельность. Позвонил Черепанову и попросил всех свободных членов бригады притти к нему на квартиру. Потом таким же образом вызвал Аннушку Ермолаеву, которая все еще замещала секретаря комсомольской организации. Сбежал в магазин, заглянул в отдел статистики и, увидев против своей фамилии «165 процентов», быстро выбежал, скрывая на лице невольную радость. Не застав в комитете Хмельченко, захватил с собой Сашу Чернова, хотя тот и упирался. Уговорил несколькими словами: представитель газеты будет участником исторических решений.

На квартире уже сидели Черепанов, Сибирцев, Митенька, Санька Лукин. По комнате ходила Аннушка, заложив покрасневшие на морозе руки в крохотные карманы жакетки.

Лицо у Черепанова утомленное — несколько последних суток, кроме своей смены, он ходил на два—три часа в две остальные — это были беспокойные смены не только для него, но и для всех членов бригады. Друг у друга заново переучивались, подтягивали силы, готовились к решительному подьему на новые высоты.

Заметив, что Митенька сосредоточенно ковыряет ножом клеенку, Степан погрозил ему. Парень вздохнул и вопросительно посмотрел на Ермолаеву. Аннушка круто остановилась, взмахнув косами, сказала:

— Вообще, Митенька, характер у тебя безобразный, все с какими-то заскоками. Что нам делать с твоим характером — ума не приложу. Тебя силы распирают, у тебя хорошее сердце, ну, так ты иди вперед, показывая пример остальным! А ведь вместо этого тебя то и дело в сторону заносит.

Данилов, считая для себя неудобным вмешиваться в разговор, стал собирать на стол, иногда не без сочувствия поглядывая на Голдобина.

Речь шла о вчерашней истории.

Кто-то в бригаде сказал, что хорошо было бы вместе с письмом направить Тоне какой-нибудь подарок. Предложение это всем понравилось. Собрали деньги, но сколько ни думали — не могли решить, что же такое купить. Наконец вышли из положения, положившись во всем на Аннушку.

Все это время Митенька ходил задумчивый, с какой-то особо значительной складочкой на лбу. Потом пристал к Саньке Лукину: дай тысячу рублей. Тот удивился:

— Куда тебе? У тебя же около семи тысяч на сберкнижке?

Но Митенька глазом не моргнул, — сославшись на какое-то срочное массовое мероприятие.

Лукин отмахнулся:

— Да жалко мне что ли... Возьми вон там, под подушкой.

Митенька на том же кругу исчез. А через час к общежитию подкатили розвальни, груженные новеньким сияющим пианино, огромным сучковатым фикусом и тоже сияющим Митенькой.

— Тпру-у! — громогласно закричал возница. — Приехали. Выгружайся, товарищ музыкант.

Выглянув в окно, Черепанов даже за голову взялся:

— Мамочки мои, такого еще не было...

— Помогите, — попросил в двери Митенька. — Срочно. Это ж музыка!

И во все время, пока товарищи молча заносили в комнату разлапистый фикус, а потом громоздкое пианино, он прыгал вокруг и, словно не замечая натянутой обстановки, все покрикивал:

— Да, не так, не так, левее надо! Вот чудной, зачем ты за эту лапку цапаешь — это же регулятор голоса! Не соображаешь...

Выгрузили. Посидели вокруг покупок, отдышались. Потом Лукин щелкнул пальцем по листку фикуса и молвил:

— Росла, между прочим, греха не знала...

— А атмосфера была вредная, — вставил Митенька.

— Это почему?

— По хозяйке сужу, у которой покупал. Все поровила с меня содрать лишнюю сотню.

— А сколько содрала?

— Так я же увертливый, тыщу дал и ни в какую.

Товарищи только вздохнули. Но через минуту тот же Санька спросил:

— Что ж мы теперь, танцевать будем? Трагя-ля?

— Как это трагя-ля? — обиделся Митенька. — Выдумал. Это для Тони Липилиной!

— Да, да, это для Тони, — подхватил все время молчавший Черепанов. — Завтра и тронемся. Пианино Митенька в кармашек сунет, фикус в платочек завяжем, Санька вон по пути прихватит маневровый паровоз. Вполне торжественно получится. — Он с сожалением посмотрел на покупателя и сразу переменял тон. — Эх, ты! Человек же больной, слышал, что Степан Георгиевич рассказывал? А ты с целым оркестром да еще этаким телеграфный столб!

Подошли другие члены бригады, и разговор с перерывами затянулся вот до сегодняшнего вечера.

— Главное не по-человечески получится! — восклицает Лукин.

— Это же не подарок, а, как бы сказать... оборудование!

Митенька сидел все время упершись грудью в стол, но вдруг выпрямился, убрал маленькие вздрагивающие руки с клеенки, почти испуганно оглядел товарищей и спросил:

— Чего вы со мной делаете? — Потом заговорил бессвязно, глотая звуки. — Я это Тоне... Она воевала. Я учился. Матка у меня, сестренки... Здоровые все. Может потому, что Тоня была там... Я бы кровь ей отдал, а вы!..

Стало очень тихо. Часы на стене медленно сказали:

— Тактак... тактак...

Щеки у Аннушки зарозовели, она растерянно оглянулась на бригадира, на Чернова, точно спрашивая: «Что ж вы молчите?»

Но в это время к Митеньке спокойно подошел Данилов, взял за плечи, заглянул в лицо и крепко прижался губами к его щеке.

Решили, что пианино и фикус пока постоят в общежитии, а там можно с самой Тоней посоветоваться как быть. А потом, в течение всей остальной беседы, Митенька както невольно оказывался в центре внимания товарищей — то Степан, вне очереди подливал ему горячего чая, то Сибирцев тянулся с только что распечатанной пачкой папирос. Митеньку сегодня словно заново увидели.

Прежде чем Данилов сообщил о причине нечаянного собрания, Черепанов сказал, что завтра, пожалуй, можно начать основной жим по всем трем сменам. Только дружно и не задыхаться, — расчет не на один день. А то на шахте будет кое-кто сомневаться, скажут, что рвут ребятки...

— Уже сомневаются! — перебил Степан.

На него недоверчиво посмотрели, но он повторил:

— Честно говорю, сомневаются. За этим и позвал.

Это был взрослый высокий вечер для комсомольцев. Передал Степан посвоему, как ему на сердце легло, весь разговор Бондарчука с Роговым. О коксе рассказал, о нижнем горизонте, о крутом повороте, перед которым встала сейчас шахта. Что же, правильный это поворот. Рогов ведь тоже знает это, и не в силах людей сомневается, тут может быть Степан был неправ, а боится он, что очень уж трудно придется первое время таким, как вот они.

— Непременно трудно, — подтвердил Черепанов.

— Ну и что же? — удивился Сибирцев.

Аннушка пытливо всматривалась в задумчивые лица товарищей. Чернов что-то быстро писал в блокноте. За окном, в далеких ночных сумерках, хлопотливо покрикивал маневровый паровичок.

Изменился какой-то отрезок дороги в далеком пути — так это все почувствовали и приняли. Но самое главное — опять все вместе. Сибирцев, так тот даже подчеркнул эту мысль, сказав вслух:

— Оно и понятно. Как же иначе.

Хотя могло быть иначе, если бы этого потребовала жизнь.

— Как же решаем? — спросил Черепанов.

Данилов, а за ним Лукин, даже плечами пожали.

— Какой может быть разговор...

— Степан Георгиевич... — бригадир невольно опустил взгляд, но через секунду уже прямо посмотрел в глаза Данилову. — Степан Георгиевич, на нижнем горизонте лавы пологие — мы будем уже не забойщиками, а навалоотбойщиками. Там весь уголек на ленту лопатой приходится...

— Ну?

— Трудновато это, Степан Георгиевич...

Данилов понял, глаза его с медным отливом метнули искорки:

— Что ж ты мне предлагаешь? В парикмахерскую?

Черепанов покраснел, но взгляда опять не опустил:

— Нет, я не об этом. Чтоб ты надеялся на бригаду.

Данилов задумчиво покачал головой, улыбнулся:

— А я надеюсь, Миша. И на себя тоже. — Он обратился к Ермалаевой: — Слушай, Аннушка: сегодня мне записали сто шестьдесят пять процентов, но я обрадовался не этим процентам, а обрадовался, что они мне легче дались, чем первые сто. Не знаю, как у меня будет на нижнем горизонте — плохо, наверно, так я же выберусь! Вчера Тоня мне прямо сказала... — Степан осекся, быстро оглядел товарищей и спросил упавшим голосом: — А вы что, сомневаетесь?

Сибирцев трубно откашлялся, потом в разговор вступила Аннушка.

— По-моему, мы не тем занимаемся, — сказала она, — оба живаем друг друга, будто впервые встретились. Давайте решать: переходим на нижний горизонт?

Сибирцев предложил:

— Немедленно заявить об этом Павлу Гордеевичу и Виктору Петровичу!

Аннушка запротестовала:

— Нет, это не годится, мы не имеем права заскакивать вперед, пока поворот на шахте не начался. Когда управление и партбюро обратятся к коллективу за советом — мы будем готовы. Правильно? А сейчас...

— Начинать, к чему готовились! — подытожил Черепанов и всем сразу стало как-то легче.

Заговорили о вещах, как будто не имеющих прямого отношения к работе. Санька Лукин, как обычно, стал жаловаться на плохую воспитательную работу.

— Что такое?... — он широко разводил руками. — Куда ни посмотришь — никакой воспитательной работы.

Но к жалобам Лукина по этому поводу давно привыкли и прощали ему эту маленькую слабость. Любил Санька, чтобы с ним не просто говорили, а чтобы его именно воспитывали. В этом, по его мнению, было что-то чистое, человеческое. Ему казалось, что люди-воспитатели приподнимают его над землей, согревают своим дыханием, открывают в его собственном сердце такие родники силы, о которых он и не подозревал. В представлении Саньки люди вообще делились на две категории — на тех, кто учит и тех, кто учится. Но и к учителям жизни, к воспитателям, молодой шахтер предъявлял очень высокие требования. Об одном он говорил:

— Да-а... Этот воспитывать может.

О другом, наоборот:

— Так себе... Все понятно, но он больше на вчерашнюю газету нажимает.

Сегодня Лукин почему-то вспомнил о докладе, который слышал еще на прошлой неделе. Во-первых, докладчик был неправильный. Зачем таких присылает горком комсомола? Говорил он

о любви, о дружбе, а сам, наверное, никогда не дружил и не любил — говорил и в ладошку зевал.

Аннушка кивнула. Она уже скандалила в горькое по поводу этого доклада. И вообще, когда-нибудь ей нагорит от Бондарчука, потому что в воркотне Лукина много справедливого. Большая все же она неумеха. Вот позавидовать можно Саньке Чернову — так действуют на людей его простенькие корреспонденции. Это, конечно, потому, что слова у него доходчивые, от сердца. Както еще по случаю первой победы черепановцев он написал даже поэму «Молодой Кузбасс». А так как редактор отказался печатать этот литературный труд, сославшись на то, что у него газета, а не художественный альманах, то автор просто переписал поэму и повесил над кроватью Черепанова, чем бригада очень гордилась, выучив наизусть бесхитростные стихи.

Сибирцеву с Даниловым нужно было на смену с двенадцати, они отошли в сторонку посоветоваться.

— Можем сегодня и двинем первый разок? — спросил Степан.

Сибирцев подумал:

— Кто его знает, как с лесом...

— Предупредим Дубинцева, это же горячий парень.

— Всю лаву, пожалуй, многолько... — Густые брови Георгия расплзлись в усмешке. — Как бы жила не лопнула...

— Нет всю! — Степан выпрямился и даже выше ростом стал. Они встретились взглядами, но ничего не успели сказать друг другу — перебил телефонный звонок.

Однако, прежде чем кто-нибудь взял телефонную трубку, в коридоре загремело, и в комнату ошалело ворвался Алешков:

— Провалился! — сказал он и глотнул воздух, потом еще раз глотнул и добавил: — У Вошина. Два забоя закумполило.

Степан машинально потянулся к телефонной трубке, послушал и вдруг уронил в тишину:

— Товарищи... С Тоней тоже плохо!

А еще через несколько секунд они почти молча бросились к выходу, захохотали по лестнице. Взвизгнув блоками, с треском захлопнулась дверь в под'езде. Испуганно выглянув на площадку лестничного пролета, старушка Хомякова вздохнула:

— Господи, вот неугомонные!

ГЛАВА XXXII

Из-за горы Елбань поднимался день-бокогрей. Шахтерский город поклонился ему сотнями розоватых дымочков.

На широкое каменное крыльцо больницы вышли Аннушка, Чернов, за ними Черепанов, Сибирцев и последним Данилов. Стукнула дверь, и сейчас же гулкое это прокатилось в крутых логах, по синим нагорным снегам, под которыми никогда не умолкают светлые родники.

Всего минутой раньше, спустившись из верхних палат, доктор Ткаченко оглядел утомленные лица комсомольцев, торопливо протер очки и негромко молвил:

— Уснула. Слышите? Говорю, уснула! И хватит вам...

Сибирцев не дал ему досказать, обхватил неожиданно своими могучими ручищами, прижался небритой щекой к его лысине.

Ткаченко сердито отшатнулся, потом коротко хохотнул и, наконец, бочком отошел к рассветному окну, махнув комсомольцам.

— Уходите. Надоели.

Постояли на припорошенных снегом ступенях, вгляделись пристально в город, в прозрачный горный простор вокруг, потом Черепанов сказал задумчиво:

— Хороший день будет.

Где-то за горой протяжно и чисто запел гудок «Капитальной», скликая первую смену. Сибирцев оглянулся на Степана, а тот на Аннушку. Она сейчас же кивнула.

— Иди, Степан, я обо всем узнаю и, как только проснется, сообщу.

Черепанов тоже простился. На крыльце долго еще стояли Чернов с Аннушкой.

Повзрослели они за эту длинную тревожную ночь. Все было передумано и как будто обо всем переговорено в те часы и минуты, пока ждали вестей от Ткаченко. А он скуп был на вести. Глянет через перила лестницы вниз и спросит коротко:

— Сидите?

Да больше, пожалуй, ничего и не нужно было, — одним своим видом, голосом доктор успокаивал. Значит все идет так, как должно. Один только раз позвали Степана в палату, — и не Ткаченко, а мать Тони, Мария Тихоновна. Какая-то удивительно отчужденная, в белом больничном халате, она медленно сошла вниз по лестнице, постояла посреди вестибюля, словно забыв, зачем оставила дочь, потом подошла близко к Степану, и голос ее дрогнул, когда она сказала:

— Иди, Степан, тебя кличет.

Степан вернулся минут через десять и сел рядом с Аннушкой. Его ни о чем не спросили, хотя глаза у каждого кричали: «Не молчи! Что с Тоней?» И он заговорил, приподняв ладони над коленями и быстро сжав кулаки.

— Она говорит, что свет перед глазами... Как будто молнии. Больно. А доктор одно свое: у нее затяжной кризис, сейчам все решается.

— Решается? — повторил Степан и строго заглянул в лицо Ермолаевой. — Вот, Аннушка, что я думаю: мне довелось разными способами убивать врагов — из винтовки, даже из пушки палил... Но если еще кто-нибудь к нам придет, я потребую такое оружие, чтобы как молотом, тысячами разило... Будь они прокляты, кто живую кровь пьет!..

Степан крепко зажал глаза кулаками.

...И вот поднимается утро.

Проводив взглядом Степана, Сибирцева, Черепанова, потом

поглядев на трепетный малиновый занавес над восточной горной грядой, Чернов стесненно вздохнул:

— Песню написать хочется!

— Песню? — Аннушка оглянулась на журналиста. — А ты попробуй.

— Нельзя пробовать, рвется это из меня, сладу нет! Написать нужно так, как вижу все...

— Что же ты видишь?

— А вот Тоню в палате, наш город, как ты всю ночь в углу проплакала, а Степан с Георгием ушли на смену только что... Какими словами написать об этом!

— Пой, Саша! — задумчиво отозвалась Аннушка и медленно сошла по ступенькам. Постояла еще немного и вдруг заторопилась.

Необходимо сейчас же встретиться с Бондарчуком и Роговым. Что там случилось в забоях у Вощина, — с этим так и не успели ночью разобраться.

Главный инженер треста Черкашин встретил Рогова новостью:

— Можешь радоваться, Павел Гордеевич: план комбинатом на новый месяц тебе утвержден прежний, если не считать увеличения на два—три процента за счет энергетических углей.

— Утвержден... — не сдержал Рогов досады. — Очень что-то прытко на этот раз, обычно контрольные цифры приходят на шахту в первых числах месяца.

Черкашин улыбнулся.

— Обычно на аккуратность не принято жаловаться.

— Я о другом, — возразил Рогов. — Меня удивляет близорукость некоторых планирующих организаций. Скажите, почему это, имея в хозяйственном активе такую единицу, как наша шахта, в планах все время нажимают на окисленный энергетический уголь? Но ведь «Капитальная» заложена и действует как коксовая, — в этом она должна играть первую скрипку.

Черкашин опять улыбнулся, разгладил пальцами складки на щеках.

— Не порите горячку, Павел Гордеевич, все очень закономерно. Марка «ПЖ» необходима народному хозяйству, значит, в свое время она займет подобающее место в добыче «Капитальной».

— Нет! — Рогов быстро выпрямился. — Я не верю в эту закономерность. Извините. Все кругом так стремительно набирает скорость, а тут этакие «эволюционные» теории.

Он заговорил опять без жестов, не спуская взгляда с лица собеседника. — Не дальше, как через полгода, и трест и комбинат спохватятся и начнется нездоровая гонка. Почему? Очень просто. Нижний горизонт не развивается, даже проходка главней-

ших выработок — этого станового хребта для очистного фронта — занимает в планах капитальных работ очень незначительное место. Поэтому вчера мы на партбюро приняли специальное решение. Будем просить горком и трест, чтобы они ходатайствовали о пересмотре производственных планов «Капитальной». А пока суд да дело, начнем понемногу стягивать силы на нижний горизонт.

— Значит, не сомневаетесь в пересмотре планов?

— В этом не сомневаемся.

Рогов собрался уходить, и Черкашин уже в последнюю минуту сообщил:

— Направили сегодня в ваше распоряжение инженера Вошину. Здесь ее хвалят. Подумайте, куда определить.

Это известие почему-то испортило настроение Рогову. После вечера у Вошиных он встретился с Галей всего один раз на квартире Тони Липилиной. Поговорили как давние знакомые. Но ему опять безотчетно хорошо было от близости девушки, от того, что так мягко, немного насмешливо лучились ее глаза. Когда шли от Тони, он постарался даже стряхнуть это очарование, заговорил о шахте, о людях, о новой работе, в которую они с Бондарчуком выпрагуют сейчас всех средних и младших командиров.

— У тебя есть район или участок, — вот тебе тема на неделю, подготовься головой, сердцем и выступи перед своим коллективом. Пусть это будет не доклад, а простая беседа, но обязательно душевная, умная. Бондарчук большую часть времени посвящает консультациям, подбору книг, справок и говорит, что это настоящая работа. Неостывающая, умная голова у парня.

— Вы как будто давно его знаете? — перебил себя Рогов.

— Да, Виктора Петровича я знаю, — не сразу отозвалась Галя. — А что?

— Я вам завидую и жалею, что сам недавно знаю его. За короткое время он стал на шахте как-то незаметно незаменимым. Понимаете? Он не бегаёт, не кричит, не требует, даже как будто не тормозит людей, но куда бы вы ни заглянули, к чему бы ни присмотрелись, — без труда угадаете, — здесь был, над этим думал парторг. Богатый человек!

Галя задумчиво сказала.

— Красивая, сильная душа у Виктора Петровича.

Это был обыкновенный разговор, но Рогов почему-то часто вспоминал о нем. Вспоминал лучистый, чуть насмешливый взгляд девушки, ее хорошую, открытую улыбку, когда она смотрит на собеседника и словно бы говорит: «Как хорошо жить!».

— Ну и что же? — спрашивал себя Рогов. — Какое ему, собственно, дело до всего этого?

Давно уже и безвозвратно сжился он с образом Вали, выносил его в своем сердце, не разлучался с ним ни в горе, ни в радости. Когда еще на фронте наизусть читал солдатам «Жди ме-

ня» — это он Вале читал, думал о далекой Сибири — думал о Вале.

А теперь вот все чаще круто обрывал фразы в своих письмах к ней, все чаще спрашивал: «Скоро ли?».

«Я все понимаю, — отвечала она недавно, — и тоже немного устала от всех этих проволочек. Но мне кажется, мы ни в чем не виноваты друг перед другом. Сознаюсь, Рогова я немного ревную, нет, не к шахте, а к тем людям, которых он видит каждый день, которые любят его. А Рогова ведь нельзя не любить?».

И вдруг эти нечаянные встречи с Галей. Он чувствовал, что в чем-то уже виноват, и ему, как напроказившему школьнику, хочется оглянуться.

Вернувшись на шахту, Рогов около часа просматривал штатные списки, стараясь выкrontь что-нибудь на проходку уклона. Потом пришел Григорий Вошин. Веки у него припухли от бессонницы, но глаза темноватые, взгляд нацеленный, словно проходчик держит что-то особо важное в памяти и боится упустить это из виду.

После того, как вчера вечером сообщили о неудаче Григория, о том, что он ушел со смены, даже не помывшись, Рогов сразу же поехал на дом к Вошиным. Открыла Екатерина Тихоновна и, увидев инженера, словно бы испугалась. Он шопотом осведомился, дома ли мужчины? Екатерина Тихоновна молча показала на двери горницы и снова посмотрела так, что он без труда понял: боится она за сына.

Раздеваясь, услышал за стенкой раскатистый бас старого проходчика:

— Это называется шахтерская наука. Другой раз не подкумполит. И нечего тут кисели разводить, садись-ка за стол, да посчитаем оба-два, что к чему.

Перешагнув порог горницы, Рогов с облегчением подумал: «А, ведь, обошлись бы и без меня!».

Пробыл он у Вошиных недолго, ограничился только коротким расспросом о том, что же произошло на смене, как это получилось, что Григорий упустил кровлю сразу в двух забоях.

Григорий ответил коротко, что не удержался, и, когда смена пошла полным ходом, — рванул, решив на деле исправить собственные расчеты.

— Значит, рванул? — переспросил сейчас снова Рогов.

В ответ Григорий на минуту плотно сжал губы, глянул на инженера открыто и заговорил глуховато, как будто впервые за день.

— Я все думаю, Павел Гордеевич, чего же мне нехватило? Ведь считали мы правильно, из'яна в графике нет, забои обыкновенные — все честь-честью. Как же так получилось, что я рва-

нул? Ведь я у отца не один год учился. Чего же мне нехватало?

— Мудрости нам нехватало! — Рогов медленно вышел из-за стола и, остановившись против проходчика, повторил: — Мудрости Афанасия Петровича! Мы с тобой в эту неизведанную дорогу запаслись инженерными расчетами, неплохой сноровкой, великим желанием добиться цели, а вот мудрой трезвости у нас нехватало. Виноват тут, конечно, и я, но в первую очередь, виноват ты. Я понимаю, что у тебя, может быть, неясная, но была мысль доказать отцу, что он не зря учил своего сына. Поэтому ты и не подпустил его даже близко к своему многозабойному методу. Это, Гриша, и не сыновний поступок и не партийный! Вот что.

— Я ему так и сказал сегодня, — ответил Григорий после раздумья и опять открыто, с облегчением взглянул в глаза Рогову.

— Что же дальше?

— Дальше? — Григорий развернул тетрадь. Вот новый график. Павел Гордеевич, хотя и старый был неплохой. Но тут немного другой принцип... Отец помог.

Слушая проходчика, Рогов удовлетворенно кивал. Да, добавить к новому графику что-нибудь трудно, все выглядит и стройнее и проще. Многозабойный метод осуществляют не проходчик с помощником и несколькими подсобными рабочими, конкретно ни за что не отвечающими, а комплексная бригада проходчиков, в которой каждый знает свое место, свое дело и время для него. Осуществляется поточная линия, своеобразный конвейер с целым рядом последовательных операций. Рогов не согласился с Григорием только в одном пункте. В обрезном штреке попрежнему много времени отнимала ручная перекидка угля — это притормаживало всю систему.

— Вычеркни! — распорядился Рогов. — Я передумал. Подтянем сюда ленточный транспортер. На машину, Гриша, и... К чорту этот потогонный участок.

— Ну, Павел Гордеевич! — Григорий откинулся на спинку кресла. — Втянули вы меня по уши в это дело.

Рогов рассмеялся.

— Сам втянулся, нечего здесь хвастать. Отправляйся и разговаривай со своей комплексной бригадой. Только предупреждаю! — Он хитро, как-то мужиковато прищурился. — Предупреждаю, Гриша, домой из шахты неумытым не ходить.

Прощаясь, Григорий признался:

— Нескладно вчера у меня получилось, мать прямо захворала.

ГЛАВА XXXIII

«Крутым шестидесятиградусным взмахом широкая подземная выработка — лава на пятьдесят метров уходит вверх. Кровлю поддерживают толстые стойки. Грудь забоя — угольный целик представляет симметричную зигзагообразную линию — уступов, похожую на гигантскую лестницу с трехметровыми ступенями.

Лава — передний край трудного шахтерского наступления, в лаве рождается угольный поток и течет, течет отсюда по шахтным дорогам — штрекам и квершлагам, выносится главным подъемом нагора, подхватывается транспортерными лентами, падает в бездонные бункера, наполняет вагоны и мчится дни и ночи за тысячи километров и где-то на заводах, электростанциях превращается в пар, свет, тепло. Тепло и свет трудами забойщика-светоносца рождаются в лаве!».

— Ты слышишь, светоносец, как тебя Сашка расписал? — с усмешкой спрашивает Данилов, свертывая листок городской газеты.

...Это началось утром, после напряженной ночи в больнице. Наряд раздавал не помощник, как они опасались, а сам Дубинцев. Поговорили с ним недолго, и даже не поговорили, а только коротко предложили выдать из длинной лавы эшелон угля за смену. Николай стремительно выпрямился и тут же заговорщически оглянулся:

— Тсс! Не звоните...

Оказывается, он давно уже носится с этой мыслью, расписал график, подготовил инструмент, разговаривал с новым начальником транспорта, — тот обнадежил. И лава, — как раз после посадки. Все готово и ждет только счастливого случая.

— Это не случай! — обиделся Данилов. — Не думай, что у нас тягляп, встали утром и взбрело в голову.

— Тут терпения нет, — добавил Сибирцев и поглядел на Степана.

И снова встали перед их глазами, снова ожили в сердцах короткое совещание вечером, длинная ночь в тоске больницы, и снова великое нетерпение охватило их обоих. Перебивая друг друга, рассказывали об этом Дубинцеву.

Николай крепко встряхнул забойщиков за плечи, не сказал, а выдохнул:

— Давайте!

И прав он потом был, когда кричал по телефону Рогову, что в лаве у него светопреставление. Да, в лаве все восемь часов стоял непрерывный грохот, уголь лавиной катился вниз, к спусковым печам. А тут еще как на грех из-за аварии в энергосистеме выключили энергию. Когда электровозы застыли на перегонах, в подсобных бригадах словно искра проскочила: люди бросились к соседним участкам, хватали порожняк, где только можно, и вручную гнали его к длинной лаве.

Первые два часа дались Данилову нелегко, но потом он вдруг сразу окреп, вошел в темп. С Сибирцевым они почти не разговаривали, работа захватила, как песня, и чудилось, что слушают ее сотни шахтеров.

Часов около двенадцати в лаве случилась беда. Только что

отпалили восемь средних уступов. Подтянув силовые кабели, забойщики бросились вверх, и вдруг Сибирцев осел.

— Ну, что ты? — подсадовал Степан. — Скорее!

Но тот молча крутнул головой и, подавшись в сторону от забоя, приглушенно крикнул:

— Уходи! Булка!!

Степан тоже невольно отпрянул. Кто ожидал такой напасти, пласт до сих пор был чист, как стеклышко.

«Булки», включенные в угольный пласт, — это круглые булыжники весом иногда до нескольких центнеров. Встречались они редко, и тем не менее шахтеры их не любили. Грохнет такая машина вниз по лаве — с треском летят перебитые стойки, закупоривается спусковая печь — возни на целую смену, а угля нет.

— Ну? — Степан нетерпеливо повернулся к товарищу. — Что же теперь, молиться на нее?

Заметив, что Сибирцев все еще нерешительно мнется, он первым приблизился к опасному месту, посветил и снова против воли подался на шаг в глубь забоя.

— Ого, какая чертовщина! Даже во сне такое трудно увидеть.

Оголенный силою взрыва валун, или, как еще его называют, «колчедан», держался за пласт, примерно, одной третью своего яйцеобразного тела. Степан еще подумал, что этот «колчедан» похож издали на мутносерый выпуклый глаз, тупо, бессмысленно глядящий из черного угольного массива.

Подошел Сибирцев.

— Фокус? — спросил Степан.

— Фокус-мокус, — Георгий сплюнул. — Знаешь, каких шишек может наставить?

— Шишкам замер потом сделаем. Ты думай, как вышибить это бельмо.

— Как... Взрывать надо. Пропала смена!

— Не ерунди! Как это пропала?

— А так, пока скважины пробьешь, время пикнет.

— Пикнет! — Степан торопливо сбросил брезентовую куртку.

— А ну, давай!

Всю смену они, по выражению Дубинцева, работали, как сто чертей, а для следующих двадцати минут и слова нельзя было подобрать. Ниже большого уступа настлали полки из горбылей, укосиной в глубь породного завала, чтобы куски булыжника при взрыве отнесло в сторону. Бурить не стали — долго и опасно. Взрывчатку пристроили на «булку» внашлепку. Взрывник, ходивший вокруг на цыпочках, с сомнением крикнул.

— Ничего, дядя, — успокоил Степан, — по закону газы во все стороны свищут.

— То-то и беда, что во все стороны, — погоревал дядя, — а мне нужно, чтобы они по камню ударили.

Втайне Данилов и сам опасался, что толку от взрыва не по-

лучится, но что же было делать, не сидеть же сложа руки, к тому же снизу подсобники кричали:

— Эй, рекордисты, запарились? Давай уголь!

Хорошо, если булыжник держится в угольном массиве достаточно прочно, тогда взрывом его действительно разнесет на куски, а если нет, если этот треклятый «колчедан» ждет только малейшего толчка? Тогда...

Степан даже зажмурился. Тогда камень с удесятеренной силой, как пушечное ядро, прочешет лаву до самого низа.

Вышли в нижнюю просеку и невольно прислушались к тишине.

— Так, как прикажете?... — взрывник нерешительно вставил ключ в замок запальной машинки. — Я, конечно, могу крутнуть.

Сибирцев вопросительно посмотрел на Данилова, тоже что-то хотел сказать, но Степан только плотнее прижался спиной к стойке, зажал лампу между коленями и круто оборвал разговор:

— Крути, товарищ, если должность такая, а то я и сам могу! Угловато двинув плечом, товарищ крутнул.

Сквозь взрыв прислушались, затаив дыхание: не загрохочет ли сверху каменная громада?.. Нет, снова тихо. Значит...

— Порядок, — подытожил запальщик.

И снова пошло, загрохотало. Данилов на лету подхватывал очередную стойку, а через минуту она уже упиралась обоими концами в древние породные толщи: тронь такую обухом топора — зазвенит басовитой струной. Молоток Сибирцева изнывал в бешеной скороговорке, как автомат в руках опытного солдата.

В лаву все время заглядывал Дубинцев, он уже еле на ногах держался, не столько темп забойщиков, сколько перебои на транспорте вымотали его. Наконец, пришлось все-таки рассекретиться. Он соединился по селектору с начальником шахты.

Не успел Рогов проводить Вощина, как в селекторном репродукторе кашлянуло, и Дубинцев шопотом сказал:

— Павел Гордеевич, меня режут!.. — потом сквозь короткий рыдающий смех добавил: — Сибирцев с Даниловым режут!

— Что-о! — в шутку удивился Рогов. — Лучшего начальника участка! Немедленно звоню в милицию...

— Нет! — перебил Дубинцев и тут же почти закричал: — Нет, Павел Гордеевич! Гоните транспорт! Гоните во всю мочь. Вы видите, я на коленях стою. Тут у меня светопреставление! В длинной лаве сплошной гром и молнии, все печи забиты углем, на погрузке десять человек, крепежник таскают две бригады... До смены еще три часа, понимаете, три часа, а они уже наскребли четверста восемьдесят тонн! Это же не люди, а комбайны!

Рогов вскочил, отбросив кресло.

— Что за сказки? Какие комбайны? Кто?

— Данилов с Сибирцевым! Неужели не понимаете?
— Данилов с Сибирцевым?! — Рогов еще перевел дух, для чего-то быстро перебрал бумаги на столе, потом расхохотался, охваченный счастьем.

— В шахту! Немедленно! Родные мои богатыри!

— Я в шахту! — крикнул он Полине Ивановне, пробегая через приемную, но легкий возглас заставил его оглянуться. Галя! И будто ждал ее, будто к ней навстречу бежал. Крепко стиснул ей руку, проводил в кабинет.

Галя села лицом к солнечному свету, быстро взглянула в смеющееся открытое лицо Рогова и почему-то впервые за все их встречи смутилась. С запинкой произнесла:

— Я к вам... Павел Гордеевич. Направление из треста... — и спросила одним взглядом: «Может, не во-время?».

Чуть подумав, он слегка наклонился к ней, тронул за руку.

— Ждал, Галина Афанасьевна. Очень. Пойдете на уклон, я так думаю.

Галя заволновалась, это было заметно по быстрому взлету ее ресниц, по тому, как она то защищала ладонью глаза от солнца, то забывала об этом. Он отошел и задернул штору.

— Значит, на уклон, Галина Афанасьевна.

— Павел Гордеевич, а это очень важно: уклон?

— Важно? — Рогов вышел на середину кабинета. — Уклоном мы раскупорим тридцать процентов производственной мощи шахты, но, кроме этого, раскупориваем коксовые угли! Понимаете? Это наш завтрашний день, вот что это такое!

— А вы уверены, что я справлюсь? — Галя поглядела на него уже спокойнее, и опять ее глаза лучились ласково, с чуть приметной смешинкой. — Вы уверены?

Рогов отвернулся, словно для того, чтобы подумать, а на самом деле ему просто немного не по себе было от этих синеватых глаз, которые все время о чем-то спрашивали. Как-то невольно ответил почти официальным тоном.

— Это я хочу слышать от вас... — Четыреста тысяч — стоимость всех работ, в нашем же распоряжении полтора ста. Рабочих нет, будем выкраивать, где только можно. Вся техническая сторона дела у главного инженера. Вот все, Галина Афанасьевна.

Она слегка погладила край полированной столешницы, потом приподняла ладонь и опустила.

— Хорошо, я согласна. Приступаю. Только предупреждаю: я беспокойная.

— Ого! — Рогов сразу повеселел. — Ищу беспокойных. А теперь оглядитесь, познакомьтесь с людьми... У меня душа горит... В шахту нужно!

Через двадцать минут он уже был на участке Дубинцева. Присел поодаль от забойщиков. Степан не выдержал, похвастался:

— Узнаешь гвардию, капитан?

— Радуюсь, гвардии сержант! Горжусь! Звонил сейчас только в больницу...

В это время молоток в руках Сибирцева дал такую длинную очередь, что Степан услышал только конец фразы.

— ...Привезите или принесите, говорит, его на руках.

Степан даже зажмурился и в каком-то несказанном порыве всем телом двинул головку молотка. А в следующую короткую паузу Рогов опять выкрикнул:

— Собрание после смены. Письмо Сталину подписываем!

Он побыл еще немного, осмотрел крепь и, спускаясь в штрек, встретил Дубинцева. Тот посветил в лицо начальнику и даже отступил удивленно.

— Что такое, Павел Гордеевич, вы недовольны работой?! Уже за шестьсот перевалило!

— В лаве все хорошо, — отозвался Рогов. — А вот как у тебя?

— У меня? В нитку вытянулся, всем обеспечил: и лес, и порожняк, и две смены взрывников. Замотался...

— Замотался!.. — Рогов неприязненно хмыкнул. — Не велико достоинство командира, если он умеет только мотаться. У тебя необыкновенная смена, а для чего? Чтобы научить сотни других людей так же организовывать свой труд. Но, чтобы научить, нужно иметь точную, осмысленную фотографию всего, что здесь делается. Я завтра же заставлю тебя выступить с докладом перед шахтерами. О чем будешь рассказывать, о том, как измотался за смену? А я заставлю, имей в виду!

— Ах, вот что! — Дубинцев успокоился и помахал перед собой записной книжкой. — Все здесь — до единой операции, до единой минуты! Заставляйте!

— Значит, с самого начала понял задачу?

— С самого начала.

А в верхних уступах в эту минуту Данилов отключил молоток от силового кабеля и оглянулся на поджидавшего рядом Сибирцева. Встретились взглядами, прислушались к внезапной тишине в лаве, улыбнулись друг другу так, как будто, только что взобравшись на крутую гору, увидели за ее снежным хребтом великий зеленый простор, осиянный жарким солнцем.

— Ну, вот! — Степан поглядел на свои руки, вздохнул облегченно. — А теперь мы с тобой имеем право и письмо подписать Иосифу Виссарионовичу.

ГЛАВА XXXIV

Первое апреля. По календарю весна, но тепло стоит где-то еще за снежным хребтом Ала-Тау, а в крутых распадах Кондомского водораздела утрами повисает морозная дымка, багровое солнце поднимается в алмазной короне — говорят, не миновать буранов. И все равно — весна неслышно раскидывает свои синие

крылья над землей Кузнецкой, весна стучится, наконец, и в самую сибирскую Сибирь.

Даже в шахте, если выйти на свежую воздушную струю, словно чудятся запахи подтаявшего в полдень снега, приретоной солнышком моховой кочки. Весна!

— А то как же, конечно, весна! — Рогов распахнул обе форточки в широком окне, подышал рванувшимся в кабинет холодным воздухом, а когда оглянулся на Хомякова, в темносерых глазах его светилось озорное веселье.

— Что вы сказали, Павел Гордеевич? — маркшейдер оторвал на минуту взгляд от бумаг.

— Я говорю: весна! — повторил Рогов. — Весна, Герасим Петрович, стучится к нам в шахту... В сердце!

— В сердце? — Хомяков близоруко всмотрелся в лицо начальника шахты. — В сердце, Павел Гордеевич, пускайте весну без опаски, а насчет шахты советовал бы подумать.

— Да, да! — Рогов встряхнулся и прошел на место. — Думаю, думаю! Из головы не идет эта весна в шахте... Нет, лучше сказать, над шахтой. Собственно, в шахте все готово: водостоки, дренаж, помойницы, водоотлив, специальное наблюдение на угрожаемых направлениях, и все же немного тревожно. Одним словом, весна!

Сегодня засиделись больше обычного, скоро дневной наряд, а они все не могут прервать беседы. Встречи эти вошли уже в привычку и трудно сказать, кто из них больше полюбил, с большим нетерпением ожидал разговора с глазу на глаз, когда сидели вот так, друг против друга, когда трезвые расчеты маркшейдера перемежались яркими вспышками роговской мысли, когда они то спорили о какой-нибудь детали хомяковского комбайна, то откладывали чертежи и мечтали об удивительных, но совершенно реальных вещах. Обоим зримо представлялся завтрашний день, когда вооруженные новой чудесной машиной шахтеры пойдут в еще невиданную атаку на угольную целину.

Если не считать бара — основной режущей части комбайна, которая изготовлялась на Киселевском машиностроительном заводе, то все уже было готово для первых опытов в настоящих производственных условиях. Даже подготовили специальный фронт — тридцатиметровый угольный целик на одном из действующих участков. Основная станина с транспортером и пневматической системой давно смонтирована в мастерских и привлекает целые толпы любопытных.

— Все готово, Павел Гордеевич. — Хомяков старательно вызывает тесемки на папке с чертежами и почему-то вздыхает: — Сердце только не готово, сжимается, как перед прыжком!

Рогов нетерпеливо ударяет ладонью о стол.

— Чорт возьми! Ну, чего они там возятся на Киселевском? Вот что, Герасим Петрович, поезжайте туда еще разок, садитесь

на директора и не слезайте, пока бар не отгрузят, передайте ему при случае, что мне, как инженеру, стыдно за него. Разве так можно работать? Скажите ему, что нельзя так работать!

Хомяков улыбнулся.

— Значит мне сегодня опять за свой комбайновый чемоданчик?

— За какой комбайновый?

— Да с которым я вот уже три месяца в раз'ездах и в расходах. Мария Дмитриевна так окрестила мой баул. «Скорей бы, говорит, ты заканчивал свою машину, а то опасаясь, день ото дня все молодеешь, искры из тебя так и скачут — далеко ли до греха...».

— Искры! — Рогов прошелся по кабинету, пошевеливая плечами, словно китель стал тесноват. — Искры! — повторил он. — Хорошо Мария Дмитриевна сказала! Нестареющая наша молодость! Неустающая! Только торопиться нужно... Мне особенно...

Хомяков непонимающе посмотрел на Рогова и тут же встал.

— Я пойду, Павел Гордеевич. На четыре часа договорились встретиться с главным инженером.

— Ну, как он? — живо откликнулся Рогов. — Как дышит около этого дела?

— Вы знаете... — скулы у маркшейдера порозовели от удовольствия. Мне кажется, что у него уже дыхания нехватает. Сегодня в три часа ночи... — Хомяков понизил голос до шопота, словно боясь, что его услышат посторонние. — Понимаете, в три часа является ко мне на квартиру: «Вы, говорит, спите? Ну, это пустяк». «Какой же это пустяк? — заворчала Мария Дмитриевна. — Добрые люди давно почивать изволят». А Федор Лукич даже глазом не моргнул, и глаза-то у него какие-то хмельные. «Нет, говорит, это, действительно, пустяк по сравнению с тем, что мне пришло в голову, пока я заново просматривал пневматическую систему Герасима Петровича. Удивительная идея!» — Вот он мне и предложил автомат—регулятор скорости, в зависимости от глубины вруба.

Оставшись один, Рогов сидел несколько минут не шевелясь, чувствуя, как апрельское солнышко пригревает затылок. Да, все хорошо, почти все хорошо! До нижнего горизонта коллектив добирается. Только вот с главным подъемом трудновато, даже очень трудно, но это потерпит до уклона. Надо будет сегодня обязательно заглянуть, что там делает Галя.

Рогов недовольно поморщился: опять! Сколько раз он себе запрещал называть так девушку, что за глупая фамильярность! Мысленно махнул рукой: ну, хорошо, допустим, не Галя, а Галина Афанасьевна. Но посмотреть, тем не менее, нужно, как там люди развертываются. Сроки, сроки!

И самое главное, уже действуют три поточных механизированных линии — гордость шахты. Три участка механизированы полностью, от забоя до бункеров. В двух длинных лавах действуют

комбайны Абакумова, третью Некрасов неукоснительно ведет методом самонавалки. А теперь бы хомяковскую машину побыстрее закончить и в лаву — не в одну, а во все, где только возможно!

Рогов даже оглянулся, показалось, что он сказал эти слова вслух. В ту же минуту заглянул в кабинет Савостьянов и сообщил:

— Народ готов, Павел Гордеевич, можно начинать.

Рогов выждал, пока шум в зале уляжется, потом подошел к задней стенке эстрады и медленно раздвинул голубоватый занавес.

— Вот она! — сказал кто-то из шахтеров. — Красавица наша.

Сотни пытливых взглядов остановились на схематическом плане подземных горизонтов «Капитальной». Запоминались три зигзагообразных красных линии, пересекающие рабочие поля и сходящиеся в одной точке у главного под'ема. И еще до десятка синих линий извивались по штрекам и квершлагам на пути к рудничному двору.

Рогов вышел на край эстрады и коротким взмахом показал на план.

— Красные линии, товарищи...

— Машинная добыча! — подхватил кто-то.

— Да, это линии машинной добычи и транспортировки. У нас с вами хватило сноровки и настойчивости сделать этот первый шаг. А синие — это те участки, где мы должны впрягаться в работу конвейер машин завтра, послезавтра, через месяц, не останавливаясь, не поступаясь ни одной возможностью.

— Значит, сегодня у нас безотказно действуют три поточных линии. Они механизированы полностью — от забоя до бункеров. Мы могли бы пустить сейчас еще не меньше десятка, но, сами знаете, дело в забоях за навалкой, дело за комбайнами. Могу сообщить, что в наш адрес отгружен один комбайн Макарова, значит, буквально с завтрашнего дня можно приступить к организации еще одного механического потока. Только, где в первую очередь...

Шахтеры в зале невольно подались к трибуне.

— Я уже советовался с товарищами, — продолжает Рогов, но его сейчас же прерывает стоголосый крик:

— К нам!..

— У нас!

— Павел Гордеевич, на двадцатый!

— На двенадцатый! — почти пропело несколько голосов, и Рогов, услышав их в общем хоре, повернулся к ним.

— На двенадцатый?

— Да, да! — дружно закивали черепановцы.

— Надо подумать... — Рогов невольно улынулся, услышав, как совсем близко кто-то вздохнул:

— Везет комсомолу!

Митенька сейчас же бойко отпарировал:

— Везет, если сам везешь!

Рогов поднял руку.

— Я думаю, что участок Дубинцева, его коллектив — достойны такого внимания. Посмотрите: четыре знамени держат в своих руках, ни одного невыполняющего нормы и, должен с удовольствием отметить: у Дубинцева добывается самый дешевый на шахте уголь.

Что там говорить, работают любо-дорого! — решительно объявил Афанасий Петрович. — Им и карты в руки.

Аннушка слегка приподнялась на носках, пытаясь увидеть старого проходчика.

— Здравствуйте, Анна Максимовна! — сказали у нее за спиной.

Она оглянулась и вскрикнула:

— Коля! — и тут же невольно покраснела: не узнала голоса мужа! И еще от радости, что, наконец, видит его после долгих восьми часов. Поджав смешливо дрогнувшие губы, сказала:

— Здравствуйте, Николай Викторович! — хотела руку подать, но больше не могла сдерживаться, притянула его к себе за шею, покачала головой: — Грязный ты, грязный мой, хороший мой! Одни глаза и светятся. Есть хочешь! Пойдем я тебя накормлю... Только в столовой! Ты не обижаешься на жену?

Николай тряхнул головой.

— Жена, я счастливый, как черт!

Он повторял до самой столовой: «Счастливый, как черт!» — пока Аннушка не попросила:

— Ну, перестань, я и в счастливых чертей не верю!

За столиком сидели рядом. Пока Николай ел, Аннушка чуть не каждую ложку щей, чуть не каждый кусок котлеты провожала заботливым взглядом и все спрашивала:

— Вкусно?

Николай усмехался:

— А ты не знаешь, какие бывают щи после шахты? И если бы после всего, что я здесь умял, где-нибудь пообедать...

ГЛАВА XXXV.

В общем после того, как вечером Стародубцевы повторили приглашение, пойти к ним пришлось. Клавдия Степановна, жена Стародубцева, к тому же несколько раз повторяла:

— Как можно, вы же совсем не бываете в людях.

Может быть, не сознавая этого ясно, Аннушка шла даже с удовольствием — интересно все-таки, как это выглядит, когда «бывают в людях». А потом приятно иногда слышать, если

Николай при посторонних называет ее женой. Мещанство? Ну, что ж тут поделаешь — приятно да и только.

Пришлось на всякий случай тщательно проинструктировать Николая. Во-первых, пусть не выкладывает на стол свои узловатые ручки, во-вторых, нельзя закидывать нога на ногу, так что носок ботинка небрежно раскачивается где-то у подбородка собеседника. И пусть хотя бы на один вечер оставит свою привычку зевать до слез, когда ему становится скучно. Мало ли что, скука скукой, а уважение к хозяевам своим чередом.

Неизвестно какую пользу извлек из всего этого Николай, но перспективы предстали перед ним настолько неутешительные, что он начал украдкой зевать еще дома. Заметив это, Аннушка только вздохнула.

Стародубцевы приняли гостей по-соседски. Семен Константинович даже засуетился, усаживая их в столовой.

— Давно бы так, — заметил он, опускаясь на диван рядом с Николаем. — А то, понимаете, живем через коридор, а контакта совершенно никакого.

— Что правда, то правда, — согласился Николай. — Живем как будто китайской стеной разгорожены. Хотя, с одной стороны это и понятно: массу времени отнимает работа. Сами знаете, «Капитальная» не любит, когда ей уделяют только половину внимания.

— «Капитальная»? — Стародубцев понимающе улыбнулся. — Говорите уже, соседushко, прямо: не «Капитальная», а Рогов. Вот, действительно, на кого уему нет. Ему бы городской милицией командовать...

Дубинцев покачал головой, глаза у него стали ласковыми.

— Командовать он умеет и крутоват частенько бывает, но ведь зато с ним рядом сильнее себя чувствуешь. И посмотрите, как шахта вышагивает. На пленуме обкома в резолюции так и написано: передовая шахта!

— Так это же очень просто! — Семен Константинович пожал плечами и выпятил нижнюю губу. — Как же может быть иначе? У «Капитальной» колоссальные запасы производственных мощностей.

Щеки у Дубинцева порозовели, он хотел что-то возразить, но тут решительно запротестовала Клавдия Степановна.

— Хватит, Семен, — сказала она. — Я же тебя предупреждала, чтобы ты не устраивал на квартире производственных совещаний. Она повернулась к Аннушке: — Действительно, можно подумать, что весь мир, вся земля — это одна огромная шахта! Скучища невозможная.

Перед ужином немного выпили. Потом Стародубцев рассказал о своей работе, о последней поездке в Новосибирск.

Не поладив с Роговым, он, по его мнению, очень удачно устроился в тресте помощником главного инженера по капи-

тальному строительству. Оно хотя и не денежно, зато спокойно, не мотаешься день и ночь по шахте: вес в делах солидный, а ответственности... — Семен Константинович даже рукой махнул, — ответственности почти никакой. И потом сама обстановка облагораживает. Клавдия Степановна несколько раз вынуждена была признать, что он теперь выглядит значительно интеллигентнее. А всему причиной среда.

Взять последнюю поездку в Новосибирск. Пришлось встречаться с умнейшими людьми. В Гипроугле консультировался по вопросам нового шахтного строительства у профессора Скитского. Вот голова, вот умица! И помощница у него подстать своему патрону. Умная, молодая и красивая — совершенно исключительное сочетание.

Заметив осуждающий взгляд жены, Стародубцев снисходительно улыбнулся, прикрыл глаза и нараспев повторил:

— Ах и красавица, чорт возьми! Просто вся изнутри светится. Постойте, как бишь ее зовут... Да! Валентина Сергеевна Евтюхова.

— Валя Евтюхова — радостно подхватила Аннушка. — Так ведь это невеста Павла Гордеевича! Неужели не знаете?

— Что-о? — Стародубцев даже поперхнулся — Валентина Сергеевна — невеста Рогова? Вам не поместилось?

— Да нет же, нет! — Аннушка даже Николая потянула за рукав. — Это же давно известно на шахте, и я рада от вас слышать, что она такая... Достойная Павла Гордеевича.

— Достойная... — глядя на жену, Семен что-то соображал секунду, потом в глазах его метнулись веселые искорки и он оглушительно рассмеялся.

— Невеста!.. Вот это,—я вам скажу, сюрприз... для Пашеньки! Ой, не могу честное слово... Прямо умили!

Николай строго посмотрел на Аннушку, Стародубцева, на Клавдию Степановну, которая, почуввав, очевидно, пикантную новизну, надменно приподняла брови и даже попробовала лениво урезонить мужа, сказав:

— Семен, ты вечно выдумываешь...

— Выдумываю? — Семена одолел новый приступ смеха. — Вот уж на этот раз не выдумываю, не грешен! — он почти торжественно оглядел присутствующих и медленно отчеканил:

— Было бы вам известно, что эта умная, красивая Валя, эта бывшая невеста Рогова выходит замуж за профессора Скитского!

— Ой!... — невольный стон вырвался у Аннушки. Захватив щеки мгновенно похолодевшими пальцами, она испуганно глянула на Николая. А тот сидел насупившись не в силах поднять взгляда на хозяев. Стародубцев же словно ничего не заметил, откинулся на спинку стула, покрутил перед собой вилкой и значительным тоном повторил:

— Да-с, уважаемые, замуж за профессора Скитского. И должен вам сказать, натянув нос Рогову, Валентина Сергеевна ничего не прогадала: — пара у них с профессором будет во всех отношениях удивительная. Да-с!

Как это случилось, что он узнал о предстоящей свадьбе? Одну минутку, сейчас вспомнит.

Да, он был у профессора. Беседовали по поводу эксплуатационных полей второй «Капитальной». Профессор слушал очень внимательно, сделал несколько замечаний в блокноте и, тем не менее, он несколько раз прерывал беседу и, вызывая секретаря спрашивал:

— Валентина Сергеевна не вернулась? Вы узнавали, как ее, здоровье?

А один раз, извинившись перед Семеном Константиновичем, он позвонил какому-то Вакшину и строго наказал ни в коем случае не передавать корректуру книги Валентине Сергеевне — это сделает сам Скитский. И вообще не пора ли разгрузить аспиранта Евтюхову от второстепенной работы? Неужели в Геологоуправлении неизвестно, что Валентина Сергеевна вот уже второй месяц недомогает?

Потом профессор на несколько минут вышел, и Семен в полуоткрытую дверь слышал чей-то разговор в приемной:

— С тех пор, как Валентина Сергеевна прихварывает, профессор места себе не находит, — посетовала секретарша.

— Ты думаешь, у них что-нибудь серьезное? — спросил второй голос?

— Серьезное? — удивилась секретарша. — Ты, Ирина, просто наивна. — Неужели ты думаешь, что такой солидный человек, как Василий Пантелеевич, может расточать ухаживания направо и налево? Или ты думаешь, их предстоящая поездка вместе в Москву преследует только одни служебные цели? Нет, все это так же очевидно, как то, что профессор получит новую квартиру на Серебрянниковской и вот уже второй месяц занят ее благоустройством. Дело это решенное, можешь поверить мне на слово, я достаточно наблюдательный человек.

А на завтра Стародубцев имел честь не только встретиться, но и познакомиться с самой Валентиной Сергеевной! И теперь-то ему понятны некоторые оттенки их разговора, которым он тогда не придавал значения.

— Вы с Березовского? — переспросила Валентина Сергеевна и тут же заметила, что у нее некоторое удивление вызывает неповоротливость командиров их рудника, а заодно и управления комбинатом «Кузбассуголь», до сих пор не обративших серьезного внимания на промышленное развитие закондомского Шушталепского месторождения. Ведь это же свита из двадцати четырех пластов, это же преимущественно дешевые штольне-

вые разработки! Не может быть, чтобы у вас не было горячих думających голов на вашем Березовском руднике.

— На Березовском... — повторила машинально Валентина Сергеевна, — и тут же как-то странно, очень взволнованно посмотрела на Стародубцева. — Послушайте... Так вы на том самом Березовском?! — она быстро отошла к окну.

— Что вы хотите сказать? — не понял Стародубцев.

— Нет, нет это я так... — Валентина Сергеевна вернулась к столу, но прежде чем сесть, несколько раз повторила: — Боже мой, какая я глупая, какая глупая, даже и не подумала сразу....

— А теперь-то я понимаю в чем дело! — Семен Константинович засунул руки в карманы и вытянул под столом ноги. — Теперь я понимаю: девушку немного совесть мучает. Ну, это, знаете, пройдет!

Во все время этого ненужного, самодовольного рассказа Дубинцевы сидели, как в воду опущенные, и если у Николая хватило выдержки сохранить хотя бы относительное спокойствие, то Аннушка просто задыхалась от гсря, от омерзения и все повторяла про себя: «Бедный Павел Гордеевич. Бедный Павел Гордеевич».

Словно не замечая ничего, Клавдия Степановна стала жаловаться на скуку, на трудности со снабжением, на то, что ее очень беспокоит близкая отмена карточек.

— Лучше не надо бы, — страдальчески заметила она: — Тут все же литер, сухой паек, все заранее известно, все рассчитаешь. А отмени все это, еще натерпишься.

Стародубцев философски отмахнулся:

— Жизнюха!

«Это он о нашей жизни» — похолодела Аннушка. — «Фу, мерзость какая!» Она вскочила и, не слушая, что там говорит на прощание Николай, почти выбежала из квартиры Стародубцевых. Щеки пылали, как от пощечин и не было на памяти такого гневного, тяжелого слова, которым бы можно было зачеркнуть, выбросить из сердца только что пережитое оскорбление.

Когда вошел Николай, она сидела на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Он тронул ее за плечо?

— Ну, что ты, Аннушка?

Аннушка резко выпрямилась, на глазах у нее были слезы.

— А ты? — спросила она. — Ты спокоен? А если бы при Рогове говорили такие гадости о тебе, о нашей жизни?! Я только сегодня поняла, что это грязные сплетники, ползучие обыватели! И... и меня тошнит, я ненавижу себя, что не нашла мужества сказать им это в лицо. А Рогов бы сказал!

— Успокойся, прошу тебя, — Николай присел рядом. — Я знаю, что Рогов не заметив перешагнул бы через все это хо-

зайство — так себе: кучка дряни. А в отношении Валентины Сергеевны... ну, что ж, увидим, в конце концов, это их дело.

Глаза у Аннушки зло блеснули и вся она на минуту стала чужой и колючей, когда сказала вполголоса:

— Не смей так говорить! Слышишь? Это наши люди! Их горе, их ошибки — это наше горе... — потом она, как всегда, жалобно попросила:

— Коля, я тебя умоляю, не будь таким, не смей так думать... Только представь себе, что перенесет Павел Гордеевич, если это несчастье случится...

— Вот что! — Николай твердо, по-мужски, взял руку жены: — Слушай меня, здесь есть два «или». Или эта девушка не такая уж хорошая, как думает Павел Гордеевич, или Стародубцев врет! Третьего «или» не может быть.

Лицо Аннушки посветлело и вся она ожила, ухватившись за эту спасительную мысль. Именно, третьего «или» не может быть!

Договорились держать себя с Роговым так, словно ничего не знают, ничего не случилось.

Но на завтра, беседуя с Роговым, Дубинцев против своей воли до того пристально смотрел на него, что инженер даже спросил удивленно:

— Ты что уставился? Первый раз видишь?

Пришлось сказать, что Павел Гордеевич за последнее время заметно похудел, глаза у него даже какими-то зелеными стали.

— Оставь ты, пожалуйста! — отмахнулся Рогов. — Весна на дворе — соловьи в сердце, вот и худею, вот тебе и зелень в глазах. Не отвлекайся, что еще у тебя?

— Вот и все, пожалуй. Если за пятидневку заменим крепь в седьмом сбоечном и пустим по нему аккумуляторный электровоз, то марковский комбайн выгоднее ставить в двадцать седьмую лаву.

— Значит, двадцать девятую черепановскую не сможем подключить к этому механизированному потоку?

— Подключить можно, только она же...

— С ручной навалкой? — нетерпеливо спросил Рогов. — Хорошо, сделаем, как говоришь, а комсомольцы подождут хомяковскую машину.

— Конечно, подождут, — подтвердил Дубинцев. — И даже не заметят со своим новым графиком. Я уже докладывал вам...

— Да, да я разбирался. — Рогов на минуту задумался. — С этим графиком много пока нерешенного, но много также удивительно дельных мыслей. Ты пока не пробовал Черепанова отговаривать?

— Пробовал... — Николай смущенно потупился.

— Ну?

— Как ерш, с хвоста до головы ошетинился, пообещал даже вместе с Даниловым пойти к Бондарчуку.

— И уже были, были! — весело подтвердил Рогов. — Нажаловались! Ах, хорошо, чорт возьми!

Лицо у Николая вытянулось.

— Что ж тут хорошего? — недовольно заметил он. — Не миновать мне трепки от Виктора Петровича.

— Трепки!... — Рогов рассмеялся. — Ты слушай, какую мысль подает парторг. Черепанов составил свой односменный рабочий график для стасорокаметровой лавы; ему советуют еще раз все пересмотреть, пересчитать, чтобы не было ни одного белого пятна, а он настаивает на немедленной реализации своего плана, говорит, что уже советовался, пересоветовался и со своим опытом и со своим сердцем. Что ж можно возразить против таких советчиков. Сделаем тогда так: через недельку собираем всех командиров шахты и пусть бригадир выступит перед ними, не какнибудь, а с лекцией о своем графике, пусть трезво и с жаром докажет его преимущество. А? — открытое скуластое лицо Рогова стало юношески простоватым, ласковым, когда он вполголоса переспросил:

— Понимаешь, Коля, что это значит: забойщик делает доклад инженерам?

ГЛАВА XXXVI

Аннушка только что прибрала в комнате и, приподняв занавеску, засмотрелась на улицу с ее звонкой апрельской капелью. На звук прикрываемой двери обернулась.

У порога стояла высокая дородная женщина, с чемоданчиком, стояла и тихо, загадочно улыбалась. Аннушка растерялась от неожиданности. Хотела спросить: «Вы ко мне?» Но доброе, полное лицо женщины показалось таким знакомым и даже родным... Хотела сказать: «Здравствуйте...» Но и этого не сказала. Выручила сама незнакомая гостья.

Кивнув слегка головой, она молча разделась, повесила пальто, откинула на плечи пуховую шаль и, присев на низенький сундучок у стенки, попросила:

— Кажись-ка мне, доченька!

Аннушка немного замешкалась, может быть, оттого, что сразу угадала в гостье свекровь, не придумала еще как и для чего нужно показываться. Но свекровь не стала ждать, а запросто, бесцеремонно притянула ее к себе за руки, заглянула в глаза, искренно удивилась:

— Чего ж ты такая крохотная, шахтерова жена!

И, наконец, с удовольствием чмокнув невестку в обе щеки и в губы, спросила:

— Колька не обижает?

Через полчаса они были уже дружны. Зинаида Ивановна распахивала гостинцы, пересмотрела небольшую библиотечку в угловом шкафу и осталась недовольна — книг мало, подобранные

случайно, что же читают двое этих ребятишек и читают ли вообще? В этом придется как следует разобраться. Зато незамысловатая электрокухня была найдена почти в полном порядке. В общем, с первой же минуты знакомства со свекровью Аннушка попала под ее высокое руководство.

Вернувшись домой после разговоров с Роговым, Николай еще в коридоре услышал смех и звонкое восклицание жены:

— Мама! Это же не понравится Коленьке!

В комнате выглядело все особенно домовито, на плитке что-то шипело и побулькивало и пахло очень вкусно. В белом фарфучке, розовая, возбужденная Аннушка приколачивала настенный коврик у кровати. Зинаида Ивановна только что передвинула поближе к окну письменный стол. И мать и жену заслонял от Николая золотистый столб солнечного света.

Оглянувшись на сына, Зинаида Ивановна всплеснула руками:

— Батюшки, вот шахтерище вымахал!

А уже за обедом мать с пристрастием допрашивала:

— Скажи-ка, дружок, почему по восемнадцати часов крутишься на шахте? Что это за отсебятина?

— Какая отсебятина... — Николай заметно смутился. — Есть же государственный план...

— Который нужно выполнять! Ну, и выполняй, как положено коммунисту, а ты словно торгаш в собственной лавочке, каждую копейку сам норовишь сунуть в кассу. Но ведь есть же у тебя на участке люди заботливые, советские, — тоже болеют за дело, думают о нем, зачем же им заглядывать под руку? Так ведь нет, такие начальники, как ты — из молодых да ранние — мельтешат перед глазами, суются в каждую мелочь: «ах, как бы чего не вышло!».

— За себя я восемь часов на шахте, — возразил сын, — могу и меньше. Но нужно же что-то делать и за тех, кто не успевает. Я не виноват, что не все одинаково трудятся...

— Золотой ты мой! — полное лицо Зинаиды Ивановны затряслось от сдержанного смеха. — Откуда ты такую философию черпаешь, что это за теория: «за себя, да еще за других»? Просто интересно, кто тебя этому учит, кто тобой командует? Рогов?

Она долго и придирчиво выспрашивала: кто такой Рогов?

— Я рядом с ним научился мечтать! — выпалил неожиданно Николай.

— А он рядом с тобой чему научился? — строго спросила Зинаида Ивановна. — Скажу по-свойски: это меня тоже интересует. Не знаешь? Ну, тогда вот что: позовите-ка его на чашку чая, скажите, что я хочу ему в глаза заглянуть.

— Занят он... — замялся Николай. — Такую махину на плечах держит.

— Не говори глупости, — прикрикнула Зинаида Ивановна. — Вот еще богатыри подобрались — один чуть не за десятерых

работает, другой целую шахту на плечах держит. Занят! А ты попробуй.

Николай назавтра же попробовал, пригласил.

— Часов в восемь вечера, говоришь? — только и переспросил Рогов, потом подумал, посмотрел в свой дневной план, вычеркнул что-то и ровно в восемь вечера пришел. И не один, а со Степаном Даниловым. Степан же притащил свой фронтонный аккордеон и получилось совсем хорошо.

Аннушка, наверное, никогда не забудет этот удивительный вечер. Легкий ночной морозец разрисовал серебряными перьями лунные квадраты оконных стекол: зеленовато светилась затемненная абажуром настольная лампа, в дальних углах затаились легкие тени. От лунной ночи за окном, от тишины, изредка нарушаемой голосами собеседников, почему-то казалось, что плывет маленькая комнатка в далекое далеко.

Аннушка думала, что мать будет выспрашивать Рогова кто он, да что он, а тот взерошится, — найдет коса на камень. Но Зинаида Ивановна только глянула на его сильную, подобранную фигуру, на открытое, немного утомленное лицо, и, встав навстречу, сказала просто:

— Вот вы какой...

Степан Данилов только что вернулся из поездки в Сталинск, где долечивалась Тоня Липилина, и был весь какой-то летящий, несенный. Говорил с хрипотцой, но когда запел под аккордеон, — какой проникновенной силы, какой покоряющей теплоты оказался у него голос!

Случилось это просто, как будто несня только и ждала этого вечера, этого часа. Вначале выпили по стакану чая, потом говорили о чем-то незначительном, и вдруг Рогов попросил:

— Спой, Степа!

И Данилов запел, приподняв лицо, легко прикасаясь пальцами к прохладным перламутровым клавишам инструмента.

Снега, как перья лебедей,
Покрыли все вокруг...
Но сразу на душе теплей,
Когда приходит друг.

Добро не в том,
Кто за столом
Дружить поклялся вдруг.
А друг в труде,
А друг в беде —
Мой настоящий друг.

Он улыбнется, и светлей
Мне станет среди выюг.

Верней не знаю я людей,
Чем он, мой верный друг.

Не тот мне мил,
Кто с нами пил,
Назвался другом вдруг.
А друг в труде,
А друг в беде —
Мой настоящий друг.

Мы с ним за партой за одной
Сидели десять лет.
И нашей дружбы фронтовой
На свете крепче нет.

Не тот хорош,
Кто словно грош,
Вкатился в братский круг.
А друг в труде,
А друг в беде —
Мой настоящий друг.

Теперь на новые дела
Нас дружба подняла.
Мы с другом — будто два крыла
Летающего орла... *):

Степан умолк, чуть наклонив голову к плечу, словно прислушиваясь к улетающим звукам. Рогов повторил вполголоса, нараспев:

— Мы с другом — будто два крыла летающего орла... Хорошо, когда песня от сердца!

— Как живешь, так и поешь,—заметила Зинаида Ивановна, — потом оглядела всех по очереди, обняла за плечи Аннушку и кивнула инженеру: — Рассказывайте, Павел Гордеевич, как живете, как суетитесь?

Рогов пожал плечами и, понимающе взглянув на смутившегося Николая, улыбнулся.

— Живем так, Зинаида Ивановна, что и суетиться некогда.

— Как в сказке?

— Нет! — Рогов посмотрел открыто, в глазах у него мелькнула строговатая тень. — Нет, Зинаида Ивановна, в сказке скучно, там человек становится счастлив по щучьему велению, а мы счастье своими руками куем.

— Хвастаетесь! — добродушно подзадорила Зинаида Ивановна.

— Нет, честное слово! — Рогов вскочил. — Посмотрите на нас, на сына, на дочь, послушайте, как у Степана сердце бьется!

*) Слова Ал. Косарь.

И все потому, что никогда люди не чувствовали себя нужнее, необходимее в жизни, чем наши люди — советские!

— Все без исключения?

— Да. Исключений так мало, что о них даже не думается.

Зинаида Ивановна с сомнением пожала плечами.

— Это шапкозакидательство. Почему вы исключаете основное в нашей жизни — борьбу за лучшее, борьбу с косностью, рутинной...

— Не исключаю! — перебил Рогов. — Борьба эта для нас также необходима... незаметна, как собственное дыхание. Я не делаю из этого сердцепипательных трагедий, борьба эта наших людей не раздваивает. Да, я знаю, вижу, что есть у нас и такие, которые... как бы вам сказать... которые строят коммунизм на дому.

— Коммунизм на дому? — Зинаида Ивановна рассмеялась и тут же погрозила Николаю с Аннушкой: — Вы у меня смотрите!

— Ну, нет!... — Николай обиженно выпрямился.

— Вот видите? — подмигнул в его сторону Рогов. — В этом наше счастье! Посмотрите вокруг, как буйно поднимаются к жизни ростки нового, невиданного. Счастье наше в том, что, например, через несколько дней на «Капитальной» выступит с докладом перед инженерами молодой забойщик, я не говорю: простой забойщик, потому что он не простой, а советский!.. Родные мои!.. — Рогов остановился, раскрыв перед собой ладони, — но ведь это же коммунизм!

— Коммунизм... — Мать задумчиво прошлась по комнате, потом остановилась перед Аннушкой, закрутила ей косы на шее золотым обручем. — Ты смотри, доченька, думай над этим, тебе детей воспитывать в ту пору!

— Ну, а вы... — Рогов смешливо ущипнул себя за нос. — Кто вы? Николай говорит: депутат! Почему депутат?

— Кто я? — Зинаида Ивановна улыбнулась. — Я, наверное, одна из тех, кому шахтеры дают свет и тепло и, прямо скажу: жаловаться не имею права... По крайней мере сегодня.

— Не жалуетесь? — быстро переспросил Рогов и почти торжествующе оглядел присутствующих.

— Нет, не жалуюсь! — Зинаида Ивановна медленно прошлась по комнате, потом остановилась около сына и, положив ему руку на плечо, сказала вполголоса: — Я, Павел Гордеевич, мать! Мать таких вот, как Коля, Степан, вы... Я хочу видеть вас умными, работающими и счастливыми. Живыми. Все матери на земле хотят этого.

Зинаида Ивановна села рядом с Аннушкой, и та сейчас же доверчиво, по-дочернему взяла ее за руки. Зеленоватый свет настольной лампы чуть сбоку освещал ласковое лицо дочери, внимательно раскрытые губы; Рогов стоял у окна, задумчиво перебирая пальцами бахрому занавески; Николай со Степаном сидели

плечом к плечу, повалившись грудью на стол, и все они сейчас очень напоминали большую взрослую семью, которая слушает рассказ своей матери, боясь пропустить даже слово.

— Учить бы мне сейчас ребятишек в школе, — с легкой грустью говорит Зинаида Ивановна, — ходить бы мне, депутату, по Кулундинским колхозам, радоваться удачам, журишь неповоротливых... Ведь весна на дворе! Эх, дети, какие неоглядные весны в Кулундинских степях, какие там хлеба поднимаются!

Черты лица Зинаиды Ивановны твердеют, взгляд делается строгим, когда она через минуту продолжает:

— А вместо этого кличут меня из Москвы, из Антифашистского Комитета: «Поезжайте, говорят, с делегацией в Англию, поговорите с простыми английскими женщинами, что пора защищать мир!»

Рогов у окна выпрямился, Степан с Николаем убрали руки со стола, Аннушка медленно опустила голову. Зинаида Ивановна заговорила громче, и была в ее голосе гневная скорбь.

— Два года еще не минуло, как война кончилась, еще работают госпитали по долечиванию инвалидов, еще ноют сердца от недавних потерь, а нам снова нужно изо всех сил защищать мир!

Рогов подышал на серебристое перышко на стекле и, подождав, пока оно, поглубев, растаяло, спросил взволнованно:

— Значит, в Англию?

— Да... — Зинаида Ивановна вздохнула.

— Передайте английским матерям, мама... — начал Николай и вопросительно посмотрел на инженера.

— Да, да! — подхватил Рогов. — Передайте им, между прочим...

— Павел Гордеевич, подожди! — Степан быстро вышел из-за стола, вынул из кармана шинели бутылку шампанского. — Я все не знал — следует или не следует? Теперь вижу, что следует.

Когда вино запенилось в стаканах, Степан сказал:

— Слушаем тебя, гвардии капитан. Продолжай!

— Так вот, — поднял Рогов свой бокал, — передайте им, английским матерям, между прочим, что есть на великих сибирских просторах земля Кузнецкая, в просторечье — Кузбасс; что живут на земле Кузнецкой шахтеры и металлурги, что нет для них большего счастья, завиднее доли, чем их трудовая советская доля! И передайте еще им, что нет такой силы в мире, которая бы смогла отнять у них то, что они по праву называют своим!

Степан, повернувшись вдруг к Дубинцевой, наказал:

— А тем, другим... не матерям... скажите, если потребуется, мы не разучились воевать!

Помолчали. За окном, как будто в бесконечной дали, прокричал паровоз — пять раз и потом еще два. Деловито стучали ходики на стене.

— Ну, а ты что молчишь, Аннушка? — спрашивает Зинаида Ивановна.

— Я? — Аннушка подняла голову. — Я думаю, мама... Как это правильно было сделано: фашистской Германии уже два года нет, а вот Антифашистские Комитеты все еще действуют. Значит, знала партия, что они будут нужны, значит он еще тогда знал об этом!

Рогов, а за ним и все остальные проследили за взглядом Аннушки. С большого настенного портрета, слегка затемненный зеленоватым абажуром, в комнату, в мир спокойно и мудро смотрел Сталин.

ГЛАВА XXXVII

Черепанов открыл глаза и сразу зажмурился. Прямо в окно из синего бездонного океана плыло громадное белое облако. Вот это весна! Хотя так верти, хоть этак — все равно весна. И где еще такую весну сыщешь, кроме Сибири, — она наступает вдруг. Словно солнце вспомнит однажды утром: «Стой, есть ведь еще у меня работающая Сибирь! Что же это она до сих пор укутана в снега? Нехорошо... А ну-ка!».

И пошло! Загрямят ручьи, осадут, подернутся звонкой глянцевитой коркой снежные сугробы, зачернеют проталины на лесных полянах и, глядь-поглядь, не успела просохнуть первая немудрящая кочка, а на ней уже две медуницы синеоко оглядывают окрестные дали. Здесь же, рядышком, раскрывает белые прозрачные лепестки подснежник, а в логах и распадках то гремят, то хрустальным звоном исходят новорожденные речки.

Послушайте в час голубой зари, когда бархатные тени лежат под нижними ветками пихтача и, — слышите? — издалека несетя глухое бормотание тетеревов, а поближе будто серебряный рог запел — идет лось по тайной тропе, над болотными мочажинами завели хоровод сороки-хлопотуны, частую дробь выбивает дятел и где-то стороной просвистели в быстром лете две пары уток.

А день поднимается, вширь раздается и, кажется, не будет ему предела, и воздух, как молодое вино, — глотнешь разок, — сердцу жарко.

Почувствовав, как приятно заныло в суставах, Черепанов потянулся к часам на тумбочке. Ровно два. Ого, так и царство небесное продрыхнешь!

Повернулся на спину, солнце ударило прямо в нос. Чихнул. Еще раз! Рассмеялся. Тело легкое, мысли светлые... Стой, стой, что-то такое нужно вспомнить?

Да, неужели Алешков все еще не вернулся с Десятой шахты? Ну, и делегат!

Алешкова направили в бригаду Емельянова с наказом проверить, почему это в последние две-три недели «противник» как

будто присмирел. А ведь было время, месяца два назад, Савоська шумел даже через газету, что у него в бригаде такие дела имеются про запас — мир ахнет.

Черепанов язвительно кривит губы: ахнуть, конечно, не долго. В тайне Михаил надеется, что Алешков принесет известие о значительном отставании емельяновцев. А хотя бы и нет, пусть попробуют угонятся, после того, как здесь уже все готово для перехода на новый график. По крайней мере до первого мая можно не оборачиваться, на пятки не наступят.

Черепанов немного успокаивается и с удовольствием оглядывает просторную высокую комнату. У стен две никелированные кровати, при них маленькие столики, в углу зеркало, гардероб со всякими блестящими нашлепочками и точеными шишечками, окно от потолка до самого пола — того и гляди выпадешь.

Переехали сюда только на прошлой неделе, а уже привыкли, словно всю жизнь здесь прожили. Это все Павел Гордеевич устроил для бригады. Новое, гостиничного типа, общежитие только отделали, и начальник шахты вспомнил в первую очередь о комсомольцах. Вызвал в кабинет, прочитал приказ о переселении, потом построил в шутку по ранжиру и скомандовал:

— Смирно! По порядку номеров...

— Первый! — выскочил Митенька с левого фланга.

Конфуз, конечно. Да и откуда было им почерпнуть военной науки? В Великую Отечественную они годами не вышли. Это вот сам Рогов — другое дело: глянешь на три ряда орденских ленточек у него на груди — сердце шемит. Или Данилов, Герой!

Вспомнив Данилова, бригадир быстро оперся на локоть. Мысли стали как будто трезвее. Степан Георгиевич и Сибирцев на смене. Как-то они сегодня? Позвонить разве?

Но Черепанову сейчас трудно поднять отдохнувшее тело с чистой, теплой постели. «Успею», — думает он и, вытянувшись, с наслаждением закрывает глаза.

Дверь в соседнюю комнату прикрыта неплотно, слышны голоса, кто-то смеется. Митенька, конечно, колобродит. Вот на кого нет угону. О чем это они?

— Ну, что ты врешь? — кричит Санька Лукин. — Мыслимое ли дело застеклить сверху всю шахту!

— А что, ничего хитрого, — сквозь смех настаивает Митенька. — Доживем до этого времени. Хватит, скажут шахтеры, помотались в крошечной тьме! Электричества тоже не желаем, давай в шахту солнышко!

— «Ах, солнышко?! С удовольствием, сделайте, пожалуйста, одолжение, получайте солнышко!» И вот снимаются сверху дикие породы, до самого угольного горизонта, на борты кладутся стропила, на них застекленные рамы и — пожалуйста, гуляй шахтер...

— Руки в брюки! — язвит Лукин. — Голова у тебя, Дмитрий,

прямо министерская. Шахту ты застеклил, шахтеры твои через левое плечо поплевают, а уголек, выходит, самосильно бежит на-гора?

— Чего самосильно? — теперь уже горячится Митенька. — Про стекло это я так, для фантазии, а машины зачем? За ними только доглядывать, они тебе и нарубят и нагрузят, да еще и выберут где лучше... Не забывай про машины! На, «Капитальной»-то у нас вот что делается — не только забойщики, а все люковые учатся. Думаешь, зря?

Черепанов с досадой крикает. Если бы у Митеньки все так же гладко получалось на деле, как в речах, — был бы золотой человек. А то только вчера отхватил «тройку» на курсах горных комбайнеров. А речи, видишь, какие произносит, — украсил учебный аттестат бригады тройкой и в ус не дует! Надо будет поговорить с этим студентом по душам...

Черепанов хотел уже вставать, но тут явился, наконец, долгожданный делегат.

Разговаривать с этим Алешей Алешковым тоже греха не обещаться. Вот и сейчас на требование бригадира немедленно же выкладывать новости, он и ухом не повел. Не торопясь разделся, причесал перед зеркалом смоляные кудри, пристально рассмотрел прыщик на щеке и, наконец, нехотя сообщил, что совершенно случайно побывал на новоселье у одного забойщика.

— Ну, конечно! — Михаил саркастически усмехнулся. — Ты же у нас специалист по новосельям.

— Нет, серьезно! — оживился Алешков. — Помнишь, на слете все выкрикивал: «А ну, кто со мной на соревнование! А ну!» Рябой такой, один глаз туда, другой сюда. Ох, веселый мужчина! Хвастался, хвастался новым домом, показал чуть не каждый гвоздь, вколоченный собственноручно.

Черепанов только вздохнул.

— И между прочим этот новосел все отговаривал меня: «Не суйся ты к этим емельяновцам, какой прок? Работают — просто сердцу надрыв смотреть». Я уже и сам не хотел идти...—Алешков подумал, потом скучным официальным тоном протянул: — Но раз вы меня облекли...

— В последний раз! — поспешил успокоить Черепанов.

— Раз вы меня облекли, я пошел.

Побывал он, оказывается, в первую очередь на дому у Савостьяна, где помог распилить чурочку на дрова, за что был потчеван кружкой холодного молока.

— Ну, ну... — невольно поморщился Черепанов. — У них же наверняка телок есть, что ж ты про него ни словечка? У телка, что ж, звездочка на лбу, хвостик с кисточкой? Может он, это... человеческим голосом говорит?

Алешков явно обиделся, но выдержал характер и дальше продолжал столь же спокойно.

Был он и в бригаде и в комитете комсомола. В комитете — новый паренек и уже за голову держится: начальник шахты вчера пообещал расформировать молодежную бригаду, сказав, что толку в ней не видит, выработка день ото дня падает, зазнались, дескать, парни.

— А они не зазнались... — Алешков придвинулся к бригадире, — они мучаются.

— Мучаются?... — Черепанов помолчал с минуту. Целую бурю противоречивых чувств вызвало в нем это сообщение. Да, он очень хотел настоящей большой победы для своей бригады. Все, что он делал сейчас, над чем думал — все было освещено ожиданием этой победы. И вот победа как будто пришла. Но странно, почему же нет в сердце радости?

Емельяновцы мучаются...

Черепанов решительно сбросил с себя одеяло, но, прежде чем встать, спросил:

— А Савоська, что ж, тоже за голову держится?

— Савоська? — удивился Алешков. — Так он же болен.

Легко вспружинив всем телом, Черепанов сел в постели.

— Что у него?

— Аппендицит! — Алешков простодушно улыбнулся.

— Ка-акой аппендицит?

— Какой?... А я почему знаю? Обыкновенный, наверное.

Это равнодушие к судьбе товарища бригадиру показалось настолько возмутительным, что он даже прикрикнул:

— Путаешь ты все... милое создание!

Теперь Алешков всерьез обиделся.

— Ничего не путаю, мне его молодуха сказывала: «у Савостьяна, говорит, срочная болезнь — аппендицит. Не иначе, говорит, какой-нибудь посторонний предмет проглотил».

Грешен был Черепанов, часто нехорошо думал о своем земляке, но сейчас искренно пожалел его. Однако и тут не удержался, сказал с издевкой:

— От хорошей жизни предметы глотать не будешь.

— Очень даже свободно, — согласился Алешков. — Жизнь, правда, у него ничего, полная чаша, а работа такая, что сглотнуть что-нибудь вполне можно. Это ж мука! Лава новая, полметра как нарезали, пласт три метра, на каком они еще не работали, скважины закладывают вразброс, — получается сплошная стрельба, а угля... жалко смотреть.

— Ты, значит, им ни полслова о нашем опыте?

Алешков усмехнулся.

— Для какой же надобности? Чтобы они нас в два счета обставили? По-моему, на это у меня хватит соображения.

— Соображение у тебя государственное, — с иронией заметил бригадир и, натянув, наконец, сапог, выпрямился.

Оказывается, пока он обувался, в комнату неслышно вошли

Санька с Митенькой. Сидят рядком на стульях и выжидающе поводят глазами с делегата на бригадира и обратно.

— Что же делать? — повернулся он к товарищам. — Выходит, все еще наплывало огромное белое облако.

— Что же делать? — повернулся он к товарищам. Выходит, победы добились? Можно крикнуть по телефону Чернову, чтоб пропечатал в газете два слова: черепановцы победили!

Митенька скучно улыбнулся.

— Конечно. И про аппендицит чтоб ввернул.

— Тоже победа, — промолвил Лукин.

— Именно! — подтвердил Черепанов и, вздохнув, быстро стащил с ног новые хромовые сапоги. А когда он надел свои рабочие резиновые «бахилы», бригадники переглянулись. Митенька раскрыл было рот для какого-то замечания, но бригадир распорядился:

— Дмитрий, подай из тумбочки две буровых коронки.

Когда Михаил ушел, в комнате некоторое время молчали, потом Лукин сказал многозначительно:

— Мда...

— Мда!... — подхватил Митенька. — Одним словом, тронулся бригадир разоблачать наш опыт!

— А как же иначе? — быстро спросил Санька. — Как?

— Иначе никак, — согласился Голдобин. — Только это же самодержавие!

— Что такое? — изумился Лукин.

— Самодержавие, вот что! Опыт-то общий, соревнуемся мы все с емельяновцами. Михаил должен посоветоваться в таком деле с бригадой, как и что. Может, и я бы что-нибудь дельное присоветовал!

Санька медленно критически оглядел товарища и на этот раз с сомнением протянул:

— М-м-да!...

ГЛАВА XXXVIII

Еще вечером, поручив все дела по управлению Филенкову, Рогов с утра решил пойти на несколько часов в шахту, на поток к Дубинцеву, но только переоделся, позвонила Галя и немного запальчиво сообщила, что «в тресте с ума сошли», прекратили финансирование работ на уклоне, даже в выдаче насосов и транспортерной ленты отказали. Может быть Павел Гордеевич возьмется за это?

— Павел Гордеевич может быть возьмется! — не удержался от выговора Рогов. — Но Павел Гордеевич немного удивляется, куда до сих пор смотрела Галина Афанасьевна! Неужели Галина Афанасьевна — инженер, командир целого производственного участка. — не понимает, как ей не пристала роль купеческого приказчика, который только и знал, что делал «от сих до сих?».

Пришлось все же поехать в трест. Управляющего на месте

не оказалось, неприятный разговор состоялся с главным инженером.

— Нечего особенно горячиться, — пожал плечами Черкашин и пустился в длинный рассказ о сверхлимитных и нижелимитных ассигнованиях. — Неужели такие прописные истины не известны начальнику шахты? Все идет своим чередом. Дополнительная смета комбинатом утверждена и направлена в министерство. Наднях нужно ждать санкции. А вообще, кто же не понимает, как важен уклон для «Капитальной»?

— Вы, в первую очередь, не понимаете! — перебил резко Рогов. — Вы! Мне необходимо сто метров ленты и два насоса — забой захлебывается от воды! Прошу немедленно подписать этот грошовый наряд.

— Не могу. Каждый килограмм оборудования распределен по шахтам. — Черкашин выпрямился в кресле, сделал официальное лицо. — А насчет того, кто понимает и не понимает, товарищ Рогов...

Рогов встал и, не простившись, вышел. Вернувшись к себе, часа два выискивал с главным механиком внутренние резервы, но резервы не находились, потому что их просто не было. А тут еще дежурный по шахте сообщил, что за прошлые сутки на уклоне прошли всего полтора метра. Вода задавила, и с транспортировкой неважно, разрыв в пятьдесят метров.

Рогов спросил, где Вошина.

— Она третью смену в забое, — ответил дежурный и вздохнул, — злая, даже разговаривать с ней страшно.

— Злая... — Рогов опустил трубку на рычаг. — Было бы смешно, если бы она была добрая.

Взглянув на механика, распорядился:

— Возьмите на складе сто пятьдесят метров ленты и перебросьте на уклон.

— Эту ленту? — удивился механик. — Но она же идет на хомяковский комбайн! Не сегодня—завтра приступаем к монтажу.

— Перебросьте ленту на уклон! — повторил Рогов. — И не старайтесь меня разжалобить.

Позвонил Дубинцеву.

— Все готово! — торопливо доложил техник. — Жду вас, Павел Гордеевич. Комбайн и транспортеры опробованы, в третью смену поток пускаем. Немного давит водичка, но насосы справляются...

— Вот что... — Рогов невольно замаялся, но тут же, нетерпеливо двинув плечом, закончил. — Торжество, Николай Викторович, отменяется. С потоком придется подождать полторы—две недели, а сейчас необходимо немедленно же передать два насоса на уклон.

— Что-о?... — У Дубинцева даже голос перехватило. — Я не понял, Павел Гордеевич, повторите!

Отнимая трубку от уха, Рогов слышал, как техник все еще испуганно кричал:

— Вы же под самый корень!.. Павел Гордеевич!..

— Ничего, корни у нас глубокие, — невольно подумал Рогов.
— Не такой ветерок выдержат.

Хотел немедленно же отправиться на уклон и даже с удовольствием представил себе встречу с Галей, со злой Галей, но пока перечитывал последние трестовские приказы, нагрянул Филенков. Именно нагрянул, чего за ним до сих пор не водилось. Невольно припомнилось на минуту, как он входил в кабинет первое время после назначения Рогова — бочком, с отсутствующим видом. А сейчас...

Филенков вбежал стремительно и, вприщурочку, злс взглянув на Рогова, плюхнулся в кресло. Однако тотчас же вскочил и, торопливо обыскав нагрудные карманы кителя, выбросил на стол красный тисненый квадратик удостоверения. Внимательно, посмотрев на него, Рогов сделал непонимающее лицо.

— Это что такое, Федор Лукич?

— Это, — Филенков поднял руку над головой и вполголоса отчеканил, — Это удостоверение главного инженера шахты «Капитальная». К чертовой матери!

— Кого? — изумился Рогов. — Шахту или главного инженера?

— Да, главного инженера, если он барахло и с ним не желают считаться.

— Хорошо. — Рогов спокойно выдвинул ящик стола и нарочито осторожно, двумя пальцами опустил туда удостоверение.

— Еще что?

— Еще?.. — Филенков даже зажмурился от возмущения, но тут же постарался взять в руки. — И вы спрашиваете, что еще, после того, как натворили за один час столько безобразий? Извольте немедленно отменить свое приказание о транспортерной ленте и насосах! Я категорически настаиваю, требую!

— А уклон? Пускать под воду?

Рогов был спокоен, и это несколько обескураживало главного инженера, он попробовал еще раз повысить тон.

— Скажите на милость: с самого начала этой своей партизанской деятельности вы понимали, что выкраиваете тришкин кафтан? Надеюсь, такие простые вещи вы не разучились понимать?

— Не разучился, слава богу, — подтвердил Рогов.

— Так как же у вас рука поднялась на такую операцию?

— Очень просто. Положение безвыходное. Я взял часть живой ткани и пересадил на участок, где начинается загнивание.

Филенков даже всплеснул руками, но сейчас же успокоился, заговорил медленнее.

— Павел Гордеевич, слушайте... Только с тех пор, как мы стали по-настоящему впрягать в работу машины, я почувствовал

себя инженером. Понимаете, инженером, у которого есть свое кровное дело! К каждому мотору, к каждому приводу словно протянулась от сердца живая нить, каждым винтиком на шахте я переболел, как корью. Неужели вы думаете, что мне трудно было бы найти то, что вы сегодня с такой болью выломали из дела?

Рогов уже не думал о том, прав он или нет, — скорее всего неправ. В эту минуту он во все глаза, любовно, почти восторженно смотрел на главного инженера: «Вспыхнул жар-уголек, вспыхнул!».

— Павел Гордеевич! — Филенков нетерпеливо встал. — Я жду вашего слова, я... верю в вас!

Договорились о том, что транспортерная лента идет на уклон из хомяковских запасов, потом можно будет как-нибудь обернуться, а моторы снимаются с двух дренажных канав, так как они там работают почти вхолостую.

— И мне легче, — запросто признался Рогов. — А то вспомню, какие должны быть глаза у Дубинцева, — мороз по коже!

Собравшись уходить, Филенков нерешительно попросил:

— Верните-ка мне, Павел Гордеевич...

— Что?

— Удостоверение...

— Главного инженера шахты «Капитальная»? Пожалуйста! — деланно обрадовался Рогов и, затаив улыбку, с минуту наблюдал, как Филенков, твердо ступая, шагал к двери, как он вдруг обернулся, погрозил пальцем и, уже переступив порог, громко расхохотался.

ГЛАВА XXXIX

Восемь километров до Десятой Черепанов не шел, а бежал. Жесткие полы куртки крыльями хлопали по бокам. Пот слепил глаза. Встречные, кто сочувственно, кто насмешливо, оглядывались вслед.

Шахту он знал. Еще из ФЗО ходил сюда на производственную практику. Но когда клеть, мягко вспружинив, остановилась, — все ему с непривычки показалось не так и нехорошо. В свете нескольких «пятисоток» янтарно поблескивали две огромных лужи. У бетонной арки кверху шла бездыханными черными тушами пристыли два порожних вагончика. Сквозь частую дождевую капель из глубины горизонта слышались вздохи компрессора, словно кто-то рубил по мягкому, в изогнутой металлической магистральной тонко попискивал сжатый воздух.

Хотел сразу же тронуться на участок, мысленно прикидывая дорогу, но тут же в сторонке заметил на перевернутом коробе вагончика черненького парнишку, коротенького, непомерно толстого, в больших сапогах, в ватных штанах и фуфайке. Из-под шапки вызывающе поблескивали большущие глаза, синие, уди-

вительные на темном узком личике. Паренек что-то старательно пережевывает, покачивая головой, и ударяет пяткой в борт вагончика.

«Смена только началась, а он уже жрет...» — раздраженно подумал Черепанов и тут же спросил:

— Голодуешь?

— А что? — Голос у этого паренька тоже удивительный: звенит, как струнка.

— Нет, ничего... — почему-то смутился бригадир. — На здоровье... — Потоптался нерешительно и, вспомнив о срочности своего дела, осведомился, как бы поскорее попасть на третий участок.

Паренек коротко засмеялся, закашлял и махнул рукой:

— А как прицелишься, так и попадешь! — а через секунду, пристально глянув на незнакомого шахтера, любопытствовал: — Тебе к кому же на третьем участке?

Услышав, что товарищу нужно в молодежную бригаду, он быстро сглотнул непрожеванный кусочек и уже всерьез насторожился:

— Да ты не из комиссии ли?

— Я? — Черепанов как-то не подготовился к такому вопросу и соврал: — Я из комиссии...

В ту же секунду паренька словно ветром сдуло с вагончика, оббежав вокруг него и нагнувшись, он затормошил кого-то:

— Гриш! Ганька! Вставайте! Слышите? Комиссию черти надали!

Когда из-за вагончика поднялись два крупных парня, с помятыми, растерянными лицами, Черепанов сначала удивился, но обязанности члена комиссии побудили его к действиям, он объявил:

— Это что, односменный дом отдыха?

Тот, что был покрупнее и лицо посмышленнее, для чего-то растопырил короткие пальцы на обеих руках и, не зная, что с ними делать, сунул в карманы брюк. Оказывается, бригадир у них болен, а его заместитель, товарищ Андрей Гуца, взял сегодня лаву на рекорд.

— Так... так... — зловеще подытожил «член комиссии». — А вы что ж, представлены аплодисментами ублажать рекордиста?

Нет, почему, им просто не достало соответствующего фронта для работы. Парень опять стеснительно посмотрел на свои растопыренные пальцы.

— А вы кто такие будете по фамилии? — Черненький паренек хохотнул и прикрыл рот ладошкой.

— Цыть! — повернулся к нему Черепанов и, чтобы не раскричаться от горького гнева, стал говорить медленно, с расстановкой. — Я — Черепанов. Стыдно соревноваться с вами. Ведите меня! — и пошел под бетонные своды квершлага.

Парни переглянулись, черненький мальчонка присвистнул, а тот, что беседовал с Черепановым, унял его вполголоса:

— Не блажи, Сашка...

Черепанов думал, что товарищ Андрей Гуща встретит его, если не в штывы, то во всяком случае очень нелюбезно, и даже приготовил целую речь со ссылками на личный опыт и на авторитет своей бригады. Ошибся и даже не пожалел, что всю дорогу на участок торопился и взбадривался. Отложив бурильный молоток и устало улыбнувшись, Гуща крепко стиснул руку гостю.

— Извини, друг, неважно живем...

Рассказ его был длинным и потому немного напоминал жалобу, а жалоб бригадир терпеть не мог — в этом было что-то унижительное, оскорбляющее человеческое достоинство. «Раскисли», — думал он и морщился, крутился на месте, но слушал внимательно.

Тут емельяновцы и сами думают: как это получилось, что они порастеряли авторитет. Дело, конечно, не в желании работать — этого хоть отбавляй. И не в том дело, что бригадир прихворнул. В основном подействовала резкая перемена в обстановке. Все время работали в лаве с малой мощностью пласта, а тут вдруг — трах! — перебрасывают сюда. Сначала обрадовались: пластинше три метра с лишним, уголь сам поползет, а на поверку вышла осечка и нормы перестали наскребать. И так кумекали и так — ничего не выходит, хоть зубами грызи. Вчера Емельянов вызвал своего заместителя прямо в больницу, вытащил из-под подушки городскую газету, ткнул пальцем в красивый заголовок: «Слава», сказал, что это о бригаде Мишки Черепанова и вдруг круто потребовал:

— А ну, глянь на меня!

Вспомнив сейчас этот неприятный момент, Гуща смущенно почесал в затылке.

— Чудак, что мне трудно глянуть на него? Не велика картина.

Договорились же они с Савостьяном твердо о том, что бригаду нужно взбодрить. Гуща должен был или умереть или показать пример, причем не позднее, чем сегодня.

— И как?

— Слабовато... — признался Гуща. — Вот прострелил уступ в трех местах, а уголек стоит стена стеной...

— И стоять будет! — проворчал Черепанов. — У вас как, запальщик дельный?

— Запальщик-то дельный... Во-он, видишь, фигурка? — Гуща кивнул вниз лавы.

Разглядев в сумраке настороженно приподнятое личико злоязыкого мальчугана, Черепанов, однако, ничего не сказал. Вытащив из кармана две буровых коронки своей конструкции, он

сунул одну в руки удивленному Гуше, другую подсадил на штангу свободного перфоратора и тут же подозвал наблюдавших со стороны за его действиями Ганьку с Григорием.

— Вот что, — сказал он тоном окончательного решения. — Я здесь за Емельянова. Я бригадир. Никаких рекордов делать не будем, — будем давать уголь. Планово. Вы крепите, — Михаил кивнул двум забойщикам, — мы с Андреем в забое. Лаву берем всю на-прогон. Палить будем снизу по три уступа, после отпалки вдвоем разбираем уголь, потом на зачистке остается один, а второй — это я — снова бурит скважины.

— Только так... — Черепанов помолчал немного. — Только так: действовать без толкотни, быстро — это самое важное. Как только забой зачищен, в нем немедленно должна встать крепь. Немедленно. Сами знаете, кровля не любит висеть вхолостую — устает, особенно в таком сарае, как ваш... Ну... — он посветил на стенку забоя, на лица товарищей.

— Тронулись!

...Когда в лаве в первый раз грохнуло, проходивший по штреку горный мастер равнодушно проворчал:

— Наконец-то, распочали рекорд...

Но вслед за этим раздалось еще несколько взрывов, потом еще. Мастер забеспокоился. — Что они, черти, с ума сошли, взрывчатку жгут! — Однако ему не удалось побывать в лаве. Встретил Ганька и запальчиво потребовал лес.

— Немедленно! — выкрикнул он. — Или... — но, не досказав, что последует за этим «или», повернулся и убежал.

Может быть эта стремительность и подействовала на командира смены — лес он немедленно же доставил. Тут же потребовались порожняк, пришлось добавить одного люкового, потом еще лесу, еще порожняку — замотался мужик и повеселел. В конце смены крикнул в ходовую печь:

— Эй, вы, удивительные! Скоро выдохнетесь?

Но в ответ хотя бы кашлянул кто, попрежнему вперебой трещали молотки, звенел топор и шумела угольная лавина, низвергавшаяся откуда-то с верхних уступов.

...Черепанов отключил молоток и прислушался. Внизу в порожний люк глухо стукнули последние куски угля. Присев рядом, Гуша отер потный лоб и, глянув из-под руки на Михаила, засветился улыбкой.

— Тяжеленько! А ведь прямо, как праздник, честное слово! Савостьян вспотеет на радостях.

Бригадир спохватился:

— Слушай, а куда делась эта черненькая фигурка? Вот работает: загляденье! А посмотреть на него со стороны — и не подумаешь...

— Я же тебе говорил! — подхватил польщенный Гуша. — Народ у нас живьем берет!

После горячего душа они присели покурить в коридорчике мойки. Черепанову нужно было идти — дорога не ближняя, но на сердце у него легко, поговорить хочется. Он наказывает:

— Во-первых, закладывайте скважины по-человечески — «елочкой». Но и с «елочкой» тоже надо уметь обращаться. Крайние заряжайте на полную мощность, а две средних — слегка, чтобы только потревожило уголек. Ты передай это запальщику...

— Да вот она сама! — перебивает Гуца.

— Сама?! — Черепанов оглядывается. — Как... сама?

К ним подходит девушка. По двум смешным косичкам, по фигуре, по задорно поднятому личику — самая настоящая девушка, а глаза — синие фонарики чумазого парнишки-запальщика, которого бригадир даже обозвал в лаве косолапым стригунком.

Чувствуя, что медленно, но жарко краснеет, Черепанов беспокойно передвинулся на лавке и прикрыл ладошкой порванные на коленке штаны. Он так и не сказал больше ничего в тот раз и про «елочку» не упомянул. В ответ на предложение Гуцы забегать почаще в бригаду, беспричинно раскашлялся и промывчал что-то неразборчивое.

Собственно, и через полчаса, когда они шли вдвоем с Шурой, укрытые черной и теплой апрельской ночью, он тоже не отличался особой говорливостью, все больше слушал, стараясь не ступать по звонкому льду. И, наконец, оставшись один, несколько шагов нес правую руку в левой, потом остановился, оглянулся на маленький домик, в котором скрылась девушка, посмотрел на ладонь, которой она коснулась теплыми, шаршавыми пальцами, и чуть слышно засмеялся.

ГЛАВА XI.

По давней ли привычке ласково, с жарким любопытством, разглядывать людей, товарищей, потому ли, что так ладно и чисто работалось в эту смену, но Митеньку вдруг охватило страстное желание сделать что-то доброе, что-то такое теплое и свежее, как весна.

Вышел с Лукиным из шахты, подивовался щедрому солнышку над горой Елбанью; у крыльца подставил лицо нескольким крупным каплям с крыши — одну даже на язык поймал: потом остановился и стал смотреть как встречает Степана Данилова мать Тони Липилиной, Мария Тихоновна.

— Степа, ты устал, наверное, — сказала Мария Тихоновна. — Письмо от доченьки. Пойдем скорее!

— Мама!.. Да я как на крыльях! — Степан взял женщину под руку. — Пойдемте, мама.

Плохо, что они мало поговорили, и Митеньке не удалось вставить в их беседу ни одного своего слова. А слово так и рвалось от сердца, так и теснилось, его просто необходимо было сказать.

Но не идти же для этого в общежитие, где Черепанов не преминет напомнить чуть ли не о прошлогодней зачетной «удочке» на курсах механизаторов. Нет, в общежитие Митенька сейчас не пойдет.

С час ходил по конторе, поздоровался чуть не с сотней знакомых, и после каждого рукопожатия чувствовал себя просто счастливее. Потом внимательно пересмотрел все щиты показателей и решил про себя, что положение на шахте совершенно никакого беспокойства не внушает и самое главное близкий Первомай чувствуется. Однако плохо, что двум таким бригадам, как черепановская и некрасовская до сих пор не выписали на щиты показатели за вчерашние сутки. Надо как-то подтянуть статистику. Митенька так долго и внимательно смотрел в полукруглое окошечко, на старшего статистика что тот, наконец, сдернул очки с переносицы и взмолился:

— Дмитрий, не мути душу, выкладывай сразу, чем недоволен!...

— Чем я недоволен, Филипп Филиппович... — Митенька задумчиво почесал конопатый нос. — У меня, Филипп Филиппович, образование, конечно, ниже среднего, не дотянул по молодости... Но в математику вникаю. Вот я сейчас и думаю: сколько времени требуется, чтобы шахтерская смена превратилась в математику, и сколько еще нужно, чтобы эта математика заговорила со всем народом? Теоретический вопрос, Филипп Филиппович...

Статистик хлопнул себя ладошками по бокам и крикнул вглубь комнаты:

— Настенька, вы все бригадные показатели выписали на щиты? Нет? Тогда имейте в виду, в следующий раз я к вам направляю Дмитрия Голдобина. Для теоретического разговора.

Через полчаса Митенька обедал, а пообедав, попросил книгу «Жалоб и предложений», в которой записал, что, по его мнению, нужно поощрять такую отличную поварскую смену, как сегодняшняя, и что официантка ему, Дмитрию Голдобину, тоже понравилась — очень вежливая и на каждом столике имеет цветы. Дух от цветов радует человека.

Зашел в сберкасса, но она оказалась закрытой — это уже явный беспорядок. Кто его знает, может быть не одному Голдобину понадобилось сейчас оформить свое дело, а тут, извольте, по неизвестной причине замок висит. Непорядок. Пришлось зайти в амбулаторию. Не то, чтобы Митеньку донимал какой-нибудь недуг, а просто любопытно, чем люди занимаются.

Сначала прошел по коридорам молча, потом не выдержал, заговорил с одним, с другим, словно с родней. У старушки спросил заботливо:

— Мамаша, что ж вы не входите к доктору? Дайте-ка я за вас постучу.

Девушке с завязанной щекой посоветовал:

— Сестренка, вам же трудно стоять. Садитесь вот здесь, — товарищи подвинутся.

Товарищи, действительно, подвинулись, и место освободилось.

В конце коридора заплакал ребенок, Митенька сейчас же двинулся на этот залиvistый крик. И, наверное, такие уж у него были ласковые выпуклые в крапинку глаза, такое широкое ушастое лицо с рыжеватым пушком на губе, что годовалый карапуз вдруг замолчал, пустил слюну и как-то интересно взмахнул ручонками.

Наступил вечер. Можно было бы трогаться в общежитие. Но тут Митенька вдруг решил, что зайдет прежде к Данилову, возьмет у него аккордеон, а при случае и самого прихватит — надо же какое-то удовольствие доставить товарищам.

И только поднявшись на второй этаж, вспомнил: Данилов же ушел после смены к Марии Тихоновне и они наверняка до утра проговорят о Тоне; Рогова тоже нет — вчера еще уехал в Кемерово. С досадой махнул рукой: не вышло с аккордеоном, придется крутить радио, ничего не поделаешь.

Вернулся, и прямо в дверях встретил девушку в темной шляпке, с чемоданчиком. С любопытством оглядел ее, — все же явно не свой человек на руднике. Хотел обойти стороной, но девушка вдруг спросила:

— Простите, товарищ, вы в этом под'езде живете?

Нет, не живет он в этом под'езде, но если требуется справка какая-нибудь — с удовольствием.

— Да, именно, справка. Я ищу квартиру Рогова.

— Рогова? — Митенька даже подскочил от удовольствия. — Так он же здесь живет, честное слово! На втором этаже, направо. Только вам придется зайти в другое время, нет! Павла Гордеевича, в обком вызвали.

Девушка невесело рассмеялась.

— Я не могу в другое время... Я только что с поезда из Новосибирска, и завтра чуть свет уезжаю.

Митенька пристально всмотрелся в лицо собеседницы, слегка затененное полями шляпы, и вдруг спросил:

— Вы... Валя Евтюхова?

— А вы меня откуда знаете? — удивилась Валя.

— Сторонкой... — Митенька смутился, но тут же искренне погоревал. — Скажи на милость, как у вас неорганизованно все получается! Прямо глядеть обидно!

— Что, что неорганизованно? — рассмеялась Валя? Как вас зовут? Дмитрий! Значит, Митя. Вот что, Митя, помогите мне понасть в квартиру к Павлу Гордеевичу, во что бы то ни стало.

...В общежитие Митенька возвращался совершенно счастли-

вым. Доброе дело, которого он искал полдня, неожиданно само на него свалилось.

Валя не успела раздеться, как в квартиру вошла маленькая старушка, — та, что передала по просьбе Митеньки ключи от квартиры. Хомякова — ее фамилия, Мария Дмитриевна Хомякова.

Спрятав сейчас маленькие сухие ручки под фартук, Мария Дмитриевна сказала матерински ворчливым тоном:

— Ну вот, давно бы так...

Валя смутилась и сейчас же подосадовала, что держит себя, как школьница, которую застали на свиданье.

— Слава богу, говорю, что приехали, — повторила Мария Дмитриевна. А то ведь извести можно даже такого, как Павел Гордеевич.

— Вы думаете, он извелся? — Валя рассмеялась и сразу почувствовала, что смех у нее нехороший, искусственный.

— А кто ж его знает, — заметила старушка, — мужика не вдруг разгадаешь. Только Павел Гордеевич все у меня на глазах, пригляделась. И радостно с ним, и горько иной раз глядеть. Любит людей, а над ним самим некому подышать... Ну, я не буду досаждать вам, — спохватилась Мария Дмитриевна — Располагайтесь. А если нужно, заходите ко мне. Все равно соседями будем теперь. А то я тоже одна, по вине Павла Гордеевича — угнал моего старика на другой край Кузбасса.

— Соседями будем!... — Валя сжала щеки ладонями.

Потом включила свет и увидела просторную комнату, две кровати. Почему две? Ах, да Павел же писал, что с ним живет боевой товарищ. А где же этот товарищ? Валя сейчас испытывала почти мучительную потребность слышать что-нибудь о Рогове, как он живет? В письмах его только шахта, изредка новая книга, и еще реже фильм. А в остальном шахта, шахта... И о стольких людях рассказывает.

На широком столе, между пачкой газет и стопкой толстых журналов узнала свой портрет — увеличенная фотография еще институтских времен. Поверх журналов записка: «Павел Гордеевич, завтра я снова еду в Сталинск. Будь здоров. Ст. Дан.». Она припомнила по письмам Рогова: Степан Данилов.

На кровати развернутая книга: Юлиус Фучик «Слово перед казнью». Прочитала подчеркнутые красным карандашом заключительные строки: «Люди, я любил вас. Будьте бдительны!».

Ну вот, только прикоснись к вещам, загляни в книги Павла и уже слышишь, как бьется его сердце, как глубоко и сильно он дышит: Люди, я любил вас!

Когда за спиной у нее сказали:

— Здравствуйте... Извините, я увидела свет и подумала, что Павел Гордеевич дома...

Она не тотчас обернулась, а успела еще подумать, что такой голос может принадлежать только очень красивой женщине, очень красивой и молодой. А в следующую секунду ей стало и смешно и немного досадно, что она угадала.

Глаза вошедшей мгновенно перебежали с лица Вали на ее портрет и тут же спрятались в густых ресницах.

— Да, Павла... Гордеевича нет дома и Данилова тоже.

Валя усмехнулась про себя: «Ну, чего встопорщилась?» и, уже смелее разглядывая девушку, чистосердечно призналась:

— Понимаете, я тоже просто обескуражена, что хозяев нет. Вы не поможете мне скоротать часок? Познакомимся?

Познакомились, мельком заглянули в глаза друг другу. Валя повторила про себя: «Галина Вощина», и тут же подумала, что Павел об этой девушке почему-то ничего не писал.

Все еще чувствуя себя немного стесненной, Валя с преувеличенной хлопотливостью заглянула в шкаф, в тумбочку, отыскиала чай, сахар, банку консервов. Налила воды в круглый чайник, но плитка почему-то не действовала, пришлось просить помощи у новой знакомой. Невольно залюбовалась на то, с какой ловкостью девушка управлялась с контактами, как быстро она развинтила и вновь собрала штепсельную вилку. Глядя на ее пепельные волосы, на еле приметный золотистый пушок на щеках, вспомнила шутливые слова еще из осеннего письма Павла: «Имей в виду: ты со своей диссертацией проворонишь Рогова».

Валя невольно подумала, что в чем-то они очень похожи одна на другую, но это было трудно объяснить. Скорее всего сходство ограничивалось только некоторыми чертами во внешнем облике.

Ростом они одинаковы, может быть Валя немного повыше. У Вощиной было тоже открытое, чистое лицо с мягкими линиями рта, светлые пепельные волосы ее закручены в тугий узел на затылке (Валя почему-то невольно перебросила свои косы за плечи). А вот в больших немного удивленных глазах Галины часто вспыхивают веселые насмешливые искорки.

Валю же Рогов когда-то часто упрекал за удивительную, по его мнению, уравновешенность.

— Ты словно айсберг, — говорил он, — как ледяная гора в море, которая на девять десятых скрыта под водой — все у тебя где-то внутри. Когда я рядом с тобой, мне хочется есть, опустить взгляд долу и получить пятерку за поведение.

Вспоминая это, Валя усмехается про себя. — Павлу так никогда и не удавалось получить этой пятерки.

Через двадцать минут они пили чай. Валя рассказывала о комплексной экспедиции профессора Скитского, с которой она направляется теперь в верховья Томи.

— Вы думаете, мы так уж много знаем о земле Кузнецкой? — спрашивает Валя.

Галя кивает.

— Думаю, что много, но далеко не все... Думаю, что времена, о которых мечтали люди земли Кузнецкой, наступили. Помните, как еще в 1841 году, сто лет назад, участник одной из первых геологических экспедиций в Кузбасс писал: «Какая умная, вольготная жизнь раскинется в этих ныне глухих местах!».

— Вольготная жизнь! Далеко уходили русские землепроходцы в поисках этой жизни. Землепроходцы! — Валя запнулась на мгновение. — Простите, что я декламирую, тема эта... моя всегдашняя слабость... — и, уже хитренько скосив глаза на Галю, попытала: — Такие, как Павел, вам не напоминают первых сибирских землепроходцев?

Галя не ответила. Только слегка наклонила голову. А через минуту они снова увлеклись разговором о масштабах геологоразведочных работ на лето. Уголь, бокситы, железная руда, марганец, золото... Горные кручи и долины с неоглядным луговым разливом, леса, стремительная голубая энергия рек.

— Масштабы... — Галя вдруг строго сдвинула брови. — Ничего нельзя возразить против наших масштабов. Но геологи пока что только вперед идут, столбят богатейшие залежи... Однако, нам давно пора в глубь! — Поглядела на Валю, подумала. — Я не знаю вашей геологической специальности, Валентина Сергеевна, но я знаю, что геологическая служба у нас, в тресте, оперативная и необходимая для горняков, как воздух, поставлена из рук вон плохо. Это же Кузбасс, это же уникальные месторождения углей! Пласты то падают под прямым углом, то крутым веером развертываются почти на выходе к дневной поверхности. Чтобы вынимать пласт, нужно знать от начала до конца все особенности эксплуатационного поля, все его «пережимы», «сбросы», «породные включения». В прямой зависимости от этого находятся наши технические прогнозы, наша производственная экономика.

— Неважно мы иногда составляем эти прогнозы... — Галя виновато улыбнулась. — Даже на «Капитальной». Переходим сейчас на нижние горизонты, а пластов, вот так, чтобы, как на ладони, не видим.

— Правильно, я уже думала об этом, — согласилась Валя. — По материалам геологоуправления я знакомилась с вашим месторождением. Как-то вызывает удивление, например, робость в отношении Шушталепской свиты пластов... Но я не знаю, смогу ли помочь чем-нибудь.

— А вы переходите к нам! — Галя смело заглянула в лицо собеседницы. — Если это... совпадает с вашими жизненными планами...

— Если я выхожу замуж за Павла? — просто спросила Валя и тут же сухо оборвала себя: — Этого я не знаю.

Глаза у Гали стали очень серьезными, почти настороженными, но она промолчала.

Через минуту Валя спросила, часто ли бывает Павел на людях, разумеется, в нерабочее время.

Галя подумала, улыбнулась.

— Что-то я у него не замечала такого времени. Но один раз он был у нас в гостях и я даже пела ему. Это... моя слабость.

— Павел ведь тоже поет, — заметила Валя, — только при этом, как говорят сибиряки, ревет.

Засмеялись обе. Пробило полночь. Окна вздрогнули под напором ураганного ветра. Галя стала прощаться, сказав, что ей на работу к шести часам. Валя посетовала:

— И мне в раннюю путь-дорогу.

— Разве вы... не дождетесь?

— На этот раз нет. — Валя быстро встала и, не сумев сдержать резких, нетерпеливых ноток в голосе, добавила: — А мне пужно его видеть всего на минуту... Он должен... понять меня!

Галя как-то по-новому прислушалась к голосу собеседницы, пристально заглянула в ее глаза и незаметно для себя неприятно сжала губы. Простились коротко, словно и не разговаривали перед этим, как хорошо знакомые.

...Прежде чем уснуть под солдатским одеялом Рогова, Валя еще раз перечитала подчеркнутые красным карандашом слова Юлиуса Фучика:

— «Люди, я любил вас!».

Засыпала и слышала словно бы далекий голос Павла:

— Люди, я люблю вас!

ГЛАВА ХЛІ

Вернувшись из обкома партии, где обсуждали вопрос о механизации, Рогов прямо со станции решил проехать на шахту.

— Может, на квартиру завернуть, Павел Гордеевич? — спросил шофер.

Рогов отмахнулся.

— Правь, куда совесть велит.

— Совесть велит на шахту, — усмехнулся шофер. — Вот она! Получайте!

— А мы ждем! — в один голос сказали парторг с главным инженером, когда Рогов вошел к себе в кабинет.

Он зорко вгляделся в их лица, и, решив что на шахте все хорошо, облегченно вздохнул.

— Ну? — поторопил Бондарчук. — Выкладывай все начистоту. Через полчаса на участок. Ждет Хомяков.

— Нет, все сразу не могу, — Рогов обнял парторга за плечи.

— Не могу, потому что соскучился о вас и потому, что жду известий об уклоне. Как?

Филенков сейчас же броским движением развернул на столе новую схему выработки.

— Вот! Извольте! Водичку взнуздали и оседлали, пошла ровненьким шагом и точно, куда нам нужно.

— Ага, пошла! — Рогов не торопясь разделся, сел на свое место и, упершись ладонями в колени, сказал: — Ну, что ж вам рассказать? Был в обкоме, посмотрел оттуда на Кузбасс, на Родину...

— Далеко видно? — почти с завистью спросил Бондарчук.

— Далеко, даже дух захватывает.

— Хорошо! — решил вдруг парторг. — Завидую, но больше не слушаю. Завтра ты обо всем расскажешь на слете. Идет?

Уже совсем приготовились к выходу, как вдруг из коммутатора сообщили, что начальника шахты вызывают. Рогов торопливо подошел к телефону.

Голос министра доносился издалека, заглушался электрическим треском, иногда слабел, словно относимый крепким, весенним ветром.

— Да, да, слет назначен на завтра, — спокойно отвечает Рогов. — Коллектив благодарит за высокую честь, товарищ министр. Можете надеяться: знамя теперь в крепких руках.

— Ты трезво оцениваешь положение?

— Да, товарищ министр, я только по достоинству оцениваю шахтеров, работающих рядом со мной. Спасибо, товарищ министр. Приезжайте, будем рады дорогому гостю.

— Гостю? А я хочу побывать у твоих шахтеров министром!

Пришлось отшутиться:

— Кесарю — кесарево...

— Ну, то-то! Желаю успеха. До свидания.

Рогов положил трубку и вдруг, круто повернувшись к Бондарчуку с Филенковым, взъерошил волосы обеими руками и крикнул:

— Слышали? Министр придет!

А через десять минут, когда они уже выходили из рудничного двора в квершлаг, Рогов вдруг спросил у спутников:

— Знаете, какую табличку в обкоме показали? Знамя, которым нас наградили, оспаривали шестнадцать шахт! Шестнадцать! А через месяц их будет двадцать пять, тридцать! Вот как нужно работать, чтобы не слать позиций!

На участке, где сегодня испытывался комбайн Хомякова, поджидали уже Савостьянов и трое забойщиков. Вслед за начальником шахты и парторгом прибежал запыхавшийся, сверх меры суетливый маркшейдер. Увидев начальство, всплеснул руками. У

него отказала пневматика, бегал на склад заменить золотниковый коллектор — кладовщика не застал.

— Как же теперь? Столько месяцев, столько трудов!

Герасим Петрович сдернул очки с носа.

Филенков прогудел:

— Станину можно пока подвигать вручную, важно решить все в принципе. Хронометраж проведем позднее.

Пока по тридцатиметровой станине челнок заводили в дальний конец лавы, пока пилы прижимали клиньями к груди забоя, Рогов с Бондарчуком прилегли на кучу угля, прислушались.

В лаве кто-то кричал:

== Заводи, заводи! Дальше! Равняйся на машину!

Вот дело, ради которого хотелось бы жить сорок восемь часов в сутки. Мысленно каждый из них окидывает взглядом целые поколения шахтеров, изо дня в день сгибавшихся в мучительных усилиях у груди забоя. Из истории шахт известно, что почти половину рабочего времени шахтер проводил лежа на боку или сидя на коленях. И вот теперь сотни совершенных машин пришли на помощь горняку. Пласт подрубается врубовкой, дробится силой взрыва, электрическими и пневматическими молотками, уголь уносится из забоя транспортерами, конвейерами различных систем. Но есть еще одно место, где остался разрыв в стройной системе подземных машин: грузится уголь на транспортеры руками шахтера, обыкновенной лопатой. Пришло время связать, скрепить механический поток в этом разрыве. Инженерная мысль уже работает над тем, чтобы решить эту задачу, создать простую в управлении, верткую, по-шахтерски выносливую машину.

Наметанным глазом, еще при монтаже хомяковского комбайна, Рогов видел слабые узлы его. Но основная мысль, воплощенная в оригинальных конструкциях, была захватывающе интересной. Ради того, чтобы эта мысль окончательно определилась, стоило не спать ночей, как маркшейдер, неистово работать, засыпать на ходу.

Они теперь стояли в конвейерном штреке у приводного мотора. Слесарь что-то подкручивал, позванивая инструментом.

— Павел Гордеевич... Начали! — кричит Хомяков.

Вот он и сам, выпачканный, помятый, несчастный и счастливый, живущий каждым ударом сердца — маленький старичок с молодой мыслью.

Не говоря ни слова, Рогов медленным движением заправил маркшейдеру галстук «селедочку», выбившийся из-под комбинезона. Герасим Петрович на секунду прижался лбом к плечу инженера, и что-то сказал неразборчивое — «боюсь», как будто.

Еще раз все осмотрели. Рогов распорядился, чтобы все, включая забойщиков, вышли в конвейерный штрек. В лаве они остались вдвоем с Хомяковым. У пускателя дежурил Филенков.

— Пожалуйста, осторожно! — простонал ему Герасим Петрович, и виновато глянул на Рогова. Тот поднял лампочку: сигнал приготовиться.

— Тронулись!

Поворот рукоятки... В конвейерном штреке коротко охнул и слабо запел мотор. Рогов затаил дыхание. Еще мгновение, и узкая транспортерная лента бесшумно тронулась вдоль забоя. Еще поворот рукоятки... Запел второй, более мощный мотор. И тогда черную тишину лавы разорвал сухой скрежет. Челнок работал! Металлические пилы, вонзаясь конусными зубьями в пласт, крошили его, подсекали. Вот на транспортерной ленте появляется тонкий слой мелкого угольного крошева... Слой увеличивается. Он вспухает, как весенний поток.

Спотыкаясь, из штрека бегут люди, кто-то неистово машет лампочкой, кто-то кричит упоенно:

— Поше-ел!!

А в лаве скрежещет бар и по-комариному поют моторы.

Оглянувшись на мгновение, Рогов видит, что маркшейдер с остановившимися глазами сидит спиной к стойке, за стариковское сердце держится. Хотел вернуться к нему, но в этот момент на челноке что-то стеклянно хрустнуло, моторы взвыли на холостом ходу и замолкли.

Вместе с Филенковым и механиком Рогов тщательно осмотрел место аварии. Оказалось, не выдержали динамического напряжения две металлические петли, к которым крепится режущая часть. И не расчет подвел, нет, просто на заводе по-свински подбирали материал.

Рогов вдруг сел прямо на транспортер, посветил на Филенкова и глуховато, взволнованно попросил:

— Федор Лукич... Садитесь. Зовите сюда Бондарчука, Хомякова... Быстрее!

А когда подошли остальные, он, категорическим жестом подтверждая слова, сказал:

— Машина, товарищи, родилась!

— Ах, Павел Гордеевич! — Хомяков почти всхлипнул. — Роды не состоялись...

— Не говорите чепуху! — остановил Рогов маркшейдера. — Не вам жаловаться, не нам слушать. Машина есть, но ее почти нет. И не в аварии дело. Смотрите! — он быстро встал и пощупал лучом лампочки стенку забоя. — Смотрите: всего три захода сделал челнок, — еще три и... мы должны были бы остановить комбайн. Уже пришлось бы крепить кровлю. В таком случае коэффициент полезного действия комбайна будет равен всего десяти—пятнадцати процентам. Понимаете, крепь будет держать машину, как тяжелые кандалы. К чорту крепь, к чорту эти кандалы! Вы же знаете, что управлением кровлей в угольной промышленно-

сти заняты свыше сорока тысяч человек. А сорок тысяч шахтеров буквально завтра могут освоить, поднять к жизни целый угольный район. Значит, к чорту крепь!

— А дальше? — Филенков часто дышал в лицо начальнику шахты. — Дальше!

— Дальше? — Лицо Рогова в сумерках забоя стало вдруг добрым, мечтательным. — А дальше пусть комбайн Герасима Петровича шагает на собственном передвижном секционном креплении! Принцип гидравлики! Слышите? Но, все равно, Герасим Петрович, на завтрашнем нашем празднике, вы будете самым дорогим гостем. Земным поклоном отблагодарят вас шахтеры!

— Тогда так! — Филенков необычайно легко вскочил и нетерпеливо потянул за собой Хомякова. — Герасим Петрович, Павел Гордеевич, пошли в контору! Сейчас же сделаем предварительные расчеты. Скорее!

Рогов остался не надолго в лаве. Нужно было распорядиться монтажом комбината. Здесь его и нашел Данилов.

— Что уж это такое, я прямо не знаю, — заворчал Степан. — Который час, а его все нет. Звоню на шахту, говорят, приехал, но куда делся, неизвестно. А она утром наказала под мою личную ответственность: «Как, говорит, вернется, в первую же минуту вручи, ему, Степан, это письмо».

— Кто? Кто? — перебил испуганно Рогов.

— Как кто? — удивился Степан. — Валя, конечно. Это она, когда в Таштагол поехала, наказала мне: «В первую же, говорит, минуту вручи!». А тут уже не только минута, часы прошли. — Степан вздохнул: — Вообще, неорганизованность у вас с ней сплошная. Я уже и то просил ее, чтобы она тебя прибрала к рукам, Павел Гордеевич.

А Рогов смеялся, сначала тихо, потом громче и, наконец, не выдержал, прижал Данилова к себе так, что у того кости заныли, дыхание остановилось.

— Степа! — торопливо разрывая конверт, Рогов присел на обрубок стойки. — Степа, ты даже подумать не можешь, какая она у меня! Слышишь?

С минуту он читал письмо, потом резко убрал его из-под луча лампочки, поглядел на Данилова и снова с первой строки стал читать. Прошло еще две—три минуты. Степан не вытерпел, посветил в лицо инженеру и тут же отдернул лампочку в сторону: глаза у Рогова были плотно закрыты.

Степан хотел присесть рядом, хотел спросить осторожно: «Павел Гордеевич, родной, что случилось?» Но вместо этого тронул товарища за плечо и позвал:

— Пойдем, Павел Гордеевич, отдохнешь.

Голос у Рогова оказался свежим, когда он откликнулся:

— Нет, Степа, ты иди один, а я загляну на уклон. Потом через горку тронусь... С весной побеседую. Иди, Степа.

ГЛАВА XLII

Аннушка круто отвернулась, задев косами Николая. Он боязливо заглянул ей через плечо, увидел быстрый взмах ресниц, дрогнувшую пухлую губу и на минуту отошел к окну. Постоял, пошевелил плечами и вдруг сделал вольт на одной ноге: — Тра-та-там! Еще раз! Подбежал к жене, крутнул ее вокруг себя, осветил в лицо белозубым молчаливым смехом и упал на колени.

— Аня!

Она клонила, клонила голову к нему и когда коснулась губами его теплого уха, шепнула:

— Страшно... Я хочу, чтобы он был такой же, как ты!

Ребенок! Вот что рвется в их жизнь! Кто это будет? Сын? А то как же! И все узнают, все будут знать, что у них сын! Сын-це!

— Аннушка, в день его рождения...

Она зажала ему рот ладонью.

— Дурной, еще до рождения знаешь сколько?

— А когда же, когда?

Он пристал и пристал, и когда, и что, и как — не рада стала. На шахту шли, взявшись за руки, чуть не на каждом шагу нечаянно встречаясь взглядами.

— Ты что?

— А ты?

— Ветер такой, хоть лети!

Она погрозила.

— Лети, только домой возвращайся пораньше.

Расстались у железного виадука. Аннушка стала подниматься по извилистой тропке в гору, к уклону, где на высоком копре полоскалось красное полотнище флага. Оглянулась на шахту — и там флаги, транспаранты, свежий ветер донес мелодию из репродуктора. «Капитальная» готовилась к своему празднику.

На самой горе, не доходя до уклона, остановилась. Горы и горы, желтоватые, в зеленых пятнах, без конца и края горы, накрытые синим небом. У самого горизонта клубятся белорозовые громады облаков, неподвижные, величественные. Земля Кузнецкая, какие ласковые ветры летят над тобой в весеннюю пору, каким обилием первозданных красок цветут твои просторы!

Опустив руки ладонями вниз, словно опираясь ими на всю землю, Аннушка закрыла глаза. И вот уже несет ее ветер, несет, качает... Хорошо жить! Хорошо! Пусть скорее приходит в этот мир ее большой, умный сын!

— Или больна? Анна Максимовна?..

От неожиданности вздрогнула и тут же рассмеялась. Это старший Вошин. Подошел неслышно и смотрит ласково из-под широких ржанных бровей.

— А почему вы подумали, Афанасий Петрович?

— Гляжу, стоит девка одна и зажмурилась. Чего же хорошего?

— Нет, Афанасий Петрович, это я так... Пе-еть хочется!

— Петь? — старик не удивился. — Какие вы нынче все песенные. Куда путь держишь?

Аннушка показала на далекую седловину.

— На уклон, Афанасий Петрович.

— Гм... — Вошин усмехнулся. — Я бы тебе посоветовал оставить уклон. С часу на час должны прокопчане приехать. Хорошо бы организовать встречу, не митинг, конечно, — это завтра, а просто, чтобы народу побольше было, пусть полюбуются, как знамя на шахту возвращается. А?

— Знамя!? — Аннушка даже руки к груди прижала. — Как же мне Бондарчук не сказал? Афанасий Петрович... Я бегу!

* * *

Обязанности связанных исправно выполняли Санька Лукин и Митенька. Черепанов призвал их к этой беспокойной/должности как только доктор Ткаченко, осмотрев его, отрицательно покачал головой.

— Нет, нет, пока никаких прогулок. Лежи, батенька, лежи и дыши. Грипп — коварная штука.

Неприятно и самое главное — обидно: такие дни шумят за стенами общежития, столько событий. Вообще-то Санька с Митенькой достаточно полно освещали шахтную и даже рудничную жизнь. Но это была прежде всего не сама жизнь, в которой чувствуешь себя так просторно. А потом поди, угадай по рассказам товарищей, что главное, что второстепенное.

Вчера вечером пришел Санька и прямо ошеломил:

— Комбайн хомяковский будут испытывать!

Комбайн?! Ох и досада же! Ну, что тут одними расспросами узнаешь, Черепанов так и рванулся с кровати, но Лукин только присвистнул и, проворно выскочив из комнаты, повернул ключ в замке. Разве это жизнь? Лежишь, солнышко по тебе ползает, в открытое окно весна рвется, на волю зовет: «Выйди, погляди, подыши, возьми что-нибудь в руки, сотвори работу!».

Стучат секунды в больших настенных часах, поблескивает перламутром аккордеон на тумбочке — Данилов оставил. Черепанов вспоминает ночь на Десятой шахте, Андрея Гуцу, Шуру и чевольно смотрит на свою ладонь — к ней прикоснулась теплая, сильная рука девушки.

Придвинув стул с радиоприемником долго и старательно крутит регулятор. Из репродуктора рвется музыка, треск, дробный стук. А вот Москва. Что говорит Москва? Последние известия.

Короткие рассказы о празднике буден, и о шахтерах есть, о Кузбассе: досрочно выполнен план пяти месяцев. Черепанов тоже приложил к этому руки и Данилов, и Митенька...

Митенька легок на помине. Принес обед и захлопотал. А уж там, где он захлопотал, все вверх дном. Борщ разлил, попытался отдернуть занавеску и оборвал шнур, полез привязать шнур, наступил на блюдце и раздавил. Устав от всего этого, вспомнил:

— Иду, понимаешь, мимо пятого корпуса, смотрю: Галина Афанасьевна голову вот так наклонила, а лицо белое-белое. Я говорю: «Здравствуйте, Галина Афанасьевна», а она поглядела на меня вот так, насквозь поглядела и спрашивает: «Как твоя фамилия, мальчик?» Это я мальчик! — Митенька слегка выпятил грудь и, чтобы скрыть обиду, захохотал: — Понимаешь, я — мальчик!

Потом ему, очевидно, и вправду стало смешно, он захохотал громче и, наконец, упал на кровать, приговаривая:

— Понимаешь, мальчик!

— Ничего смешного... — остановил Черепанов. — Ты подумал о Галине Афанасьевне? Почему это она белая?

— Ну, белая, белая!

— Вот видишь, как дите, заладил одно. А причина какая? Может случилось что на уклоне? Узнай непременно.

Не успели переговорить, как в дверь стукнули, и вошла Аннушка. Не вошла, а вбежала. Митенька, так тот даже на всякий случай к окну попятился.

— Дома? — коротко выдохнула Аннушка. — Лежите! А на шахту... знамя везут!

И все. Сказала и сразу исчезла, как будто ее и не бывало.

Митенька посмотрел на бригадира, а когда тот стремительно вскочил, попытал его с виду равнодушно:

— А режим?

— Что?

— Ну, этот... Грипп?

— Помоги одеться! — почти выкрикнул Черепанов. — Грипп... придумали издевательство над шахтером!

Официально не было объявлено, что ровно в четыре на шахту приезжает делегация прокопчан, но весть об этом еще с утра распространилась по всем участкам, цехам и общежитиям. К трем часам у шахтоуправления стал собираться народ. Пожилые рассаживались на скамьях, на бетонных закраинах фонтана, молодежь группами толпилась на дорожках небольшого сквера. Сын и отец Вошины медленно прохаживаются вокруг фонтана. Афанасий Петрович сосредоточенно слушает, как Григорий что-то не торопясь рассказывает. В толпе молодых шахтеров ораторствует Митенька — вид у него такой, словно он

всю жизнь только тем и занимался, что произносил речи. Подошел Данилов, озабоченно огляделся, Аннушка тронула его за рукав.

— Что-нибудь случилось, Степан Георгиевич?

— Случилось... — Степан сердито отвернулся. — Ты не видела Рогова?

— Нет... — Ермолаева насторожилась. — А что?

— Я в двенадцать отыскал его на участке, письмо передал... Потом он исчез. Горе у него...

— Горе... — глаза у Аннушки стали матерински ласковыми, глубокими, грустными. Она проговорила негромко: — Значит, он узнал обо всем.

— Узнал... — отозвался Степан. — Сама она ему написала... Так я теперь думаю. И думаю, что хорошо сделала. Только трудно ему переболеть этим, ох, трудно! Я же знаю, Павел Гордеевич ни в чем половинок не любит — ни в работе, ни... в этой... в любви, ни в горе. Помочь бы ему как-нибудь.

Степан, а за ним Аннушка оглянулись на толпу шахтеров, на белые здания «Капитальной».

Слышался несмолкаемый говор людей, часто и тяжело дышала компрессорная, гулко ударили сигналы на главном подъеме: «На-гора!» А над всем этим, над праздничным, возбужденным говором, над рабочим дыханием шахты, на ажурном копре плескалось алое, длинное полотнище флага.

Степан сказал:

— Тяжело Павлу Гордеевичу, но он непременно пересилит это. Не первый год его знаю.

В это время поблизости старший Вошин окликнул:

— Герасим Петрович, куда же вы? Присоединяйтесь!

На голос проходчика шахтеры оглянулись и увидели у конторских дверей Хомякова. Маркшейдер близоруко присмотрелся к собравшимся, приветственно поднял руку и мелкими шажками приблизился к Вошину.

— Значит, пойдет наш кузбассовский шахтерский комбайн? — Афанасий Петрович внимательно, ободряюще заглянул в лицо Хомякова. — Ну, спасибо вам, инженер.

Хомяков смущенно переступил с ноги на ногу и развел руками.

— Дотягивать, товарищи, многое нужно, вот в чем дело.

— Было бы что дотягивать, — откликнулся Некрасов. — Только вы не падайте духом, раз машина сделана, работать ее заставим.

В разговор вступили еще несколько человек. Вспомнили дореволюционную шахтерскую старину, когда не только о комбайне, о простом рештатном конвейере не мечтали.

— Что «вольная» шахтерская жизнь, что казенная каторга—

разницы-то никакой не было, — хмуро заметил Вошин, — забывали, что белый день над землей встает.

Солнце все ниже клонилось к западу, свет его словно бы притухал, а делегации из Прокопьевска все не было. Часть людей ушла на вторую смену, кое-кто тронулся по домам, торжественной встречи как-то не получалось.

В это время из-за угла конторы нарысках вывернулся Митенька и, взмахнув обеими руками, оповестил:

— Едут!

Толпа ожидавших на секунду притихла, потом дрогнула и, разрастаясь на ходу, тронулась навстречу гостям.

Первым из машины бойко выскочил старик Ходыкин, тот, что увозил осенью знамя с «Капитальной», за ним вышли еще два делегата. Ходыкин торопливо поклонился и, тут же усмехнувшись, развел руками.

— Видите, хозяева, в какую должность определили к старости: увозил знамя, теперь привез, потом опять придется...

— Ишь ты! — перебил кто-то задорно. — Прыткий какой! С нынешнего дня должность твоя отменяется!

Поздоровались, разглядели друг друга, похвалили погоду. Ходыкин стал, было, рассказывать что-то о Прокопьевске, но Афанасий Петрович нетерпеливо кивнул.

— Давай-ка, товарищ, покороче. Где оно у вас?

Ходыкин понимающе присмотрелся к победителям, сгрудившимся вокруг машины, сказал с веселой завистью:

— Это можно, раз так получилось...

Он подошел к машине и, осторожно вытянув из кузова красное древко со знаменем в белом полотняном чехле, слегка приподнял его так, чтобы все видели.

— Вот оно. Куда прикажете?

— Подожди-ка, товарищ Ходыкин, — остановил Вошин. — Ты прямо скажи: ваши ворошиловцы не опустили руки? Настроение не кислое?

Делегат вздернул седенький клинышек бороды.

— Это почему? Что знамя отдали?

— Об этом речь...

— Так ведь у нас народ скроен из того же материала, что и на «Капитальной»!

— Ладно, — согласился Афанасий Петрович, — только все равно, столько сил, как у нас едва ли где сыщешь. А награду давай сюда, мы ей сами место найдем.

Оглянувшись, он жестом позвал Данилова и негромко, посреди общего почтительного молчания, сказал:

— Бери, Степан Георгиевич, ты из самых молодых и верных. Неси!

В глазах Степана метнулись жаркие искорки благодарности.

Не торопясь, сняв чехол, он распахнул над головой красное шелковое полотнище и, взглядом позвав за собой шахтеров, пошел в клуб.

ГЛАВА XVIII

Оставив Степана в штреке, Рогов вышел на-гора через запасный ходок. Приблизившись к устью уклона, совершенно неожиданно застал там Семена Стародубцева. Насилу сообразил, что Семен ведь является в некотором роде одним из трестовских руководителей по капитальному строительству, значит забрел в такую даль не случайно. Галя что-то горячо доказывала ему. Рогов услышал, как она несколько раз настойчиво повторила:

— Это возмутительно, товарищ Стародубцев! Возмутительно!

— А, сам начальник шахты пожаловал! — повернулся Семен к Рогову. — Здравствуй, Павел. Извини, не было времени предупредить о своем появлении. Услышал, что на уклоне было туговато, вот и решил заглянуть.

— Ты лучше делаешься, — заметил Рогов.

— Почему?

— Да вот услышал, — на уклоне неблагополучно и летишь сломя голову. Раньше за тобой этого не водилось.

Семен примирительно улыбнулся и обратился к Гале:

— А он все такой же колючий. Помню его вот уже десять лет таким.

— Не изменяюсь, грешен, — сознался Рогов.

— Кто из нас без греха, — согласился Стародубцев. — В грехах иной раз, как в репейниках...

Рогов выслушал Галю о положении в забое, о том, что дело теперь только за мелкими доделками.

— Ну, спасибо! — он еще раз оглядел верхнюю плиту и улыбнулся, заметив, как покраснело лицо Гали. — Спасибо, Галина Афанасьевна, от всей шахты, у меня гора с плеч...

— Вот я и безработная, Павел Гордеевич, — сказала Галя, — что же мне теперь прикажете, брать направление в отдел кадров?

— Здравствуйте! Как это в отдел кадров? — удивился Рогов. — А два внутренних уклона кто будет пробивать? А новый скиповой ствол? Вы что, Галина Афанасьевна! — Он приблизил свое лицо к ней и, не обращая внимания на Стародубцева, заговорил вполголоса: — понимаете, Галя, я был почти спокоен за уклон, потому что вы здесь. Вы отличный инженер... Давайте договоримся, что поработаем вместе еще очень долго! А?

— Очень долго!.. — в глазах у Гали мелькнуло что-то похожее на испуг, но она тут же спокойно сказала:

— Мне все равно, Павел Гордеевич, на шахте работать, но... лучше, если рядом с вами. Надежнее. Вы слышите?

— С удовольствием слышу, — отозвался Рогов и по привычке, глядя в глаза то Воиной, то Стародубцеву, быстро загово-

рил: — Чтобы нас в следующий раз не давила вода, воспользуемся бурсобоечной машиной Могилевского. Понимаете? Нарежем рудничный двор, ставим машину на нижней плите и... бьем вверх по угольной пачке! Тут вода не страшна будет.

Стародубцев скромно потупился, но сейчас же заметил:

— Вообще-то работа на бурсобоечной потребует филигранная: сечение скважины девяносто сантиметров, а угольная пачка всего метр двадцать—тридцать. Ошибка всего на одну десятую градуса... Это, знаете, немного напоминает игру: человек закрывает глаза, покрутит перед собой указательными пальцами, потом сводит их — сойдутся или нет? Так и здесь...

Рогов фыркнул:

— Хиромантия! Не от инженера бы слышать. Нам некогда крутить перед собой твоими пальцами. Слышите, Галина Афанасьевна? Предсказаний Стародубцева не принимать во внимание. — Рогов улыбнулся. — А... помощью его мы воспользуемся.

Семен обратил все в шутку.

— Ты, Павел, не изменяешься, — вздохнул он. — Таким тебя люди и запоминают, даже те, с кем ты всего один—два раза встречался. Недавно в Новосибирске беседовал я с видным ученым. Не успел упомянуть о тебе, как он вдруг перебил меня. «Ах, позвольте, позвольте! Так я же знаю инженера Рогова, как же!».

— Что за ученый? — любопытствовал Рогов.

— Скитский, Василий Пантелеевич.

— Скитский? — Рогов кивнул. — Хороший мужик, светлый!

— Умный! — подхватил Семен. — Жалко, мало с ним пришлось побеседовать — дело ограничилось моим скупым докладом и несколькими его замечаниями. Знаешь, ведь, как он занят? А тут еще, понимаешь, весну человек переживает, так что и здесь у него можно кое-чему поучиться... — Семен сделал шутливый полупоклон в сторону Гали и, немигающе глядя в лицо Рогова, небрежно закончил: — Женится профессор Скитский на своей аспирантке... Евтюховой.

— Вот как... — без всякого выражения ответил Рогов, потом посмотрел на ручные часы, на Вошину.

Галя инстинктивно сжалась, словно на нее замахнулись. Ни разу она не видела у Рогова таких пустых, обмелевших глаз, словно в одно мгновение перегорела в них влажная синь. Он сказал:

— Хорошо, Галина Афанасьевна, значит... мы договорились. А теперь я пойду.

Семен сделал было шаг за ним, но Рогов только чиркнул по его лицу взглядом и пошел сквозь кусты напролом.

— Вот так, Галина Афанасьевна... — начал Стародубцев.

— Оставьте! — резко оборвала его Галя. — Оставьте. Вы сейчас сказали Рогову... Как это стыдно! Подождите...

Она быстро обежала бурый породный отвал, спустилась в ложок, прямо по воде перебежала ручей и, хватаясь за кусты противоположного ската, взобралась наверх. Только ступила на тропинку, как впереди показался Рогов. Шел он обыкновенным своим размашистым шагом, только необычайно спокойно двигались его руки, то отстегивая все три петельки на фуфайке, то вновь застегивая. Вот он остановился у золотистой сосны, придерживая кепку, поглядел на ее вершину и снова пошел. А когда увидел Галю на тропе — ни одним движением не выдал удивления, словно ждал этого.

— Павел Гордеевич... — Галя посторонилась с тропы, давая ему возможность пройти. — Извините меня... Но я хотела спросить...

— А спрашивать как раз и не нужно, — Рогов дружески сжал ей локоть, — Не нужно, Галя, спрашивать. Просто Стародубцев притронулся к тому, что очень болит. Спасибо, Галя.

И пошел в гору все таким же ровным, размашистым шагом.

В этот час с горки можно было беседовать и с весной и со всем миром, если, конечно, тебе понятен многоголосый, разноязыкий говор апрельского полдня.

Круто, широкими петлями дорога поднимается к верховой рыжеватой седловине. На западном склоне почти нет леса — он дальше, за водоразделом. Изредка попадаются красноватые кустики молодой березовой поросли, а справа от дороги, над крутой каменистой осыпью стоит одинокая мачтовая сосна — стоит и задумчиво качает зелеными лапами-ветками, в дальнюю даль смотрит, словно и грустно ей, что еще одна весна мимо проходит, и легко, что под золотистой корой тронулись густые прохладные соки.

На одном из поворотов Рогов остановился, прищурившись от ярко-синего света, огляделся вокруг и, затаив дыхание, почти на носках пошел к невысокой годовалой березке и шагах в двух от нее остановился. Где-то здесь, — наступить можно, — опустилась маленькая пичужка. Но где же она, неужели пешком ушла? Рогов даже пригнулся, в нем внезапно пробудился давний мальчишеский азарт.

— Ха!... — сказал он удивленно, когда у него из-под ног выпорхнула быстрокрылая птица и с тихими вскриками: «Чьи вы! Чьи вы!» закружилась вокруг.

— Ах, вот что! — Рогов усмехнулся. — Вас интересует, чьи мы? Не беспокойтесь, мы свои, тутошние.

И все еще смеясь над своим ребячеством, он присел на корточки и осторожно раздвинул кустики прошлогодней жухлой травы. В маленьком углублении лежало гнездо — круглое, аккуратное, с загнутыми внутрь краями, выстланное тонкими былинками и молочно-голубым растительным пухом. Опустил пальцы

внутри и как будто тепло почувствовал, или показалось это, но сердцу действительно почему-то тепло стало. А над головой звенело все беспокойнее, все жалобнее:

— Чьи вы?... Чьи вы?...

— Ну, ладно, ладно, — поднимаясь, примирительно говорит Рогов. — Что уж ты на самом деле, неужели не понимаю...

В другом месте он присел на пенек, пощупал на солнечной стороне его шершавую кору. Да, здесь по-настоящему тепло.

Тепло... Рогов сильно трет лоб, как будто стараясь вспомнить что-то трудное и давным-давно забытое.

Ох, Валя, Валя!..

Нашел в кармане помятый листок письма и, разгладив его на колене, стал читать заново, от слова до слова.

...«Если бы я могла оградить тебя хотя от минутного горя... Павел! — писала Валя. — Я это могла бы сделать, но я ненавижу ложь. И ты, разве ты можешь...

Нет, не то!

В последнее время я очень часто бывала мыслями и душой с Василием Пантелеевичем Скитским. Я изо всех сил боролась против этого, но он как-то незаметно вошел в мою жизнь. Я приезжала сказать тебе это. Хочу, чтобы тебе стало легче, надеюсь на это, верю в тебя. Прости, Павел.

Валя».

Еще и еще раз перечитывает Рогов письмо, потом опускает его между коленями. Ну, разве так можно? — спрашивает он себя. Разве можно, чтобы так трудно было?

Потом он встает и снова начинает подниматься в гору. Дорога крутая, но сердце бьется уже спокойнее, мысли не мечутся, в голове ясно.

А вот и верховая седловина. Рогов выпрямился, медленно расстегнул фуфайку, снял кепку. Ой, как же далеко видно отсюда! Родимый край...

Внизу глубокая падь — Черная Тайжина, а чуть подымешь взгляд, видишь бесконечную гряду то желтовато-лысых, то лесом укрытых гор. Прямо на востоке глаза еле различают далекое розовое полыхание вечных снегов на хребтах Алтая, на севере поднимается дымное облако над городом Сталинск...

А если бы подняться еще выше... Рогов на минуту закрывает глаза, потом снова до слезного тумана всматривается в неоглядный весенний мир. Но ведь это слишком тысяча километров с юга на север, почти от Телецкого озера на Алтае, через поймы многочисленных горношорских рек, до Мариинской тайги у Великой Сибирской магистрали, вот он — Кузбасс!

Кузбасс, выросший, как рабочий, возмужавший, как солдат, суровый и строгий в своих простых одеждах.

Кузбасс — это шахты, заводы, электростанции, колхозные

нашни. Кузбасс! Сколько же нужно прожить, не старея, не уставая, чтобы переделать хотя бы часть твоей великой, твоей нужной работы! И сколько тепла необходимо освободить из твоих щедрых глубин!

Рогов смотрит на снежные хребты, обрамляющие Южный Кузбасс с востока, потом делает такое широкое движение, как будто кладет ладонь на острое плечо одного из горных отрогов.

— Подожди, — говорит он тихо, — подожди немного, и до тебя доберемся, и в твои недры придем. А сейчас... просто рук нехватает, ничего не попишешь...

Свежим воздушным током со стороны Черной Тайжины нанесло звонкий перестук топоров. Глянул вниз, словно на крыльях с горных высот спустился. В снегах и желтых проталинах, в темной зелени пирамидальных пихт, в вербном цветении кустарников падь Черная Тайжина до краев наполнена серебристо-синим светом.

Даже руками развел — так не хотелось отрываться от всего, что глаза видят.

А пора, нужно еще пройти к новым шурфам. Рогов оглядывается на северный склон, по которому поднимался, и вдруг видит, что по извилистой тропе кто-то идет. Пристально всмотрелся и угадал Бондарчука. Парторг шел, широко отмахивая руками, и, по всему виду, торопился.

— Ты что же это? — закричал он из-за кустов. — Ищу целый час, а он, извольте, разгуливает, Кузбассом любитесь!

— Правильно, люблюсь... — признался Рогов. — Жалел, что тебя нехватает рядом.

Бондарчук присел на соседний сухой бугорок, вытер вспотевшее лицо и устало передохнул:

— Уморился...

— А что случилось?

— Да ничего особенного... Знамя привезли прокопчане, тебя вот ищу — вот и все, что могло случиться.

Потом им стало, очевидно, немного не по себе: сидят два взрослых человека друг против друга, в прятки играют. Рогов пригладил носком сапога кустик сухой травы и машинально вытащил коробку папирос. Бондарчук смахнул пот с бровей и, внимательно глянув из-под ладони на товарища, спросил:

— Что-нибудь очень трудное? —

— Очень. — Рогов подал конверт с письмом. — Почитай. Я не жалуюсь — это, чтобы ты понял.

Несколько минут Бондарчук читал и перечитывал письмо Евтюховой. Временами под глазами у него набегали морщинки. Потом он аккуратно свернул письмо вчетверо, вложил его в конверт и, ударив о ладонь, сказал:

— Понимаю. Тяжело. В таком деле трудно словами помочь...

Но жизнь-то, Павел, ни на одну секунду остановки не сделала. Наша большущая жизнь!

— Я тоже над этим думаю... — отозвался Рогов.

— Думаешь!.. А ты это чувствуешь?

— Стараюсь... — Рогов улыбнулся и тряхнул головой. — Знаешь что, Виктор, пройдем к дальним шурфам. Беспокоит меня что-то монтаж подстанции.

— А на шахту?

— Так я же это еще и для того, чтоб соскучиться о ней.

Бондарчук поднялся.

— Тогда пойдем!

А где-то уже в пути Рогов осторожно спросил:

— А ты что искал-то меня? Сердце весть подает?

— Подает, конечно, — подтвердил Бондарчук. — Была у меня Галина Вощина, рассказывала о своей встрече с Валентиной, о твоём разговоре со Стародубцевым...

— Ага!... — Рогов невольно ускорил шаг.

Возвращались они уже в поздние сумерки. На одном из крутых поворотов тропы остановились. Бондарчук положил руку на плечо Рогова, слегка притянул его к себе.

Внизу, по цепочкам и созвездиям огней угадывались линии рудничных улиц, контуры кварталов. В серебристых сумерках на противоположном скате не видно было домов и от того светлые квадратики окон казались вделанными прямо в гору.

Земля дремала. Над горизонтом неслышно ступала негасимая синеватая зорька, на севере, по ту сторону гор, полыхали зарева огней над городами и рудниками. Неподалеку, в темных зарослях пихтача, кричала птица-невидимка и почему-то казалось, что дышит земля Кузнецкая — древняя, сильная, молодая.

Встреча

После многолетней жизни врозь
Встретиться трем братьям довелось.
Старший думал: как-нибудь сюда
Два других приедут навсегда.

Средний в письмах сообщал другим,
Что не сможет он приехать к ним.
Младший знал, что в будущем году
Не приедет тоже. Подождут.

Но писали письма каждый год:
Коротко: работает, живет.
А однажды (шел десятый май)
Их судьба столкнула невзначай.

Встретясь, грубовато обнялись,
И сказали все: вот это жизнь!
И потом, отдав молчанью честь,
Братья вновь заспорили и здесь.

— Хорошо, — промолвил старший брат, —
Жить на юге. Рядом — виноград,
Яблоки в саду. А за спиной
Море плещет голубой волной.

И когда уходишь на улов —
Сколько песен, сколько голосов!
Над тобой огромная луна,
За кормой игривая волна.

Средний брат старшого перебил.
(Долго ждать не мог и не любил),

Как стихи на сцене прочитал:
— На Востоке кто из вас бывал,
Знал ли, видел кто-нибудь из вас,
Как выходит солнышко у нас?

Выйдет, бросит на море лучи
Золоты, игривы, горячи,
На четыре предрассветных часа
Раньше, чем по вашему Кузбассу.

И на восемь длительных часов
Раньше, чем у Крымских берегов.
И на спорте, может потому-то
Я во всем встречаю раньше жизнь.

Значит, точно, словно по маршруту
Раньше вас войду я в коммунизм.
Улыбнулся самый меньший брат
И сказал двум старшим: виноват,

Может, я по возрасту не смею,
Но скажу, как мыслю и умею.
Что тепло на юге и приятно,
Что красиво — это мне понятно.

На Востоке солнце всходит — тоже
Знаю. Раньше нашего. Положим...
Но скажите, отчего на свете
Солнце нам приветливо так светит?

Почему от края и до края
Поезда бегут, не умолкая?
Почему работают турбины,
Над заводом вьются клубы дыма?

Это наш кузбасский уголь всюду
Топит топки, плавит в домнах руды.

Потому что в шахте, за углями
Будущее трогаем руками...
Долго братья первый раз молчали
И в согласьи по Москве шагали.

г. Сталинск.

Весна

„Здесь будет город-сад“.

В. Маяковский.

1.

Отступили озера и жесткий осот.
Парк разросся и, в полдень, в июле
Прилетает пчела на цветы и несет
Пыль цветочную за город, в улья.
Тополиный повсюду разносится пух,
Реет в воздухе светлое марево.
Можно ночь не уснуть, если рядом есть друг,
И всю ночь, напролет, разговаривать.
Говорить и о том, что на счастье сбылось,
И о том, что на завтра загадано.
И решить в эту ночь, что нельзя дальше врозь,
Что скучать друг о друге не надо нам.
Нет! Не надо скучать,
 утром в двери стучать.
Сколько раз, без вины виноватого
Упрекали тебя:
 .- На часах уже пять!
А всего было
 ...полчаса пятого.

2.

Только солнце взойдет — оживают леса.
Не стихают весь день
На лесах голоса.
Молотки и правила
В руках у девчат.
Это их голоса,
Не смолкая, звучат.
На большой высоте
На весеннем ветру

Крепко пахнет смолой,
Как в сосновом бору.
Стройплощадка внизу
Вся в движеньи:
Подплывает на длинном канате
К копру
Свая-щука длиной в две сажени.
...Высоченная башня
Одна на весь дом.
Кирпичей чуть не гору
Берет за под'ем.
Мы стоим и командуем:
— Майна!
И вручную мы стены уже не кладем,
А кладем их кирпичным комбайном!
...Намечалась гроза по утру.
Но плывут
В синеве облака белорудые.
И двенадцать девчат
Мастерками стучат
— «Ох, ты сад, ты наш сад».
Голоса их звучат.

3.

Собрались и пошли на холмы
В выходной,
Посмотреть издали на свой город родной.
— Там палатки стояли
В тридцатом году...
— Скоро парк
мы украсим рябиной.
— Будут вишни и яблони
В нашем саду.
— Будет в городе
парк соловьиный!

Гор. Сталинск.

Песня

Ловко тронул клавиши гармоники
Молодой, веселый паренек,
И взлетела выше террикоников
Песня про кузбасский уголек.

Как шумит он речкой быстротечною
И лавиной льется в бункера.
Как шахтер с подругою сердечною,
Поднимался к солнцу, на-гора.

Как его рудничная красавица
Вагонеток водит караван,
Как шахтер по всей Отчизне славится,
Раньше срока выполняя план.

Льется песня над родными водами
Каждый вечер с правотомских круч
И, звеня над дымными заводами,
Греет сердце, как весенний луч.

В мире нет тебя, мой край, чудеснее,
Знает вся страна шахтеров, нас,
О тебе не зря слагаем песни мы,
Называем: сталинский Кузбасс.

Кузбасс

I.

Паровоз спешил,
Паровоз бежал,
Из последних сил
Тяжело дышал,
За окном огонек,
А в окне паренек.
Огонек голубой,
Паренек молодой,
Знать, ему не до сна —
Все сидит у окна.
Из окна весна
И заря ясна:
Разгорается, лиловеет,
Занимается, пламенеет.
Покачулся вагон —
Перегон.
Паровоз устал,
Отдыхаться встал
полминуты...
Пассажиры вещами
пригнуты.
Озабочены лица.
Голос проводницы:
— Граждане,
это — Детский...
Следующая —
Ленинск-Кузнецкий...
И опять паровоз повез.
В рассвете плывет перрон.
Кому-то вздыхают,
Кому-то поют вдогон...

★ ★ ★

Эх, дорога — две струны
Из конца в конец страны
Селами веселыми,

Городами новыми.
Едет старый, едет малый,
Хлебороб, солдат бывалый,
Металлурги, горняки,
Рыбаки и моряки,
Летчики и плотники,
Советские работники.
И у каждого забота,
И у каждого своя.
И кого-то ждет работа,
И кого-то ждет семья.

★ ★ ★

Села напротив
Старушка в капоте,
Слева сосед ==
Моложав, но сед,
Немного поодаль
с угла —
Черноброва, румяна,
смугла
В сереньком платьице —
Девушка лет восемнадцати.
Сосед закурил,
предложил Алексею.
Старушка сказала:
— Чай, скоро засеют.
Я ездила к сыну в Росею.
Там уже пошут и сеют...
— Однако пора
И нам со двора, ==
Сказал сосед,
Убирая кiset.
— Гляжу на тебя —
потешно —
Молодой, а седой!
Сам-то откуда?
— Здешний,
В Абашево еду
домой.
— Знаю, слыхала
Абашево.
Как же его не знать.
Это от Сталинска
нашего
Прямо рукой подать.
== А ты далеко ли,
касатка?
(В книгу смотрела Дуся)

— В Сталинске мне
пересадка,
Я до Калтана, бабуся.
— Погостить аль на жительство?
— Нет, на строительство.
(Старушка махнула платочком
— Зол табачище-бес!)
— Что же там строится, дочка?
— Южно-Кузбасская ГРЭС.

II.

Там песнь летит в таежный дол
И множат песнь леса.
Ударной стройки комсомол
Возводит корпуса.
Где с хода
В берег Кондома
Врезается мечом,
Встают дома,
Растут дома,
Кирпич за кирпичом.
Лишь первый взрыв
рванул в куски
Слежавшийся гранит,
Как стал улус Калтановский
В Кузбассе знаменит.
Охотник-шорец, с гор идя,
Услышал новый сказ,
Что здесь огнями города
Блеснет в ночи Кузбасс.
И отблеск тот агатовый
Окрасит дали синие,
Шагнут столбы солдатами
Высоковольтной линии.
К углю пойдут, пойдут к руде,
Неся оружие грозное,
Где бой ведет горняк в труде,
Звенят поля колхозные.
И краше станет наш Кузбасс,
Богаче, молодей.
И Сталин вымолвит про нас:
— Люблю таких людей.
Он труд высокий одарит
Отцовским словом, ласкою.
Цвети, гори огнем зари,
Земля моя кузбасская!

Восхождение на Большой Таскыл

1. ГОРА ИЗДАЛЕКА

В ясный летний день с возвышенных мест Великого Сибирского пути между Мариинском и Тяжином видна возвышающаяся далеко на юге горная громада, сияющая снежной вершиной. Это Большой Таскыл — самая высокая вершина — гора северной части Кузнецкого Алатау.

В Кузнецком Алатау есть вершины, равные ей по высоте и даже более высокие. Но нет горы более грандиозной и своеобразной, чем Большой Таскыл. С него можно видеть весь Кузнецкий Алатау. Большой Таскыл является прекрасной и разносторонней иллюстрацией к геологии Кузнецкого Алатау.

Гора возвышается над Алатау мощным куполом. Снег на его вершине не растаивает в течение всего лета, тогда как на соседних горах летом снег сходит полностью.

Один из ранних путешественников — Г. Е. Щуровский (1844 г.) назвал Б. Таскыл Алатагским Монбланом.

Наилучшее восхождение на Б. Таскыл можно сделать из поселка Ударный, расположенного в ущелье по реке Громатухе, текущей с Таскыла. Отсюда до подножья Таскыла около 8 километров. Путь — по тазежным тропам. На подходах к горе — густая тайга, на склонах — снежные поля или нависшие по ущельям скопления тающего снега.

Гора, как передавали местные

жители, так часто бывает окутана облаками, что трудно выбрать время для подъема на ее вершину. Самое подходящее для восхождения время — июль и август.

Прежде, чем добраться до подножья горы Б. Таскыл, пришлось сделать около восьмидесяти километров в седле по тазежным тропам, через горные реки, иногда, как говорят, по прямой пересекать тайгу, местами подниматься на горы и спускаться в узкие долины и ущелья.

2. ЗОЛОТАЯ ТАЙГА

Еще в Петровскую эпоху были доставлены в Петербург образцы сибирского золота и серебра с гор по речке Кия. Но золотые прииски в пределах этих гор, названных позднее Кузнецким Алатау, возникли только в 1828 году (Спаский, Преображенский, Вознесенский и ряд других). Прииски представляли собою затерявшиеся в глухой горной тайге поселки, к которым не было дорог. Добыча велась с помощью кайлы, лопаты.

Только в советское время прииски и тайга стали совершенно иными.

...Как будто по застывшим волнам проходит шоссе в предгорьях Алатау. Вдалеке виден копер шахты — там добывают бурый каменный уголь для горной электрической станций. От шоссе время от времени ответвляются дороги, ведущие на прииски. В горах поблескивают электрические лампочки. От них ночью поднимаются в

небо отсветы, словно сполохи, и ночное небо светится отраженным электрическим светом новой тайги. Так — над каждым поселком, над каждым прииском, над каждой шахтой.

Автомашина медленно поднимается все выше и выше в гору. По большой таежной дороге машины везут грузы для многих приисков, шахт и поселков золотой тайги.

И вот мы на гребне горной гряды. Глубоко внизу — ущелье. По нему протекает горная река. На узком берегу — улицы поселка. Видны здания электрической станции, воздушная канатная дорога. С гребня горы к белому зданию станции плывут вагонетки с углем.

С моста видны работающие драги. Они напоминают, что здесь не только тайга, но и река тоже золотая.

От реки по узкому скалистому ущелью мы проехали на открытое место. Вокруг — сплошная тайга с преобладанием темной пихты. Встречается ель, редко кедр и лиственница, много лиственных деревьев и могучих трав черной тайги.

Здесь выпадают обильные атмосферные осадки, потому много речек и ручьев.

Рядом с шоссе — просека, на ней мачты электропередачи.

Шоссе соединило поселки, сюда же тяготеют и старательские группы. На шоссе — постоянное движение. Леса оглашаются sireнами автомобилей, людскими голосами.

Иногда шоссе поднимается на гребень гряды, и тогда перед взорами путников открывается вид на соседние края и даже видны отдельные вершины Кузнецкого Алатау. Чем ближе к главному хребту, тем выше становится гряда Алатага. Наконец с высокого перевала мы видим главный край, уходящий от нас на юг. У горизонта поднялись снежные вершины — цель нашего путешествия.

В крупном приисковом поселке, напоминающем собой город, пришлось оставить автомобиль. Путь к снежным вершинам отсюда — по горно-таежным тропам.

В дождливое июньское утро к гостинице нам подали двух оседланных лошадей; для меня и для проводника. Без него двигаться вперед невозможно.

Только через несколько дней мы добрались до Б. Таскыла, который возвышался могучей каменной громадой, одетой снежными полями. Каждый раз, видя горную цепь снежных вершин, я испытывал чувство восхищения перед могуществом и красотой родной сибирской природы.

На пути встречались крупные и мелкие прииски, где, несмотря на глубокую отдаленность от культурных центров, видны черты проникающей всюду советской культуры: клубы, библиотеки, школы.

И везде — электрический свет, радио.

Горная тайга просветлела от поселков в электрических огнях, от новой большой жизни в здешнем еще недавно непроходимом краю.

...Последний переход. Мы движемся по ущелью небольшой речки с крутыми лесистыми берегами. Из одного ущелья переходим в другое. Здесь река Талановая, бурная и многоводная. Она берет начало с горы Малый Таскыл. Нам приходится переходить ее в нескольких местах. Лошади, привыкшие к горам и горным рекам, спокойно заходят в воду и привычно шагают по каменистому дну.

Ущелье расширяется. На ровных узких террасках берега реки проезжаем через селение. Отдельные дома приникли к полуразрушенным скалам. Через ущелье, вверх по реке, виден Малый Таскыл — голец, поднимающийся на тысячу метров над уровнем моря. Со всех сторон видны высокие гористые гряды, покрытые лесами.

Опять переходим бурную пенящуюся реку. За поворотом перед нами вдруг поднимается огромный массив Б. Таскыла. Теперь прямо перед собою видим его крутой северо-западный склон.

Через час поднимаемся по одной гряде как раз напротив Б. Таскыла. Тропинка идет по склону гряды на большой высоте. Перед нами северный склон Алатагского

Монблана. Его снежные поля отливают белизной даже в облачный день.

После спуска в ущелье вновь начинается под'ем. Тропа пошла в обход, но проводник решил ехать прямо по склону. На склоне — площадка, на ней — болото. Склон горы как будто исходит влагой — столько ручьев, мочезиц, заболоченных участков. Только горячая лошадь может преодолеть такой путь.

Наконец мы — на гребне лесистой, сырой гряды. Другой склон ее безлесый, внизу видны маленькие, словно игрушечные, домики. Проводник рассказывает, что поселок — молодой. В старое время здесь были только два домика старателей, а сейчас — рудоуправление, клуб, школа.

Начался спуск в ущелье реки Громатухи. Нас встретил гром горной реки.

3. ПЕРВЫЙ ПОД'ЕМ И НЕУДАЧИ

Первое восхождение мы приняли втроем. Моими проводниками были местные жители. Маршрут разработали с хорошо сведущими людьми. Один из них, М. Д. Ситников, уже много лет работает в горной тайге, хорошо знает окрестности Б. Таскыла, бывал на горе несколько раз.

В таежном поселке, расположенном в глубоком ущелье, я встретил таежных следопытов, которые проходили тайгу по прямой линии, преодолевая огромные, трудно-проходимые пространства горной тайги.

Мы выбрали путь по западной стороне ущелья, по которому протекает речка Громатуха и где находится поселок Ударный. Этот левый берег Громатухи представляет собою сплошную горную гряду с повышением к Б. Таскылу.

Выехав из поселка, мы поднялись на вершину гряды. Под'ем был труден. Накануне прошли дожди — земля и трава мокрые. Если бы лошадь споткнулась, то началось бы падение по крутому склону в ущелье.

Мы вступили на гребень горной гряды. Отсюда в просветы тайги время от времени видны

долина реки Талановая, главный кряж Кузнецкого Алатау, уходящий в северо-западном направлении, близкие отсюда Соболиная гора и Малый Таскыл. Небо стало покрываться облаками, подул порывистый ветер.

Как передавали очевидцы, вершина Б. Таскыла часто бывает в облаках и надо уметь выбрать время для под'ема.

В этот день ветер дул с юго-запада, облака шли низко, изредка выпадали дожди. Чтобы сократить путь, проводник поехал на прямую по тайге. Мы пробирались сквозь заросли трав, мелкого кустарника, гущу деревьев. Лошади фыркали, почуяв свежий след медведя. Б. Таскыл и прилегающие к нему горные гряды богаты ягодами с весны до глубокой осени, травами с вкусными кореньями, кедровыми шишками. Много здесь маралов, лесных птиц. Нескольким раз мы проезжали мимо недавно развороченных муравейников. Это — следы медведя-муравьеда или муравьятника, по местуному выражению.

На случай встречи с медведями мы были вооружены двухствольными ружьями и охотничьими ножами. Незадолго до моего приезда местные охотники убили одного за другим трех медведей. А свежей шкурой маслятого седого медведя я имел случай любоваться.

Начался под'ем. Последняя часть гряды носит местное название «Высокая». Она имеет отметку 1000 метров. Появился сибирский кедр, очень мощное дерево, в большинстве случаев со сломанной вершиной. В черневой тайге преобладает пихта, слабо развиты береза, осина. Много кустарников. Кедр как-то по-особенному выделяется своей солидностью. На открытых местах встречались заросли из мощных трав, доминировали зонтичные, много и папоротника и чемерицы, особенно в перелугах увлажненных низинках.

Миновали небольшую седловину, отделяющую гряду от Б. Таскыла, и начали под'ем на Б. Таскыл. Под'ем был резко крутым и продолжался долго. Уже прошли линию 1000-метровой вы-

соты. На одном уровне с нами поднялась более высокая гора по другую сторону ущелья Громатухи, тоже примыкающая к массиву Б. Таскыла. На этой высоте лес сильно поредел, стал низким. Кедров не превышают пяти метров, пихты — еще ниже, не стало высоких трав. С открытой площадки мы увидели перед собой голую каменную вершину горы в виде трехярусного купола. Ниже купола по склону горы лежали обширные поля снега. Трудно сказать, на какой высоте, но линия леса, не дойдя до снега, оборвалась. Покрытый мхом камень был укрыт стелющейся полярной карликовой березкой. Изредка встречались группы низкорослой пихты, бородавчатой березы, ивы. Выше, где преобладали каменистые обнажения, виднелись только редкие экземпляры ползучего кедра. Мы попали в полосу тундры. Это было, приблизительно, на высоте 1100—1200 метров.

На открытой площади нас встретил сильный ветер. Лошади пошли с трудом. Порывы ветра вырывали нас из седел. Мы двинулись прямо навстречу ветру, ведя лошадей в поводьях. В одном месте пришлось переходить полосу снега. После знатоки нам говорили: мы прошли над пропастью, засыпанной снегом. Он был настолько плотным, что лошади только скользили по нему. Миновав полосу снега, подошли к куполу горы Б. Таскыл. Это была его северная сторона. Справа и слева по склону виднелись снежные поля. Между ними — полярная березка и стелющийся кедр. Камень уже выступал повсюду, местами встречались скопления обломков, порою виднелись крупные каменные глыбы. Выше по склону купола горы был только голый камень, лишь кое-где одетый мхом.

На грани купола пришлось остановиться.

Потянулись низкие облака и закрыли купол горы. Пошел дождь. При скорости ветра 25 метров в секунду капли дождя резали лицо. Мы продрогли, хотя были тепло одеты. Прогрели и

лошади. Нельзя было идти вперед, и спуск был тоже невозможен. Нас окружили обрывки облаков. Мы укрылись в небольшую впадину у края купола, где росли низкорослые кустарники, а гора образовала защитную стену. Прошел час. Дождь усиливался. Облака над нами и вокруг нас сгущались. Ветер крепчал.

Пришлось отступать. Гора оправдала свою репутацию малодоступной. Спуск оказался довольно сложным. Камни, трава, мох стали скользкими. С большим трудом прошли через снежные поля. Только в лесу почувствовали, что опасность миновала.

4. ВТОРОЙ ПОДЪЕМ. НА ГОРЕ

Первого июля с утра появились признаки хорошей устойчивой погоды. Ущелье Громатухи окутано туманом, но наверху проглядывало ясное небо. Ветра не было. По мере того, как поднималось солнце, горные гряды со стороны ущелья очищались от тумана. Он скатывался вниз по ущелью к реке Кия.

В 10 часов мы решили повторить подъем на Таскыл. Поехали вдвоем с проводником, работником геологического отдела рудничного управления А. И. Демьяненко. Путь следования к горе на этот раз был намечен по берегу речки Громатухи до горного озера, откуда Громатуха берет начало. А затем предполагалось от озера по правой ложине подняться на гору, к главному северному куполу. От второй части маршрута потом отказались, так как ложины были заполнены снегом, и мы обошли гору с восточной стороны, где снежные поля не образуются.

По берегу Громатухи вела тропа. Громатуха оправдывает свое название. Чем выше по ущелью мы поднимались, тем сильнее был ее гром, шум. Река течет, вернее падает, вся в пене, прыгает по камням. Иногда тропа шла по самой бровке берега, высоко над бурлящим потоком. Тропу часто пересекают шумные горные ручьи. В отдельных местах дно ущелья сильно заболочено и ло-

шади с огромным напряжением выбирались из топи. Путь преграждали упавшие деревья, такие огромные, что приходилось облезать их.

В одном месте тропа проходила по голым камням, образующим лестницу.

Обходя ущелье, мы потеряли тропу и пробирались по зарослям деревьев и могучих трав. Иногда встречались узкие тропы маралов да свежие следы медведя на траве. Наши лошади настороженно хрюпели, чувствуя близость зверя.

Иногда с открытых мест был виден массив горы, а мы все продолжали кружить по крутизнам, отделенные от Таскыла ущельем.

С высокого гребня нам открылась огромная впадина между Большим Таскылом и горой Церковной. Она была заполнена непроходимой тайгой. Ни дороги, ни селения.

С большим трудом миновали ущелье и подошли к подножью Таскыла с восточной стороны, откуда и начали подъем. Очень крутой склон кое-где был покрыт лесом и кустарником. Ни одной тропы. С большим трудом мы поднялись на уровень с соседней вершиной, которая близко смыкается с седловиной Таскыла. На соседней вершине — огромные камни, похожие на руины старинной крепости. Эту гору мы называли «Камень».

Еще небольшой подъем и мы — в седловине Б. Таскыла между двумя его главными. Прямо перед нами в северо-западной стороне возвышалась первая и самая главная вершина горы — огромный голый каменный купол, склоны которого покрыты снегом. На юго-восточной стороне возвышался второй купол горы, чуть меньше своего северного брата. Он до половины покрыт кустарником. Северный полностью оголен и производит впечатление более грандиозного, хотя высота обоих куполов одинакова.

По седловине горы мы двинулись к северному куполу. Эта часть горы покрыта зарослями кустарников и карликовых деревьев. На высоте, превышающей

1100 метров, растительность почти минает скорее всего тундровую. Повсюду карликовая березка, искривленная, изуродованная снегами. Иногда ее заросли сплошным массивом преграждали путь. К счастью, нам удалось попасть на тропу маралов. В юго-восточной части горы на солончаки приходят маралы полакомиться солью. На горе маралы укрываются от паутов и гнуса, которых так много в долинах на болотах.

За полярной березкой поднимались ивовые кустарники и пихты в рост человека. Кустарники местами образовывали непроходимую стену. Заросли закончились только у кромки снежного поля.

Снег на склоне представляет собой нечто среднее между снегом и льдом. От снежных полей устремлялись вниз ручьи.

За снежным полем следовал камень, частично покрытый мхом. На поверхности горы образовалась топь. Лошади вязли до колен. Растительность исчезла. Очень редко встречался стелющийся карликовый кедр. Среди мелкого камня — полевой шпат, роговая обманка. Местами навалы и крупные отдельные глыбы гранита.

Казалось, мы уже на вершине. Но когда лошади одолели подъем, оказалось, что это только один ярус, а до вершины еще далеко. Пришлось преодолеть по голым камням еще два яруса. Вот мы и на самой вершине, на темени Большого Таскыла.

5. НА ТЕМЕНИ БОЛЬШОГО ТАСКЫЛА

Большой Таскыл с давнего времени носит свое название. Он известен по рассказам путешественников и народным сказаниям. Большой Таскыл в переводе означает Большая Гора. С нее видна вся северная часть Кузнецкого Алатау. Всюду, куда ни взглянешь — горные вершины. Некоторые из них покрыты нетающими снегами. Между горными грядками глубокие впадины, узкие долины, темные

ущелья. И сплошная бескрайняя тайга.

В северном направлении горные кряжи все больше и больше понижаются. За горами видна обширная лесостепь. Ближе к горизонту ровная синяя полоса — это видна далеко за пределами гор равнинная тайга Сибири.

В северо-западном направлении — продолжение главного хребта. После Большого Таскыла высоких гор уже нет. Кряж как бы угасает. Значительными вершинами главного кряжа на северо-запад от Б. Таскыла надо считать Малый Таскыл, Соболиную гору, Северную гору, за которыми кряж принимает характер цепи сглаженных холмов.

В этом направлении резко выделяется гряда Алатага, отходящая от главного хребта на северо-восток. Особенно рельефна часть гряды ближе к главному хребту. Она состоит из трех равных между собой вершин, разделенных лощинами.

Наиболее красочная картина открывается в западном и юго-западном направлениях. Отсюда через невысокие горные гряды и отроги видна Кузнецкая котловина, дымки заводов Кемерово, Сталинска и других городов Кузбасса. В хороший бинокль можно различить даже дымки поездов, идущих по железной дороге в пределах Кузнецкой котловины. За Кузнецкой котловиной виден Салаирский кряж. Главный кряж Кузнецкого Алатау обрывается на западной стороне и горы как бы повисают над Кузнецкой котловиной.

С высоты Б. Таскыла можно видеть всю территорию Кузбасса, в том числе и горные кряжи и гряды Горной Шории.

В южной стороне поднимаются высокие вершины: Дедова гора, Зеленая гора и другие. На их склонах — небольшие снежные поля. На грани горизонта поднялась цепь еще более высоких, покрытых снежными полями гор. Я не сразу мог определить, какой это кряж, тем более, что сколь-нибудь подробной орографической схемы

кряжей и гряд Кузнецкого Алатау нет до настоящего времени. Отдаленный кряж протянулся с запада на восток. Это несколько необычно для системы Кузнецкого Алатау. Значительно выше всех гор поднялась вершина, словно гигантская пирамида. Я имел основание предполагать, что вижу хребет Тегир-Тыз («Небесные зубы»), а высокий пик есть не что иное, как Амзас-Таскыл, самая высокая вершина этого хребта (2178 м.) и вообще Кузнецкого Алатау. Между Большим Таскылом и кряжем Тегир-Тыз есть несколько вершин более высоких, чем Большой Таскыл, например, Б. Каным (1871 м.), цепь «Двенадцать вершин» (по Толмачеву).

Грандиозная картина открывается в юго-восточном направлении. Простым глазом хорошо видима соседка Б. Таскыла — двуглавая Церковная гора, хотя расстояние между ними не меньше 30 километров. На второй ее главе — высокий камень, напоминающий колокольню. Отсюда и название горы. Несколько дальше — гребень Абат-Таскыл. Из озера, которое находится у подножья горы, берет начало река Кия. С южного склона Абат-Таскыла берут начало Средняя и Нижняя Терси — притоки Томи.

На восток, юго-восток и юг от Большого Таскыла горная система богата вершинами и грядами.

Горная система Кузнецкого Алатау в его северной половине — весьма многообразная, сложная. Имеющаяся карта горной страны совершенно не передает богатства форм, обилия гряд, отрогов и отдельных значительных вершин. Эта горная система еще не изучена, известны только части ее, только некоторые детали. Множество кряжей и гряд, не говоря уже об отдельных вершинах, совершенно не имеет названий.

6. ГОРА

Большой Таскыл имеет две главы, две вершины, почти одинаковые по высоте, расположенные с юго-востока на северо-запад в километре друг от друга. Северная глава — голец от самого верха до седловины. Южная — чуть ли не до самого верха покрыта кустарниками и полярной, березкой. Только самая макушка купола обнажена. Седловина между куполами и большая часть горы, кроме отдельных склонов, заняты преимущественно кустарниковой и низкорослой растительностью. Однако в отличие от тундрового пейзажа на горе растут мощные травы черневой тайги.

Обширные пространства седловины, северные склоны, ложины, впадины и ущелья заполнены снегом. В некоторых местах на северной и северо-восточной сторонах горы снег постоянный, вечный. Это отмечали все путешественники, побывавшие на Б. Таскыле. Зимой снега скопится так много, что он не успевает растаять в течение лета.

На местах отступления снежного поля появились травянистые растения, в особенности чемерица; там, где долго держался снег, после его таяния появляются таежные травы: борщевик, борец, пучка. Типичной альпийской высокогорной растительности на Б. Таскыле нет.

Рельеф и ветры вынуждают снежные поля располагаться в определенной закономерности.

На южном склоне горы снежный покров не бывает мощным и весною долго не сохраняется. Это — работа ветра и солнечных лучей. На вершине северного купола снег совсем не держится. Его сдувают ветры.

От главного северного купола в северо-восточном направлении идет развитая лощина, переходящая затем в глубокое узкое ущелье. К сожалению, лощину нельзя описать подробно. Она оказалась заполненной снегом до самого ущелья реки Громатухи. В конце лощины из-под снега вырвался мощный водный поток и вливался в Громатуху. Между

куполом и этой ложиной-ущельем имеется прямая связь: или эта лощина представляет собой ложе древнего ледника, или ее образовали воды в более позднее время. Есть основание сказать, что здесь когда-то был ледник, а затем продолжала действовать вода.

О том, что здесь был ледник, говорят и другие признаки. В самом низу ущелья к нему почти под прямым углом подходит другое ущелье, ограничивающее гору Б. Таскыл с северо-восточной стороны. Оно тянется в северо-западном направлении. Это ущелье развивается из лощины, которая отделяет Б. Таскыл от отрога по правой стороне ущелья речки Громатухи. Глубокое и узкое ущелье заполняется снегом. По ходу ущелья можно сделать предположение, что оно было вырыто ледником, который тянулся от южной вершины Большого Таскыла.

Результатом взаимного действия ледников и водных потоков в далеком прошлом образовалось также ущелье, по которому теперь течет речка Громатуха — гремющий горный поток.

Результатом работы ледников является горное озеро, расположенное в начале большого ущелья речки Громатухи. Озеро имеет почти круглую форму. Дно его уложено камнем. Озеро питается снежной талой водой, избыток которой вытекает в Громатуху. Вода прозрачная, безвкусная. Озеро сильно промерзает. 1 июля в северном секторе озера еще держался нерастаявший, зимний лед. В озере нет рыбы, сюда никогда не прилетают птицы: им нечем здесь питаться.

С обеих сторон узкого ущелья Громатухи высятся горы с крутыми склонами, заросшими пихтой, кедром, редко елью, осиною, березой и кустарниками. Встречается черемуха, рябина, желтая акация.

По восточной стороне ущелья Громатухи идет тоже горная гряда. Ее звенья разделены узкими лощинами и ущельями.

Один гребень гряды получил у местных жителей название

«Барометр». На горе скопляется много снега. В начале весны здесь образуются лавины.

«Барометр» — не случайное название. Летом, а особенно осенью и зимой, перед надвигающейся бурей на горе возникает гул, а затем слышны протяжные звуки сирены. Их слышно приблизительно за сутки до начала бури. Гора как бы предупреждает о надвигающейся опасности.

С западной стороны ущелья Громатухи находится уже упоминаемая выше гора «Высокая», приблизительно равная по высоте горе «Камень».

От Высокой горная гряда продолжается до устья Громатухи. Можно допустить, что когда-то берега реки были одной грядой. Но ледник, а затем возникшая река разделили гряду ущельем. Не случайно берега очень сходны между собою по строению и высоте.

7. ГОРА, ОКУТАННАЯ ВЕТРАМИ

Когда мы спускались с вершины Б. Таскыла по лошине ущелья, я заметил, что у всех крупных деревьев крона была только с одной стороны, противоположной вершине горы (флагообразная). В ту же сторону деревья имели общий наклон. Это — классический образец влияния господствующих ветров.

Господствующие ветры в северной части Кузнецкого Алатау юго-западные. Вершина Б. Таскыла совершенно открыта для них. Движущиеся массы воздуха постоянно бьют в купол горы, перекатываются через него и сваливаются по лошине. Воздушные потоки несутся по суживающейся лошине, усиливая давление на стены ущелья и дальше врываются в узкое ущелье речки Громатухи, словно в гигантскую трубу. Потоки воздуха частью несутся по дну ущелья, а в большей своей массе — по верху горной гряды правого берега Громатухи. Они ударяют в гору «Барометр». Здесь среди деревьев в узких нагорных ущельях ветер гудит.

Гора Б. Таскыл, поднимаясь на полтора километра, испытывает на себе действие не только движущихся воздушных масс, но и облаков. Местные жители говорят о том, что вершина горы, особенно северный купол, часто бывает в облаках. Они сваливаются в направлении ветра вниз по северо-восточному склону горы, т. е. по лошине.

В западной части Кузнецкого Алатау — обильные атмосферные осадки. Летняя тайга переувлажнена, заболочена. Обильные травы в два-три метра высотой, быстро гниющие стволы упавших деревьев, слабая устойчивость деревьев на корню, повсюду потоки воды. Поселки засыпает снегом и некоторые дома в течение зимы не раз приходится откапывать.

При обилии зимних осадков в Кузнецком Алатау можно предполагать, что на Б. Таскыле оседает их особенно много. Господствующие ветры, сдувая их с вершин, концентрируют снежные массы на северном и особенно на северо-восточном склонах горы. Именно здесь и лежат огромные снежные поля, снегом забиты все ущелья, лошины.

Ветру можно приписывать значительную роль в изменениях поверхности горы. В том, что вершина горы голая, немалая роль принадлежит ветрам. Они здесь настолько мощны и часты, что даже карликовая растительность не выживает.

Направление лошины ущелья по северному склону горы от северного купола в точности совпадает с направлением господствующих ветров. Если не прямо, то косвенно ветер способствовал образованию этой линии, оформление ее. На вершине купола и на склонах его заметен процесс разрушения горных пород: много разбросанных крупных и мелких камней. Немало их и в начале ущелья Громатухи.

Мы испытали на себе силу ветра, когда он, перелезав через купол, скатывался вниз по северно-

му склону: на открытом месте трудно устоять, подъем на купол во время встречного ветра невозможен.

Спуск с вершины Б. Таскыла оказался более легким и быстрым, чем восхождение. Мы двигались по ложине-ущелью. Этот путь наиболее короткий и сразу выводит на тропу по ущелью Громатухи. Ущелье в этом месте почти до краев наполнено снегом, вернее, льдом-снежником. Он легко

выдерживал людей и лошадей. Ущелье падает круто, дорога скользкая. Лошади очень осторожно выбирали место для каждого шага. Под нами, на дне ущелья, шумел поток.

После остановки у озера мы сошли со снега на едва приметную тропу. В последний раз я посмотрел на Б. Таскыл. Грандиозный северный купол горы, темный от обнаженного камня, вышает на фоне ясного неба.

Дорога в жизнь

(Из поэмы)

У Матрены Петровой
Нынче праздник большой:
К ней из города в гости
Сын приехал старшой.
Не пылил сапогами,
Не шагал по тропе —
На авто, как на птице,
Поддетел, он к избе.
Целый день от машины
Не прогонишь ребят.

— Загляденье!
— Картина!
— И своя, говорят.

Черным лаком облита,
Так и светится вся,
Остроглазые фары
На прохожих кося.
Пионеру любому —
Чуть повыше плеча...
Всем селом собирались
Посмотреть «Москвича».
Старики ухмылялись,
Мол, Егор то хитер:
Он, наверно, начальник,
Никакой не шахтер.
Для шахтера простого
Эта вещь — не с руки...

Были мненья такого
Не одни старики.
Младший брат на Егора
Наступал стороной:

— Все в забое?
— В забое.
— Рядовой?

— Рядовой.

В новой форме шахтерской,
С виду — вроде моряк,
Гость дымил папироской,
Отвечал — что и как.
Плыл в широкие окна
Свет вечерней зари...

— Вот хлеба уберете,
Приезжай, посмотри!
Все облазим с тобой,

Если есть интерес.
А захочешь — пристрою.
— Мне не скучно и здесь...
Где-то песня крылато
Пронеслась не спеша...
— А большая зарплата?
— Будешь спать — ни гроша.
Ну, а если заране
Это дело учесть,
Каждый месяц — в кармане
Тысяч пять или шесть.
Но скажу тебе сразу:
Кто за длинным рублем
К нам на шахту приходит,
Мало проку в таком.
Знай, любовь к ней мы носим
Не в кармане — в груди.
И с грошовым вопросом
Лучше к нам не ходи.
...Любовалась сынами
Молчаливая мать.
С малых лет у обоих
Богатырская стать.
Ясноглазы и русы,
Встанут в ряд — как один.
Только тот, что безусый,
Тот с «характером» сын.
Непослушный, упрямый,
Хоть и с доброй душой...
В сердце матери старой
Нынче праздник большой.
Наглядеться не может,
Как в былые года,
На желанного гостя,
На Героя Труда.
А давно ли в пеленки
Пеленала его,
Поджидала из школы
У крыльца своего?
Все боялась, что мальчик
Может в жизни пойти
Без отцовского глаза
По пласхому пути.
Да явилась в округу
Справедливая власть,
Подала ему руку,
Чтоб не мог он упасть,
В люди вывела сына!..
Кем же будет второй,
Нелюдимый и гордый,
Непутевый такой?
Полюбил он работу
И ученье забыл.
А ведь жил бы иначе,
Если б грамотней был.
Для надежного дела
Много в жизни дорог.
Знать, сама проглядела,
Постарела не в срок.

Материнские думы
Будто понял Егор.
Снова с братом угрюмым
Завязал разговор.
Спичка вспыхнула сухо
В чуть дрожащей руке.
Не смолчала старуха,
Притаившись в уголке:
— Объясни ему, Гоша,
Все, как есть, объясни.
И толков, и пригож он,
А на людях — в тени.
В этот миг у порога
Парень в кепке — сосед.
Встал, смущенный немного.
— Добрый вечер!
— Привет!
Николай оживился,
Другу искренне рад:
«Хоть при нем не сердился б,
Не ругал меня брат».
Не до ссор и Егору.
Как хозяин в дому,
Руку парню пожал он,
Стул подвинул ему.
Сел. Блеснул портсигаром,
И минуту спустя,
Как с приятелем старым
Говорил с ним шутя.
«Вот какой он, шахтер-то,—
Думал парень меж тем,—
И звезда, и медали,
А простецкий совсем».
И светилась улыбка
На лице паренька.
Под бровями сверкали
Два живых огонька.
В них тревожно и зыбко
Разгорались мечты,
Словно в дальние дали
Он взглянул с высоты.

★ ★ ★

Ночь... Стернею колючей
Шли друзья по полям.
Дождь сочился из тучи
Со снежком пополам.
«Засосет тебя тина», —
Дождь шептал одному.
И другой про Егора
Думал, глядя во тьму.
Вспоминал он шахтера,
И казалось порой,
Что не пашней идет он,
А подземной тропой,
Дружба в жизни — страда.
Но решил Валентин:

— Не желаешь — не надо.
Я уеду один. —
Тот опять равнодушно
Отмахнулся:

— Валяй!
Мне без шахты не скучно...
— Подожди, Николай.
Если что — мы обратно.
Жили-были — и нет...
Понимаешь?
— Понятно.
Подходящий совет.
Но — молчок! Ни соседям,
Ни своим старикам.
Просто к брату, мсл, едем.
— По рукам?
— По рукам!

★ ★ ★

— Может, там и найдешь ты
В жизни место свое, —
Говорила старушка.
Собирая белье. —
Да не дуйся на брата,
Будь поближе к нему.
Он добра тебе хочет,
Учит делу, уму.
Где всердцах и обидит,
Помолчи — не беда.
Он ведь дальше нас видит
Не на день, на год.
Он-то знает, какая
Будет жизнь впереди.
Комсомол одобряет —
Значит, надо — войди.
И про деньги ни слова —
Мой наказ, во-вторых.
Прав Егор — для иного
Только горе от них.
— Ладно, ладно.
— И с богом.
Путь счастливый, сынок! —
Перед тем, как покинуть
Свой родимый порог,
Зная русский обычай,
Отдал матери честь:
Вместе с ней у порога
Не забыл он присесть.
Не забыл на прощанье
Оглядеться кругом —
И таким вдруг уютным
Показался весь дом,
Так в душе защемило
От всего, что до слез
Было дорого, мило —
Все бы взял и унес!
Помолчали и встали.
Сын взглянул на часы.

А с портрета сам Сталин
Улыбался в усы.
Будто знал он все мысли.
Все, чем жил Николай,
Будто, в путь провожая,
Ободрял: не плошай!
Будто он Николая
Отправляя из села
На дела трудовые,
На большие дела.

★ ★ ★

На рассвете Николая
Поднял брат — он рано встал.
Паренек, в ладонь зевая,
Буркнул:
— Сам бы не проспал.
— Ну, садись-ка, выпьем чаю.
То, что сам ты, друг, с усам,
Нынче, так я понимаю,
С молотком докажешь нам?
— Постараюсь. Будь спокоен.
Докажу, хоть не Герой.
— Это что ж, Аника-воин,
В чей ты адрес метишь, в мой?
Ловко пойманный на слове,
Усмехнулся Николай.
И опять насупил брови:
Дескать, в чей там — понимаю.
...Вот и шахта. Путь недалний.
Миновали длинный двор.
Николай из раздевальни
Шел — ни дать, ни взять — шахтер.
Как и брат, в спецовке, в каске.
(Может, он и есть Герой!)
Шел, а сам не без опаски
Думал: «Как там — под землей?»
Не заметил, как с толпою
Оказался у ствола.
Чуть отстал... Махнул рукою,
Эх, была, мол, не была,
И под чей-то окрик: «Живо!»
Под людской неясный гул
На пол клетки торопливо,
Как на хрупкий лед, шагнул.
Вдруг услышал шопот брата:
«Не тушуйся! Просмеют».
Огляделся виновато:
Все ребята рядом, тут.
Смех и говор. Кто-то басом:
— Из деревни? Молодцом!
А другой:
— Перед Кузбассом
Не ударьте в грязь лицом!
Лишь хотел окликнуть друга,
Как почувствовал тотчас:
Клеть чуть дрогнула упруго
И, как в пропасть, понеслась.

На минуту став смелее,
 Думал только про одно:
 «Поскорее, поскорее
 Опуститься бы на дно!»
 Наконец, и остановка!
 А в руках, в коленях — дрожь.
 «Оборвись она, чертовка,
 И костей не соберешь».
 После радостного вздоха
 Понял: не к чему тужить.
 «Э, да тут совсем неплохо.
 Пообвыкнешь — можно жить!»
 Вагонеток стук ритмичный.
 Лампы-звезды. Топот ног.
 И почти земной, обычный
 Вездесущий ветерок.
 И решив держаться твердо
 В первый свой шахтерский день,
 Словно вызван для рекорда,
 Сдвинул каску, набекрень.
 Брат косился осторожно:
 «Есть, — припомнил, — где-то здесь
 Старый штрек... Пробраться можно..
 Пособью-ка с парня спесь!»
 И спросил:
 — Так как же, Колька? —
 Хлопнул брата по плечу.
 — Перетрусил, а?
 — Нисколько.
 — Хочешь с нами жить?
 — Хочу!
 — Коли так, то будь, как дома
 И шагай за мной пока.
 Непривычно, незнакомо
 Все вокруг для новичка.
 Загравев у поворота —
 Не поймешь тут ничего! —
 Ослепительное что-то
 Надвигалось на него.
 Вроде не было мороза —
 Стало холодно спине..
 Сторонясь электровоза,
 Николай прильнул к стене.
 Пронесло... И вновь — за братом.
 Тот маячил впереди.
 — Хорошо у нас!
 — Куда там.
 — Хорошо!
 — Вели. вели..
 Без конца, кажись, без краю
 Тесный, низкий коридор.
 Кто бы знал, как Николаю
 Захотелось на простор!
 Оступаясь, спотыкаясь,
 Шел он пьяному подстать,
 Про себя впервые каясь,
 Что решил шахтером стать.

И метался влево, вправо
Впереди от лампы свет.

Голос брата:

— Скоро лава.

— Не устал, Аника?

— Нет.

Сплюнул парень. Что за шутки!

Под ногой опять вода...

...Сколько: час прошел иль сутки,

Как спустили их сюда?

В шахте было тихо, глухо,

Как пред бурей... И вдруг

Робкий звук дошел до слуха.

До чего знакомый звук!

Тюк да тюк. Все чаще, чаще.

Будто ждали до поры

И внезапно где-то в чаше

Застучали топоры...

Брат склонился:

— Так. Постой.кз.

И в отверстии исчез.

Голос снизу:

— Видишь — стойка?

Наступай. Нащупал? Лезь.

Снова путь — по ребрам бревен,

Как в колодец, в полумрак.

«Пропадешь тут, час неровен,

Ни за грош, ни за пятак».

Стук все ближе. В тусклом свете

В стороне — уступ, другой.

«Вот откуда звуки эти!

Значит, где-то здесь забой».

— Скоро мы придем.то?

— Скоро!

Перевел парнишка дух.

А в забое у Егора

Сел и выругался вслух:

— Тьфу ты! Хуже, чем работа.

— Что?

— Да здешняя ходьба.

Каску снял и капли пота

Рукавом смахнул со лба.

— Новичок? —

И сменщик брата

Подошел. Качнулась тень.

— Прибывают к нам ребята!

Ну, здорово!

— Добрый день.

Чернолицый и усталый,

Он счастливо руки тер:

— День-то добрый, впрямь, пожалуй.

Нормы две я дал, Егор!

— Так, — ответил тот с улыбкой, —

Жми и будешь впереди.

Уморишься?

— Нет, не шибко.

— Ну, иди домой. Иди.

— Жми и ты!

— Не жодкачаю.

Луч скользнул, разрезал тьму...

Повернувшись к Николаю,

Брат подсел, сказал ему:

— С непривычки трудно, ясно.

Что же, можно отдохнуть...

Только я ведь не напрасно

Выбрал этот трудный путь.

— А другие что — в ремонте?

Брат прищурился хитро:

— Нет. На этом горизонте

Есть дорожка — как в метро.

— Так за чем же дело стало?

— Мучил я тебя к тому,

Чтобы с самого начала

Ты понюхал — что к чему.

— И обратно?!

— Нет, обратно

Там, где хоят все, пойдем.

(Там где все? Ну да, понятно:

От ствола-то шли вдвоем).

Николай, хоть был расстроен,

Головой качнул: хитер!

— Не сердись, Аника-воин, —

Пошутил опять Егор.

Сам спокойно, деловито

Встал и пыль с шахтерки сбил.

Точно в комнате обжитой

Он в своем забое был.

Между тем, соединяя

Планг с отбойным молотком,

Думал он про Николая:

«Станет нет ли горняком?

Ведь горняцкая ж натура —

И настойчив и упрям...»

Стоя рядом, парень хмуро

Взгляд кидал по сторонам.

И в его надеждах смутно

Что-то бодрое росло...

Да, в забое, впрямь, уютно.

Как в избе. Тепло. светло.

А когда за глыбой глыба, —

Уголь вниз помчит рекой.

Скажет всяк тебе спасибо.

Молодец ты, мол, какой!

Полнял камешек блестящий...

И услышал точно вдруг:

«Уголь — это настоящий

Хлеб промышленности, друг».

Так же бережно когда-то

Мял он в пальцах чернозем...

Вспомнил дом... Взглянул на брата.

— Ну, начнем, Егор?

— Начнем!

На! Торжественно вручая. —

И как верный автомат.

Молоток свой Николаю

Протянул любовно брат.

— Покажи медвежью хватку!

Бей сюда вот. Начинай.
 Осторожно рукоятку
 Сжал волнуясь Николай.
 Промелькнула мысль: «Гляди-ка!
 Докажу. Тебе назло».
 Раз! И в пласт вонзилась пика.
 Застучало, затрясло.
 Хорошо! Еще немного.
 И еще налег на пласт.
 А в душе уже тревсга:
 «Неужели, чорт, не сдаст?
 Да чего ж тогда я стою!»
 И нажав, что было сил,
 Пику, бившую пыльюнок,
 До пружины вглубь вонзил.
 — Стоп! — раздался рядом голос. —
 Погоди!
 И тихо вновь.
 «Ни куска не отскочило.
 Ни куска!» — стучала кровь.
 — Этак вовсе не годится.
 (Приговор, а не укор!)
 — А еще — «К чему учиться!» —
 Замолчал, вздохнул Егор.
 После краткой гневной вспышки
 Мягче:
 — Дай-ка покажу. —
 Поглядел в глаза братишке.
 — Бей вот так, по квиважу.
 Что-то высмотрел. И ровно
 Вновь зацокал молоток.
 ...Глухо грохнулся на бревна
 Черный угольный кусок.
 А за ним — второй и третий.
 И пошло, пошло, пошло...
 «В чем же суть? В каком секрете?
 Как же мне не повезло?».
 С непокрытой головою,
 От досады сам не свой.
 Николай смотрел с тоскою.
 Как рубил шахтер-Герой.
 Забывая неудачу.
 Он смотрел, смотрел, смотрел.
 Точно главную задачу
 В жизни всей решить хтел.
 Стой... Ага..
 — Теперь сумею! —
 Тронул брата за плечо.
 — Ну, берись, берись живее.
 Да не очень горячо.
 — Понял все! — сверкнул глазами.
 — Надо так, и вниз нажал.
 ...Отвалившись, под ногами
 Первый камень зашумшал.
 Вот оно, пути начало!..
 И увидел Николай:
 Все другим в забое стало.
 Жизни, света — через край!

Казачий сын Михайло Волков — первооткрыватель Кузнецкого бассейна

Кто открыл сокровищницу Сибири — Кузнецкий каменно-угольный бассейн? Был ли это иностранец, как утверждают буржуазные историки и предполагали даже некоторые советские исследователи, или же честь открытия крупнейшего в мире угольного бассейна с неиссякаемыми запасами первоклассных углей принадлежит сыну русского народа?

В течение долгого времени этот вопрос оставался неясным. Однако теперь исследованиями советских историков, работами историка Кузбасса В. И. Шемелева, доктора экономических наук т. Зварыкина, сотрудниками московского горного института им. товарища Сталина (И. И. Каплан и др.) с достоверностью установлено, что Кузнецкий бассейн в начале XVIII века был открыт казачьим сыном, рудознатцем, крепостным крестьянином помещицы Пелеев — Рязанской провинции.

Первые поиски драгоценных и цветных металлов в Сибири начались уже в конце XVII века. В 1680 году при царе Алексее Михайловиче был издан Указ: «Разведывать и рассматривать, подлинно есть ли серебряные и золотые и оловянные руды, и буде где какие руды есть, и тоже руды посылать и опыты чинить».

В 1690-х годах на речке Каштак в нынешнем Тисульском районе была организована первая в Сибири плавка серебряной руды на Каштакском серебряном заводе. Лишь позднее, в 1705 году,

был организован Нерчинский завод, который обычно считается первенцем сибирской металлургии.

Несколько позднее по указу царя Петра: «...соизволяется всем, и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, так и минералы, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и каменья».

Однако, разрешая свободный розыск руд и обещая за это награду, государство сохраняло за собой право преимущественной скупки всех добытых металлов и минералов, грозя жестокими карами всем, «которые руды утаят и доносить о них не будут».

В числе немалого количества рудоискателей, направившихся в район Алтая и Кузбасса, находился крепостной — Михайло Волков. Вместе со Степаном Костылевым и Федором Комаром они нашли медную руду в предгорьях Алтая у Колыванского озера.

Интерес к каменному углю в те времена был невелик, так как ни какого применения в промышленности каменный уголь не находил. В поисках руд цветных и драгоценных металлов крестьяне-рудознатцы побывали и на территории нынешнего Кузбасса.

В 1721 году Волков, как значится в архиве Уральского горного правления за 1721—22 гг., «заявил по Томи в семи верстах от Верх-Томского острогу горелую гору 20 сажень высотой». Это и было первое сообщение об углях Кузнецкого бассейна или точнее о горелом каменном угле в районе нынешнего Кемеровского рудника, где в крутом обрыве над Томью имеются выходы каменного угля на поверхность.

Бергауэр немец Привецен, которому поступило это донесение, являлся не только весьма слабым специалистом, но и не был заинтересован в эксплуатации государством этих богатств. Дело о находке Волкова не получило особого развития.

7 мая 1722 года в центральное горное ведомство России — берг-коллегию — из Уральского горного округа было отправлено подробное донесение о результатах разведок полезных ископаемых, в приложении к которому на первом месте сообщалось, что в результате разведок найден «уголь каменный из Томска доносителя Михайло Волкова и руда железная из Томского уезда его ж Волкова»

Открыв в 1721 году горелую породу, Волков, как видно, тщательно обследовал это место и доставил через год в местное горное управление образцы ископаемого угля. Поэтому один из мощных пластов в Кузбассе назван Волковским.

При всей скудности сведений о Михайло Волкове несомненно то, что это был незаурядный рудоискатель, который уже тогда обратил достаточно серьезное внимание и потратил немало сил для открытия первого на востоке угольного месторождения.

В статье «Первооткрыватель Кузбасса Михайл Волков» И. И. Каплан указывает, что при разборе донесения в бергколлегии из ряда многочисленных находок главное внимание было обращено именно на сообщение о каменном угле. В резолюции бергколлегии указывалось, что «в том реестре нумера первого показан уголь каменный из Томска доносителя Михайла Волкова и о оном угле осведомить, невозможно ль оттуда водяным путем к заводам или рудникам, каким промыслам возить и о том рапортовать».

Никаких дальнейших сведений о судьбе Волкова и его открытии не найдено.

Сведения об угольных месторождениях Кузбасса неоднократно затем поступали в Петербург от различных рудоискателей.

В 1739 году горнопромышленник Акинфий Демидов подал правительству просьбу на разработку обнаруженных «подле реки Томь под г. Кузнецким угля».

Весьма вероятно, что уже в это время имели место отдельные случаи использования кузнецких углей для промышленных нужд.

Справка о первооткрывателе Волкове дана по материалам В. И. Шемелева и И. И. Каплана.

ПЕРВАЯ В МИРЕ РЕЛЬСОВАЯ ДОРОГА

(Выдающийся русский техник П. К. ФРОЛОВ)

Сто сорок лет назад, 24 августа 1809 года, в Алтайском горном округе, куда входил тогда Кузбасс, вступила в строй первая русская рельсовая дорога с конной тягой. Она была построена на территории современного рабочего поселка Змеиногорск талантливым русским изобретателем Петром Козьмичем Фроловым.

Строитель назвал ее чугунной дорогой, так как основным материалом не только рельс, но и движущихся по ним вагонеток был чугун. Она предназначалась для транспортировки руды из отвалов Змеиногорского рудника к плавильным печам Змеевского завода. Дорога эта успешно действовала свыше 30 лет. Так в далекой окраине России, на много лет раньше, чем в других странах, впервые в мире, была решена крупнейшая техническая проблема — заложены основы нового вида транспорта — железная дорога, которые произвели переворот в транспортных связях, являясь важнейшим элементом промышленной революции XVIII—XIX веков.

Автор проекта, строитель первой в мире чугунной дороги, опирался на уже имевшийся опыт механизации транспорта русскими мастерами, работавшими на Алтае в XVIII веке на Колывано-Воскресенских заводах.

Ряд проектов по механизации транспорта создал отец П. К.

Фролова — крупнейший русский изобретатель XVIII века Козьма Дмитриевич Фролов. Еще в 1764 году он осуществил впервые в мире строительство автоматически действующего внутризаводского транспортера, обеспечивавшего подачу руды из-под толчей рудодробилки к бассейну промывательного станка. Транспортер конструкции К. Д. Фролова был частью оборудования первых в мире автоматов-заводов, предназначенных для промывки руды и ее обогащения. Все подвижные части рудодробилки, промывательного станка, рудной сортировки, а также и транспортер приводились в движение единственным водоналивным колесом — центральным двигателем большого завода. На многие годы опередил К. Д. Фролов мировую технику не только автоматизацией производства и централизацией двигателя, что само по себе уже явилось крупнейшим техническим достижением, но и внедрением в производство нового вида транспорта, двигателем которого являлось водоналивное колесо. Так впервые двигательная сила животных и человека была заменена во внутризаводском транспорте новой силой — воды.

Рудобогатительные заводы-автоматы конструкции К. Д. Фролова действовали 36 лет. За период с 1764—1779 гг. К. Д. Фролов построил пять таких заводов на

р. Корбалихе (Змеиногорск) и два на территории Семеновского рудника, соседнего с Змеиногорским. На этих заводах промывалось и сортировалось огромное количество руды. Только на одних Корбалихинских заводах его конст.рукции с 1769 по 1783 год было промыто и обогащено более трех миллионов пудов руды. Вся эта руда была поднята и перевезена от толчей к промывательным станкам транспортерами, изобретенными К. Д. Фроловым, уральским мастеровым, получившим за свои выдающиеся изобретения звание горного инженера.

Другим талантливым предшественником Петра Козьмича Фролова был алтайский мастер Ваганов.

В найденной автором настоящей очерка в фондах Алтайского краевого государственного архива биографии мастера Федора Савельевича Ваганова (1794 года) записано, что он еще «в 1778 году при Семеновском руднике по собственному его расположению для выкатки руд из нутри горы и пустого камня от Надеждинского гезенга, через 70 сажен расстояния посредством ворота и канатов в отмену обыкновенных тачек учреждена тележка, в которую полагалось руд по 50 пудов и более с задолжанием рабочих по 8 человек, чрез что лучший успех действовал и расход свеч уменьшен»¹⁾.

Во времена Ваганова в рудниках Англии уже начали применять деревянные рельсовые пути, по которым рабочие двигали тачки, какими они пользовались и без всяких рельс. Ваганов внес свой проект и осуществил его во имя «отмены обыкновенных тачек», введя между человеком-двигателем и тележкой, катящейся по колесопроводам, ворот, облегчающий работу путем уменьшения силы тяги. Проект и первая в России построенная по нему подземная рудничная дорога Ф. С. Вагановым была значитель-

но совершеннее всех известных тогда рудничных дорог, хотя и использовала в качестве двигателя ручной труд людей. Горное начальство поставило в заслугу изобретателя «экономию свечей», отметив одновременно, что в сравнении с прежней откаткой предложение Ваганова имело «лучший успех». Изобретение Ваганова значительно облегчило труд откатчиков руды на Семеновском руднике. Они перестали толкать перед собою нагруженные рудой тачки в низких и узких извилистых подземных ходах, тускло освещенных на поворотах салными свечами, об экономии которых так заботилось горное начальство.

Дальнейший шаг по пути развития транспорта сделал К. Д. Фролов, предложивший в 1783 году автоматизацию откатки руды на Змеиногорском руднике. В своем проекте (подлинник которого хранится в Алтайском краевом государственном архиве), К. Д. Фролов описал полную автоматизацию не только откатки руды из забоев на поверхность, но и подъем руды через шахты и вылику воды насосами. Все эти машины должны были приводиться в действие огромным водоналивным колесом (диаметром в 19 м.), установленным внутри подземных выработок на глубине 25 м. от поверхности земли. Откатка должна была производиться при помощи тележек, в каждую из которых можно было бы помешать до 50 пудов руды. По подсчетам К. Д. Фролова это могло заменить 64 человека, производивших ту же работу при помощи тачек. В целом все машины сооружения заменили бы 195 человек в двух шахтах (Екатерининской и Преображенской) и в разносе, выполнявшим до того всю работу ручным способом. «Облегчение труда людей и замену их машинами»²⁾ — вот что выдвинул он целью своего проекта.

1) АКГА ф. I, оп. 2, д. 358, л. 391.

2) АКГА ф. I, оп. 2, д. 101, лл. 132—146.

Над своим прсектом К. Д. Фролов работал с 1785 по 1797 год, т. е. целых 12 лет. К. Д. Фролов полностью осуществил свой проект за исключением механизации откатки руды. Созданный им первый и единственный в мировой технике подземный каскад деривационного типа действовал свыше 50 лет, поражая смелостью, новизной и грандиозностью конструкций не только инженеров до-революционной России, но и советских инженеров и исследователей истории русской техники. Аналогичные сооружения были построены в ряде рудничных и заводских сооружений на Алтае, Урале, Нерчинске и других промышленных центрах России XVIII и XIX вв. Первые из них были построены еще при жизни К. Д. Фролова с его участием. К ним относятся: Алейский свинцово-плавильный завод (1774 г.), созданный по типу Корбалихинских фабрик-автоматов, Локтевский завод на Алее для плавки серебра (1782 г.), Гавриловский завод сереброплавильный в районе современного Кузбасса (1795 г.), механизация отлива воды на Благовещенской шахте Риддерского рудника (1798 г.).

В районе Кузбасса в начале XIX века были построены по типу Змеиногорского подземного сооружения машины Салаирского рудника, Гурьевского завода. Творчество К. Д. Фролова положило конец строительству гидротехнических сооружений старого типа, в которых заводские корпуса примыкали непосредственно к плотине. Работы по автоматизации откатки руды явились первым величайшим вкладом русского изобретателя П. К. Фролова в мировую технику, далеко оставляя позади все, что было известно в то время в этой области. Но еще более важным изобретением Петра Козьмича явилась чугунная железная дорога.

П. К. Фролов родился на Змеиногорском руднике 29 января 1775 г. Еще в раннем детстве наблюдал работу замечательных машин, изобретенных и построен-

ных его отцом. Уже в 1783 году девятилетним мальчиком он совершил поездку из Змеиногорска в Петербург, где проходил учебу в горном училище (ныне Ленинградском горном институте) до 1793 года. В 1798 году он отправился в первую служебную командировку в Нерчинский округ на закупку и транспортировку свинца для нужд Колывано-Воскресенских заводов. Этой работой он был занят до 1801 года, после чего вернулся в Барнаул. В 1802 году горное начальство направило П. К. Фролова в Петербург сопровождать караван с серебром. В 1804 году он вторично сопровождал караван с серебром до Петербурга. Длительные и дальние командировки, связанные с транспортными работами, познакомили его с состоянием транспорта на Колывано-Воскресенских заводах. Огромные затраты сил и тяжести примитивной ручной перевозки руды, камня и металла обратили на себя внимание талантливого изобретателя. Весною 1804 года он подает начальнику Колывано-Воскресенских заводов В. С. Чулкову свой первый проект, предложив в нем осуществлять перевозку руд от Зыряновского и Риддерского рудников на Змеевский и Локтевский заводы на баржах собственной конструкции по р. Иртыш. Проект был принят и осуществлен в 1804—1805 гг. Успешное разрешение транспортной проблемы в гористой местности с плохими гужевыми дорогами принесло П. К. Фролову заслуженную славу талантливого изобретателя.

После двух лет напряженного труда 15 января 1806 года П. К. Фролов подал рапорт начальнику Колывано-Воскресенских заводов В. С. Чулкову с просьбой разрешить строительство чугунной дороги от Змеиногорского рудника до Змеевского завода на расстоянии 2,5 версты (прибл. 2654 м.).

«Все транспорты в Колывано-Воскресенских заводах, производясь сухим путем, составляют

главный расход в оных», — писал Фролов в своем проекте).

«Сообразно заводским учреждениям на 2,5-верстном расстоянии должно производить перевозку руд на душу по 927,5 пуд., почему на 1.000.000 пудов потребуются употребить из приписных крестьян 1.078 душ, тогда как по устройении чугунной дороги понадобится употребить только двух человек и две лошади, чем в летние шесть месяцев перевезти можно все количество руд для годовой проплавки, заменяя, таким образом, крестьян в перевозке руд»²⁾.

Проект был утвержден, и летом 1806 года началось строительство первой в мире железной дороги с конной тягой. Тяжело было осуществлять его, находясь от ближайшего чугунолитейного завода на расстоянии свыше 800 верст (бывший Томский железоделательный завод на р. Томь-Чумыш), но Фролов преодолел эти трудности.

Учитывая огромные транспортные расходы при перевозке рельс, вагонеток и других деталей, П. К. Фролов предлагал «для выгодного устройства сей дороги употребить тот чугун, который в Змеиногорском руднике уже сколько лет остается без принесения прибыли от промываленных и других ныне не употребляемых устройств»³⁾.

Поскольку этот чугун приходилось переплавлять для литья «чугунных дорожек» и других вещей, в Змеиногорске и было построено две вагранки.

Вскоре, несмотря на то, что был использован весь чугун из старых сооружений не только Змеиногорского рудника, но и соседнего с ним Семеновского, чугуна стало нехватать и его пришлось доставлять в слитках с Томского завода. Поскольку Томский завод плавил руды, добываемые в районе Кузбасса, первая в мире железная дорога

была построена, таким образом, из кузнечного металла. Дорога, проложенная в России в 1806—1809 гг. П. К. Фроловым, строилась не только из отечественных материалов, но и русскими инженерами. Так, строить ее помогал Фролову горный инженер Михаил Сергеевич Лаулин, сын барнаульского мастерового, получивший образование в барнаульском горном училище под руководством первого русского электротехника В. В. Петрова.

Годы строительства чугуно-рельсовой дороги были для П. К. Фролова годами напряженной творческой работы. Летом он не только руководил строительством дороги в Змеиногорске, но также подготавливал осуществление второго проекта в области транспорта. Новый проект он подал 10 июля 1806 года также Чулкову, предлагая осуществлять доставку руды из Змеиногорска по чугуно-рельсовой дороге до с. Кашино (на р. Алей, в 180 км. от Змеиногорска). В Кашино нагружать руду баржи и сплавлять их до Барнаула вначале по р. Алей, а затем по р. Обь. Промеры глубин р. Алея и другого притока Оби, Чарыша, производились летом в 1807 году.

Занятый летом строительством вагранок, нивелировкой трассы, подготовкой к ее укладке на Змеиногорском руднике, опытным сплавом руд по Алею, П. К. Фролов немало времени уделял своим служебным обязанностям начальника чертежной и инспектора заводских училищ. В этой работе он также проявлял немало творческой инициативы. В феврале 1808 года П. К. Фролов внес третий проект об упорядочении Барнаульской казенной библиотеки, подробно разработав оригинальные правила учета библиотечных книг, методическое руководство для библиотекаря и условия использования фондов библиотеки читателями и школами.

¹⁾ АКА ф. 1, оп. 7, д. 420, л. 1.

²⁾ Там же, л. 2.

³⁾ Там же.

Летом 1808 года П. К. Фролов должен был следить за тем, как ведет караван судов М. С. Лаулин по Алею, как укладывают рельсы на чугунной дороге в Змеиногорске и как производится инвентаризация библиотеки в Барнауле по его системе.

Караван судов на Алее дошел только до его устья, дальше двигаться мешала мель. Суда пришлось разгрузить и изыскивать способ дальнейшего пути продвижения руды до Барнаула. П. К. Фролов тут же предложил проложить от устья Алея чугунную дорогу. Однако на посту начальника Колывано-Воскресенских заводов был уже не прогрессивный русский горняк В. С. Чулков, а немец Эллерс, который весьма враждебно относился ко всему новому и не согласился с проектом. Тогда П. К. Фролов предложил прорыть в устье Алея канал с двумя шлюзами. Зима застала проект в состоянии «изучения», его Эллерсом.

В Змеиногорске только к ноябрю сумели закончить укладку рельс. Однако зимою движение по дороге посчитали ненадежным и временно прекратили ее пробную эксплуатацию.

Весною 1809 года, закончив проверку инвентаризации библиотеки и работу в чертежной, П. К. Фролов выехал в Змеиногорск, где увидел, что дорога требует перестилки и ремонта. Сделав необходимые указания, П. К. Фролов поехал к устью Алея составлять смету по строительству шлюза. Вскоре он вновь возвратился в Змеиногорск. Все лето шли пробные испытания чугунной дороги, и, наконец, 24 августа 1809 г. состоялась ее пуск. Это был крупнейший шаг в мировой технике, подготовительный этап технического переворота, связанного с переходом к железнодорожному транспорту. Это был триумф русской технической мысли, победа русских инженеров, мастеровых, рабочих-строителей. Россия, которая дала миру паровую машину, величайшее изобретение XVIII века, является таким образом и

родиной нового вида путей сообщения — железных дорог, поскольку и паровая машина и чугунные рельсы, соединение которых положило начало железнодорожному сообщению, были не только изобретены, но и построены русскими инженерами. Нельзя не отметить, что оба эти изобретения были осуществлены в Алтайском горном округе, а первое железнодорожное полотно было построено из кузнечного металла.

Алтайский горный округ XVIII века — это далекий, но передовой в техническом отношении промышленный район России, где была ключом творческая смекалка русских техников. Весьма вероятно, что именно удаление от казенного чиновничьего влияния Центрального горного управления и явилось условием, способствующим созданию своеобразной «технической вольницы», благоприятствующей развитию творческой инициативы, смелых русских новаторов производства.

После строительства первой дороги основной заботой для П. К. Фролова стало осуществление проекта транспортировки руды из Змеиногорска в Барнаул.

Летом 1810 года П. К. Фролов был направлен на работы по сооружению плотины на реке Алей. Проект этой плотины был разработан Эллерсом в противовес предложению Фролова. Плотина Эллерса была сооружена Фроловым за 23 дня. Однако никакого проку от этого сооружения, в основе которого лежал ничемный проект, так и не получилось. Вода в старом русле Алея поднялась всего на полтора фута, что не имело никакого практического значения.

Между тем, от того, как будет работать чугунная дорога в Змеиногорске и как разрешится вопрос плавания судов без перегрузки до Барнаула по Алею, зависела судьба проекта Фролова по замене гужевого транспорта на Змеиногорском тракте водно-рельсовым по трассе Змеиногорск—Кашино—Барнаул. Однако уви-

деть конец испытаний сплава руды по Алею Фролову не удалось, так как в начале 1811 года его перевели на работу начальником чертежной горной и соляной экспедиции, и он уехал в Петербург.

С отъездом Фролова, который до сих пор еще в какой-то мере мог противостоять Эллерсу, внимание к его дороге заметно снизилось. Проект широкой механизации транспортных работ на территории Колывано-Воскресенских заводов, предложенный П. К. Фроловым в 1806 году, оказался за консервированным, оставшись неизвестным даже для императорского Кабинета (главное управление Колывано-Воскресенскими заводами, находившееся в Петербурге). Так с приездом Эллера закончилась история одного из крупнейших технических проектов механизации транспорта.

Железная дорога Фролова существовала до 1894 г.

В описании построенной в Змеиногорске чугунной дороги, сделанном в 1809 году горными инженерами Слатиным, Аистовым и Пазниковым¹⁾, указывается: «Дорога сия, начиная от рудника, проведена на 100 сажень во рву... За сим рвом дорога проведена на 188 сажень по мосту на 70 парах деревянных свай, потом на 381 саж. идет опять рвом разной глубины, за сим рвом на 36 сажень по ровному месту до долины, по которой течет Корбалиха, через сие место до завода сначала на 9 парах деревянных свай, а потом на 20 столбах каменных, у коих основание из гранитного камня, а прочее из кирпича. Между сими столбами сделаны деревянные арки или своды из брусьев. За сим дорога проведена на 8 парах деревянных свай до поворота. Поворот есть стоячий вал. Перед заводом дорога проведена флигелями (ответвлениями, перпендикулярными основной трассе — Н. С.) на деревянных сваях в левой стороне на 23, а в правой — на 55 парах».

Это краткое описание — свидетельство того, что П. К. Фролов осуществил прокладку дороги не только по поверхности земли, но и над ней. Он — построил первый в мире мост с каменными быками, по которому была проложена рельсовая колея. Осмотр остатков дороги показал, что она имела на грунте насыпь. Интересно место разветвления дороги на две ветви, где стоял поворотный круг, применяющийся и в наши дни на станциях для поворота паровозов. Отсутствие раз'ездов на трассе дороги П. К. Фролова привело к необходимости составить первый в мире железнодорожный график движения вагонеток. Фролов разработал также приемы проверки ширины колеи дороги и производил испытания прочности колес и рельс.

Для погрузки руды в тележки П. К. Фролов построил в начале дороги над ее линией бункеры, которые загружались вагонетками, двигавшимися по временным настилам чугунных дорожек, ведущих непосредственно к отвалам руды, из которых она подавалась на завод. Таким образом дорога имела своеобразную автоматизацию погрузки.

В описании дороги указаны способы укладки рельс и конструкция тележек-вагонеток. «По всей длине дороги набиты свай, на которых положены поперечные огнивы (шпалы Н. С.), а на сих продольные брусья, один с другими и с огнивами схваченные. На сих брусьях чугунных дорожек положено 2.778, из коих каждая пририта четырью железными гвоздями. Около дороги и по краям мостов сделаны перила из сосновых и пихтовых столбиков с таковыми же поручнями. Для возки руды по сей дороге сделаны три тележки, каждая на 2-х железных осях с четырьмя чугунными колесами, а для запряжки лошадей приделано к каждой по

¹⁾ АКГА. л. 128—130.

четыре с железными лапами крюков»¹⁾.

Первая русская чугунная дорога П. К. Фролова значительно опережала заграничную практику начала XIX века. Она имела все элементы современной железнодорожной колеи — рельсы, шпалы, костыли, отличаясь от современной железной дороги лишь в деталях. Теперь не строят дороги со сваями, вбитыми в почву, не используют чугуна в качестве материала для рельс. Форма рельса чугунной дороги П. К. Фролова была несколько иной, чем у современных дорог. Это была чугунная пластина с возвышающимся над нею продольным чугунным клином. На ободе колеса имелся жолоб, который охватывал клинчатую часть рельса. Обод колеса с обеих сторон опирался на пластинчатую часть рельса, прикрепленную к продольным деревянным брусам, которые были необходимы для предохранения изгиба и излома чугунных рельс. Профиль рельса дан не только по цитированному выше описанию дороги, но и по колесу вагонетки дороги П. К. Фролова, хранящемуся в Алтайском краевом музее.

Длина каждого рельса была около 190 см.

По опубликованным сведениям А. И. Кулибиным в «Горном журнале» (за 1836 год), чугунная дорога была тогда в действии. Кулибин так описывает ее: «Руды с Змеиногорского рудника кроме сухопутной перевозки крестьянами, урочниками и вольнонаемными людьми в прочие заводы, перевозятся в Змеевский завод по чугунной дороге, от самого рудника до завода на 1 версту 330 сажен: В одной большой тележке особого устройства на 4-х колесах одною лошадию перевозится руды в один раз по 150 пудов, а в день 4 лошади (в две смены) и двумя тележками 2.240 пудов. В случае надобности, употребляют

и 4 тележки, на коих (8 лошадей) перевозится в день 4.480 пудов. Каждый пуд руды сею перевозкою обходится по 0,25 копейки»²⁾.

В том же журнале рекомендовался вниманию заводчиков опыт некоего французского инженера Клозеля, строившего временные железные дороги с рельсами клиньями, которые крепились к шпалам путем их закалывания с помощью деревянных брусков. Подобного рода крепление рельс употреблялось и в Англии в начале XIX века. Таким образом П. К. Фролов опередил эту технику на целых 23 года.

Как относилось горное начальство к новому виду транспорта, введенному в практику П. К. Фроловым и как он сам оценил достоинство конной чугунной дороги после двухлетнего ее испытания?

Сведения об эксплуатации чугунной дороги имеются, начиная с 1809 года по 1817 год. За это время по ней было перевезено более 2,7 миллиона пудов руды. Это число называют горные инженеры Бурнашев, Хлопин и Карпинский, производившие ревизию дороги в 1817 году. Подводя итог перевозки руды по чугунной дороге, комиссия 1817 года сочла нужным записать: «Насие количество руд потребовалось бы 2.954 души крестьян и расход им в плату 6.203 руб. 40 коп., а израсходовано на провоз 911 руб. 76 коп. Прибыль 5.291 руб. 64 коп.»³⁾. Не следует забывать то, чего не подчеркнула комиссия. Дорога П. К. Фролова освобождала в год до 370 крестьян от выполнения ими транспортных работ на условиях барщины. Использование дороги тормозило до конца своей «деятельности» на посту начальника Кольвано-Воскресенских заводов немец Эллерс. Характерно, что в 1816 г. по дороге П. К. Фролова было доставлено на завод всего 17.205 пудов руды, тог-

1) АКГА. л. 128—130.

2) «Горный журнал», ч. 2, кн 5, стр. 334—335.

3) АКГА, ф. I, оп. 7, д. 420, л. 281.

да как в следующий 1817 год (когда Эллера заменил П. К. Фролов) по той же дороге было вывезено руды 521,241 пуд¹⁾.

Только в 1817 году императорский Кабинет получил сведения о чугунной дороге, которые не сообщал ему Эллерс на протяжении 8 лет. Но, ограничившись благодарностью П. К. Фролову, тогда уже начальнику Колывано-Воскресенских заводов, Кабинет не поднял вопроса ни о распространении опыта Фролова на всю Россию, ни о реализации проекта чугунной дороги Змеиногорск—Кашино и Барнаул—Усть-Алейская. Сам П. К. Фролов не внес этого проекта или подобного ему после 1817 года. Чугунная дорога в Змеиногорске оставалась единственной в России дорогой с рельсовой колеей до 1830 года, т. е. до момента постройки Черепановыми на Урале второй в России рельсовой дороги, и первой русской железной дороги с паровой тягой.

П. К. Фролов высоко ценил чугунные дороги после испытаний первой из них, построенной им в Змеиногорске. Находясь в командировке по исследованию соляного промысла на сз. Эльтон в 1812 году он «исследовал месторасположения дороги, лежащей к Елтонскому озеру, производил нивелирование между Елтонским озером и Волгою, исследовав во всех отношениях, нужных для устройства чугунной дороги, рассмотрел и сообразил с местоположением удобства и возможности устройства канала и, сделав сравнение таковых устройств относительно выгоды того и другого проекта, представил проект чугунной дороги²⁾».

Но и этот проект остался достоянием архива. Чугунная дорога Эльтон—Волга, предложенная П. К. Фроловым, не была осуществлена. Не это ли служило причиной того, что больше подобных проектов П. К. Фролов не вносил?

Однако и то, что осуществил П. К. Фролов в Змеиногорске в 1806—09 гг., устанавливает приоритет русской творческой мысли в области автоматизации железных дорог, строительства железнодорожных мостов, графиков железнодорожного движения и что особенно важно — рельсового пути, как одного из основных элементов железнодорожного транспорта (рельсовый путь, паровая тяга).

П. К. Фролов сыграл крупную роль в развитии не только техники, но и культуры на Алтае. Его проекты 1806—1812 гг. являются лишь началом его деятельности. В годы руководства Колывано-Воскресенскими заводами он впервые в России ввел плавку железной руды на коксе (на Гурьевском заводе, современного Кузбасса), механизировал ряд рудников и заводов, воспитал из среды мастеровых замечательных новаторов техники, присвоив им звание инженера. В числе таких инженеров были М. С. Лаулин, П. Г. Ярославцев, Я. Н. Попов.

П. К. Фролов содействовал научному изучению Алтая и Салаирских гор. Он выдвинул из среды горных инженеров бывшего писаря Г. И. Спасского на научную деятельность, создал ему условия для изучения истории Сибири. По инициативе П. К. Фролова началось изучение истории горного производства, построен ряд моделей машин, изобретенных русскими инженерами, в их числе знаменитая модель машины И. И. Ползунова, хранящаяся в настоящее время в Алтайском краевом музее.

Продолжая творчество своего отца, П. К. Фролов немало сделал в области облегчения участи крепостных крестьян Колывано-Воскресенских заводов. Он понизил нормы барщинных работ на Колывано-Воскресенских заводах, беспощадно предавал суду т. н. крестьянских управителей за

1) АКА, ф. I, оп. 7, д. 420, л. 281.

2) АКА, ф. I, оп. 2, д. 381, л. 4.

взятки с крестьян и жестокое с ними обращение.

П. К. Фролов основал первый в Сибири Барнаульский музей (1827 год), ныне Алтайский краевой музей, первую типографию в Барнауле с бумажной и переплетной фабрикой при ней, положил начало метеорологическим наблюдениям, предписав в 1830 году построить для их производства магнитный павильон (метеорологическую станцию первого разряда). Он основал театр, хор и оркестр в Барнауле и, по словам его первого биографа С. Кулибина, «своей образованностью при-

дал барнаульскому обществу иное направление».

29 января 1950 года исполняется 175 лет со дня рождения выдающегося русского техника П. К. Фролова. Эту знаменательную для истории русской техники дату советский народ встречает досрочным завершением плана новой сталинской пятилетки. Светлая память великого русского изобретателя навеки сохранится в сердцах советских людей, гордых своими победами, своим великим прошлым, своими выдающимися деятелями, обеспечившими приоритет русской науки и техники.

Бий и Кадын

Легенда

Давным-давно, когда Ойротские горы не были столь высоки, а лога между ними не были столь глубоки, меж множества гор выделялась красавица Белуха.

Белуха от ясного солнца родила дочь-красавицу Кадын.

В то же время в одной из долин, меж скалистых гор, на дне золотом, от сильного ливня родился сын Алтын-нор. И считал себя он счастливее всех, потому что он на золоте рожден.

Кадын с шумом и ревом гуляла по ущельям, по долинам, по лесам, обрушая свои берега, прыгала водопадом, играя стопудовыми камнями.

Алтын-нор в то время стоял неподвижно, как все озера, и завидовал стремительному бегу красавицы Кадын. Как ни пытался он позабавиться, поиграть на свободе, но кроме шума от злых вздыбленных волн, да монотонных звуков, издаваемых ударами волн о скалы, ничего сделать не мог. Время шло, горы росли со всех сторон. Кадын свободно гуляла, а Алтын-нор все так же то спокойно молчал, то бушевал на том же месте в высокой каменной ограде.

Потом он стал чаще бушевать, громче реветь. Он почувствовал любовь к Кадын, ему захотелось во что бы то ни стало соединиться с ней, быть таким же свободным, как она и течь с ней вместе к Северному океану. Золотое дно ему стало немило. Он готов был променять его на маленький кусочек свободы.

Но горы все росли, да росли.

А Кадын, узнав, что Алтын-нор влюблен, вздумала подшутить над ним. Она устремила на север и сказала:

— Любишь — догонишь и хоть где найдешь.

Взбурлился Алтын-нор, услышав такие слова. Он стал сильнее и храбрее вдвое. Начал биться о каменные стены, не жалея себя. Поднимал гребни волн с горами наравне. Но лишь некоторые волны, взгромоздясь, перекатывались через хребты гор.

Утихнет, отдохнет немного и снова принимается бушевать, сердито набегая на северную и западную стены, мешающие встретиться с Кадын.

А горы все росли.

Дорога для Алтын-нора любовь. Но свобода всего дороже.

Дошел он, наконец, до отчаяния; начал биться без разбора во все окружающие его скалы. Стал разрушать их, подминая под себя, чтобы подняться выше гор, как по ступеням, и вырваться из каменной огады.

И вот ему удалось пробить дорогу на северо-восток. Рванулся богатырь в пробитые ворота, как разъяренный тигр, и ринулся вперед, разрушая все преграды на своем пути.

Оказавшись на свободе, он назвался Бием. Еще много верст горы мешали ему с Кадын соединиться. Да то уж не преграды. Сильный Бий сметал их без остатка.

Прошло двадцать пять лун, прежде чем удалось Бию догнать любимую Кадын и с нею слиться.

Встретились они уже не в горах, а среди широких полей, обнялись крепко и потекли одной дорогой на север, весело шумя.

Теперь вдвоем они разрушили бы что угодно, никакие горы не смогли бы преградить им путь, но гор им больше не встречалось. По обе стороны раскинулись зеленые поля, березовые рощи, да тайга на сотни верст.

Шли друзья не расставаясь. Весной выйдут на берег, погуляют по лугам и опять сойдут в русло. Зимой одевались льдом и шли, не говоря ни слова.

Однажды раннею весной меж друзьями разгорелся спор: под чьим же именем итти им дальше.

Немало хвастал Бий своими подвигами.

Но Кадын ответила ему: «Ты от рождения назван Алтын-нором, потом оставил это имя, Бием стал. Значит, и теперь оставишь свое имя и пойдешь под именем моим. К тому же я рождена от солнца Белухой — гордостью и красой Алтая, не то, что ливень твой, пронесшийся, как ураган, родил тебя и навек скрылся. Белуха веки-вечные на своем месте, выше всех и краше на Алтае! А разве путь мой твоего короче, или теку я медленней чем ты? Я пойду до Северного океана, волюсь в него и буду счастлива, а ты, если не желаешь, можешь возвращаться и бушевать меж скал.

Бий вначале загордился и хотел, было, обратно повернуть. Но через мгновение убедился, что назад ему нет ходу; так и влечет его Кадын с собой.

Шесть лун они молчали, но весною снова разгорелся спор; кто кого быстрее, кто светлей, на чьих берегах больше золота, кто лесу больше поднимает...

Не появивсь человек у места их слияния, они бы и поныне спорили.

— Послушайте, — сказал им человек, — вы сильные и слабые, полезные всему живому. Мы гордимся вами и теми, кто родил вас. Белуха с вечными льдами возвышается, как царица гор, Алтын-нор — единственное море на Алтае.

Кадын думала, что человек навяжет имя Бия и собралась возражать.

Но человек сказал: «Пока вы врозь текли, звались как кому по нраву, а теперь вы — вместе, значит, ваше имя будет — Обь! Теките до Северного океана и служите народу сообща! Из малых двух стали вы одной великой. Дружней теките, принимайте Томь — красавицу хребта Ала-Тау, все притоки, станете еще сильнее.

Так с тех пор поныне Обь великая течет через всю обширную, богатую Сибирь.

Алтын-нор — золотое озеро (Телецкое озеро).

Кадын — женщина (Катунь).

Бий — мужчина (Бия).

Белуха — высочайшая гора Алтая.

Михаил НИКИТИН

В долинах Мрас-су*)

Специалисты-литературоведы, изучающие литературы народов Советского Союза, едва ли имеют хотя бы смутное представление о существовании шорцев. Небольшой этот народ, обитающий в горах южной части Кузбасса, принадлежал до революции к категории так называемых «гиблых племен», то есть племен, которые, в ответ на дикий произвол царских колонизаторов, тихо и безропотно вымирали.

Дореволюционные этнографы отмечали в свое время постепенное, но неуклонное уничтожение шорцев, как народа. Вот, например, выдержка из сочинения одного путешественника, побывавшего в Горной Шории во второй половине прошлого века:

«...Проезжая по Мрассе, я могу убедиться, что население шорцев вымирает и лишь слабеющей рукой держится за свое существование, только оттягивая срок своего исчезновения с лица земли...»

Октябрьская революция буквально спасла шорский народ от гибели. Освобожденный от вековых своих угнетателей, народ стал возрождаться. Достаточно обратиться к статистике, чтобы найти подтверждение этому в высшей степени отрадному факту: за треть-вековое существование Советской власти численность шорцев в нашей стране почти утроилась.

Сказочной живой водой сбрызнула революция леса и долины Горной Шории — в заброшенных ранее поселениях шорцев расцвела новая жизнь, светлая и радостная. Советская действительность вторглась в непроходимые дебри Шории железными до-

рогами, рудниками, рабочими поселками. Электростанции осветили тайгу. На месте жалких охотничьих стоябищ возникли колхозные деревни, с прекрасно оборудованными школами и больницами, детскими садами и клубами. Сотни и тысячи шорцев, чьи отцы знали только одно занятие — охоту, стали железнодорожниками, рабочими рудников и геологических партий, из среды маленького народа выделились свои инженеры и врачи, учителя и артисты, колхозные организаторы и представители Советской власти. Так, самым фактом своего существования освобожденный шорский народ лишний раз ниспровергает расистские бредни фашистских маркобесов о так называемой «исторической обреченности-вымирающих племен».

Вопреки мрачным прогнозам, (один из которых был приведен выше), шорский народ крепнет, растет и даже создает свою литературу.

Перед нами книга первого шорского писателя Федора Чиспякова. Называется она «В долинах Мрас-су». Автор собрал в этой книге стихи и прозаические произведения, созданные им за пятнадцать, примерно, лет литературной деятельности.

Нужно сразу же сделать оговорку: рецензируемая книга охватывает лишь часть творчества нашего автора. Творчество это очень разнообразно. Прежде всего он — очень активный переводчик русской литературы: благодаря его переводам, шорцы получили доступ к таким произведениям русских классиков, как «Капитанская

*) Ф. Чиспяков «В долинах Мрас-су», Стихи и проза. Новосибирск.

дочка» А. Пушкина, как рассказы Л. Толстого и М. Горького. Им составлен также капитальный русско-шорский словарь, (к сожалению, не увидевший пока света). Ему же принадлежат, наконец, и первые записи шорского эпоса.

Последнее обстоятельство представляется нам особенно важным, потому что изучение эпоса несомненно сказалось и на оригинальном творчестве поэта. Так, маленькие главы поэмы, открывающей рассматриваемый нами сборник, не случайно называются песнями: от народных песен они заимствуют их форму, их образный строй и даже их строфику. Это придает поэме особую выразительность, но в то же время сковывает автора и даже несколько вредит ему, потому что из-за множества традиционных повторов и иных украшений в поэме очень мало движения.

Несомненно удачнее пользуется автор традиционной формой эпической песни для выражения сегодняшних чувств и чаяний своего народа, связанных с великими именами Ленина и Сталина.

Примечательна в этом смысле песня о Ленине, которую мы приводим ниже в сокращенном виде:

...Жил народ в нищете, в обиде;
Наши слезы Ленин увидел.

Вывел нас из нужды, из тьмы,
В Октябре победили мы.
И дорога его светла —
Прямо к счастью нас привела.

Аргыш Ленин могучий угас —
Слово Ленина есть у нас,

Наш любимый Ленин угас —
Сердце Ленина бьется в нас!
Дело Ленина в нас живет —
Славный Сталин народ ведет.

Чтоб вперед и вперед нас вести —
Аргыш Сталин любимый есть!...

Образы Ленина и Сталина глубоко вошли в сознание шорского народа. О Сталине поет охотник в тайге, о нем же, не называя его имени, поет старая шорка, радующаяся колхозной жизни, в которой ее сыновья поднялись, «как лес молодой, стройны».

Автор увлеченно воспекает то новое, что принесла Советская власть шорскому народу: комсомол «в тайге

возросший», Советскую Армию, у которой «корни крепкие вросли в глущину родной земли», «ковровые дуга» в горных долинах, наконец-то расцветшие для народа. Природа занимает в лирике Чиспякова, одно из главнейших мест. В сборнике можно найти немало чисто пейзажных, на первый взгляд, стихотворений, но в них всегда и неизменно присутствует большая и торжественная мысль: все это земное пиришество отныне уготовано для трудящегося человека. Именно поэтому и восклицает человек в тайге:

Солнце восходит теперь для нас,
Свет раскрылся для наших глаз...

Есть в рецензируемой книге не-большой стихотворный цикл, объединенный общим заглавием — «Лучинная лампа». В стихах этого цикла речь идет о том, как на смену лучине, освещавшей прежде шорские жилища, зажглась керосиновая лампа, и как ее в свою очередь сменил электрический свет, которым советские люди озарили тайгу. Впрочем, стихов нельзя пересказывать, приведем в сокращении одно из стихотворений этого цикла:

В куче мусора лучина
Обгорелая чернела
И на лампу с керосином
Недовольная глядела...

— Чем ты хвалишься, хозяйка?
Ты — отменная лентяйка:
Стены белые повсюду,
Ты избу не мажешь сажей,
И тебя не любят люди,
Не ухаживают даже!...

Но однажды лампу сняли,
Керосина слив остатки,
И к лучине затолкали
Под шесток на мусор гадкий.

И злорадно торжествуя,
Захихикала лучина:

— Вот посмотришь, как горю я
Без стекла и керосина!
Огоньком горю, мигаю,
Копоть хлопьями роняю.
Ты — в отставке, и понятно,
Позовут меня обратно!

— Вот болтушка, затрещала
Ничего не понимая... —
Лампа тихо проворчала,
Ей дорогу преграждая,

Посмотри на чудо это —
Росту, как в яйце курином,
А горит бездымным светом
Лампочка без керосина!

Пролетело время наше —
Будем в мусоре пылиться...
С той, что нас новей и краше,
Нам и спорить не годится...

— Нет, — лучинка зашипела, —
Не хочу сдавать оружия:
Ты свое уж отгорела
И она свое отслужит.
Вот тогда поторжествую,
Коли всех переживу я!..

Нагнала б лучинка страху,
Да распалась черным прахом!

Чрезвычайно простыми средствами в осязаемой, в материально-вещной конкретности поэт изображает движение своего народа в историческом времени. Стихи этого цикла — бесспорная удача автора, а также, добавим мы — и переводчика Елизаветы Стюарт, которая, на наш взгляд, внимательней и строже, нежели другие переводчики Чиспякова, отнеслась к своей работе и дала лучшие в книге переводы.

Перейдем к разделу прозы. Этот раздел открывается рассказом «Шолбан», впервые опубликованным в 1937 году (в сборнике «Новая Шория») и написанным еще в 1936 году или 1935 году. Время написания рассказа нужно отметить потому, что оно совпадает с тем периодом в творчестве Чиспякова, когда он занимался переводом произведений Горького. Влияние горьковского рассказа «Макар Чудра» явственно ощутимо на этом раннем произведении шорского писателя.

Как и в «Макаре Чудре» повествование в «Шолбане» ведется у костра, под звездами. В качестве повествователя выступает старик Канза. Тон повествования романтически приподнят.

Повторя сюжетную схему большинства авторов национальных литератур в период становления национальной прозы, Чиспяков рассказывает нам в «Шолбане» историю байского сына и девушки из бедняцких слоев народа. Эта девушка, по имени Шолбан ненавидит байского сына Тоспана, который хочет на ней жениться. Отвергнутый жених похи-

щает девушку. Но она предпочитает гибель нежеланному замужеству и со связанными руками опрокидывает лодку, в которой ее везет похититель. Героическая смерть вызывает гнев в сердцах байских батраков и они восстают против своих хозяев.

Обо всем этом повествует очевидец гибели девушки старик Канза. Приподнято-напевный тон его повествования подчеркивает зависимость произведения Чиспякова от горьковского «Макара Чудры».

Написан «Шолбан» в форме сказа. В подлиннике у автора несомненно были интонации живой речи, придающие сказу прелесть не написанного, а как бы произносимого и слышимого слова. К сожалению, переводчик «Шолбана» Г. Павлов не справился со своей задачей и превратил сказ из произведения произносимого в произведение сугубо книжное. По его воле пастух Канза, от имени которого ведется сказ, разводит такую литературщину:

— «Наши руки уже одеревятели. Перед глазами порою роились блестящие искорки, временами расстилался мутный сумрак».

Трудно, конечно, судить о качестве перевода, не зная подлинника. Наша оценка переводческой работы Г. Павлова основана на том, что рядом с переведенным им произведением помещен рассказ «Чулеш», переведенный Евг. Ивановым. В «Чулеше», как и в «Шолбане» личность автора подменена подставным лицом знаменитым Кайчи, то-есть певцом Ак-Метом. «Чулеш», как и «Шолбан» написан в форме сказа, но переводчик здесь донес до читателя интонации живого слова Кайчи.

В «Чулеше» рассказана история бедного шорца и его русского друга, сосланного в тайгу царскими властями. Русский и шорец несколько лет живут бок о бок. Когда для русского наступает, наконец, день освобождения, он приносит своему шорскому другу «кусочек золота с вершины горы и целый мешок тяжелых камней, которые звал он железной рудой».

После отъезда русского до тайги докатывается весть о свержении царя. У власти встают люди, которые борлись против царизма, то-есть такие же люди, как тот русский, который был другом шорца Чулеша. Чулеш хочет показать «советским на-

чалынкам» те самые черные камни, которые подарил ему русский друг. С этой целью он и отправляется в путь. Но его встречают совсем не те люди, которых он ищет: сбежавшие в тайгу кулаки обыскивают шорца и находят в его мешках черные камни. Шорец гордо заявляет, что он везет эти камни «советским начальникам». Кулаки убивают Чулеша, однако его смерть так же, как и смерть Шолбан, способствует торжеству новой жизни: сын Чулеша продолжает путь отца, чтобы указать советским людям гору, в недрах которой залегла руда.

Таков несложный сюжет «Чулеша». Этот рассказ так же, как и рассказ «Шолбан», относится к ранним произведениям Чиспиякова.

Повесть «В долинах Мрас-су», давшая заглавие всей книге, отмечена уже чертами более зрелого писательского возраста. У автора появляется здесь реалистическая манера письма.

Повесть, повидимому, автобиографична.

Ее герой — шорский мальчик Санан предстает перед читателем в обстоятельствах исключительных и даже трагических: умирает мать Санана, с которой он жил в тайге, — и вот мальчик мечется в лесных дебрях в поисках человека, к которому бы он мог прислониться в беде. Грозные опасности подстерегают мальчика на каждом шагу. Лишь случайно происходит его встреча с русским человеком, который дает ему хлеб и ободряет его. Переночевав в лесу, они расстаются. Мальчик знает только, что случайного спасителя зовут Зиминым, но сердце его сразу же наполняется чувством горячей привязанности к незнакомцу. Ободренный его лаской, он отправляется в селения, надеясь найти помощь у людей. Однако в первом же улусе ему приходится стать байским батраком. Нелегкой оказывается жизнь «в людях»: Санан переходит от одного бая к другому, но всюду его ждут издевательства и унижения.

Только на одно мгновение улыбается счастье жалкому мальчику, — ему удастся снова встретиться с Зиминим. Теперь он узнает этого человека несколько обстоятельней, нежели при первой встрече, когда он,

Санан, «как мышь из норы, выбежал из тайги». Он узнает, что Зимин — большевик, что он борется с богатыми и хочет объединить бедняков. Когда бай, с помощью русских кулаков, схватывают Зимина, Санан помогает ему бежать.

Вторая встреча с Зиминим оставляет особенно глубокий след в сознании мальчика.

— «Как весело было бы работать вместе, вместе корчевать тайгу!» — раздумывает он.

Но время для осуществления мечты еще не пришло: мальчик слишком слаб, а бай слишком силен... Во второй части повести мы видим Санана в облике юноши, способного уже на противодействие байскому произволу.

Власть баев еще крепка. Пользуясь нэповскими временами, они еще благоденствуют в своих крепких и теплых домах. Но буря уже надвигается, в народе не заметно прежней покорности и бедняки нет-нет да дают отпор. Не случайно сокрушается всемогущий Тастак-бай:

— «Тяжелые годы, тяжелые годы!»...

И совсем не случайно, что Санан и батрак Максим поднимают руку на Карам-бая. Правда, смельчакам после этого приходится бежать в тайгу потому, что на сторону баев встает их пособник и родич, пробравшийся на пост председателя волостного исполкома. Кулацкий выродок грозит Санану и его другу всяческими карами, но они чувствуют свою правоту, а народ поддерживает их. Бай предательским выстрелом убивают Максима... Санан не прекращает борьбы. В последней главе речь уже идет о торжестве Санана. Байский произвол сломлен, народ устанавливает свою власть.

Таково содержание повести. Небольшая по объему, она вместила в своих пределах значительное количество действующих лиц. Они стеснились так, что читатель не может их всех разглядеть. Но если эпизодические, а потому и необязательные персонажи (например, Корней и Анюта, Карок и его мать) изображены с небрежной поспешностью, то образы главных действующих лиц — Санана и Максима, Тастак-бая и Пагда-паш очерчены достаточно полно и ярко. Автор проявил несомненное умение

психолога-портретиста: характеристики его запоминаются, потому что они подкреплены тонкими и живописными наблюдениями.

Переведена повесть вполне удовлетворительно, но в упрек переводчику следует поставить злоупотребление шорскими терминами: зачем понадобилось ему наполнять русский текст такими словами, как «шаал» и «ша-бур», когда у него была полная возможность написать по-русски — «очаг» и «кафтан»?

Подведем итоги: книга Ф. Чиспиякова интересное литературное явление. Нужно, чтобы он углублял и продолжал свою работу. Особенно нуждается в продолжении его повесть «В долинах Мрас-су». В повести пока описаны детство и юность Санана, совпавшие с периодом становления Советской Шории. Нужно, чтобы автор рассказал о зрелых годах своего героя и своего народа.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Академик И. П. БАРДИН — Гурьевский завод (вспоминания)	3
К. БРАНЧУКОВ — Песня о Сибири. Стихи	14
В. ГЕРАСИМОВ — Отчизне. Стихи	15
А. КОСАРЬ — В дороге. Стихи	16
И. ХОВЕС — Из горной Шории. Стихи	18
К. УСТЬЯНЦЕВ — Новоселье шорцев. Стихи	22
А. ВОЛОШИН — Земля Кузнецкая. Роман. (Часть вторая)	23
В. АФАНАСЬЕВ — Встреча. Стихи	154
К. ГРИГОРОВ — Весна. Стихи	156
А. КОЗЛОВ — Песня. Стихи	158
Г. МОЛОСТНОВ — Кузбасс. Стихи	159
И. ЗЫКОВ — Восхождение на Большой Таскыл. (Очерк)	161
М. НЕБОГАТОВ — Дорога в жизнь. (Из поэмы о шахтерах)	171
Казачий сын Михайло Волков—первооткрыватель Кузнецкого бассейна	180
Н. САВЕЛЬЕВ — Первая в мире рельсовая дорога. (Очерк)	182
Т. ЧЕРНОВ — Бий и Кадын. Легенда	191
М. НИКИТИН — В долинах Мрасс-су. Библиография	194

Стр.

76

102

112

145

160

183

183

Редактор А. БАБАЯНЦ

Редколлегия: Ф. ДЕМИН, А. КОСАРЬ (литературный секретарь),

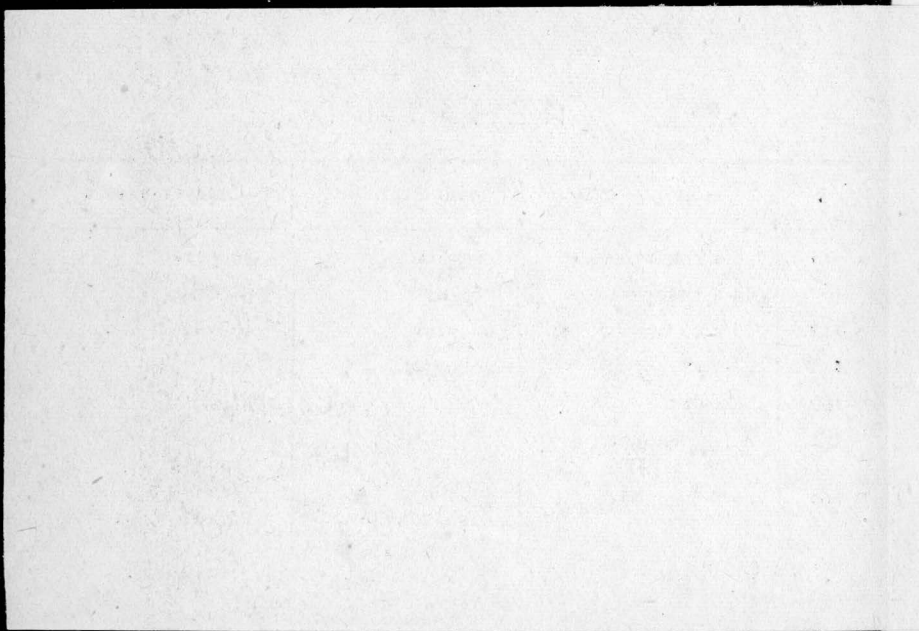
В. ПОПОВ, Н. ТРОИЦКИЙ.

Подписано к печати 1-X-1949 г. Печ. лист. 12¹/₂ Уч. изд.-л 13,4.
Заказ № 2478. 47.000 зн. п. л. Тираж 10.000. ОП13531.

Типография издательства «Кузбасс» г. Кемерово, ул. Сталина, 74.

О П Е Ч А Т К И

Стр.	С т р о к а	Напечатано	Следует читать
76	9-я снизу	утереть	упереть
102	14-я снизу	сброил	сбросил
112	15-я снизу	получит	получил
145	7-я сверху	всмомнил	вспомнил
160	28-я сверху	пошут	пашут
183	в 1-й колонке 31-я сверху	гезенга	гезенка
183	во 2-й колонке 6-я снизу	выполнявшим	выполнявших

ДЕНЬГИ
на покупку
ЦЕННЫХ
ВЕЩЕЙ

МОЖНО
НАКОПИТЬ
НА

СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ
КНИЖКЕ

ХРАНИТЕ
ДЕНЬГИ
В
СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ
КАССЕ!

Цена 7 руб.

50 к

НЕ ТОЛЬКО ТРУДОМ, НО И СВОИМИ СРЕДСТВАМИ
УЧАСТВУЙТЕ В ВЕЛИКОМ ДЕЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
СССР

ПРИБОРЕТАЙТЕ

ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ ШЕСТЬ ОСНОВНЫХ И ОДИН
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ ВЫГРЫШЕЙ.
ОСНОВНЫЕ ТИРАЖИ СОСТОЯТСЯ: 30 ЯНВАРЯ, 30 МАРТА, 30 ИЮНЯ,
30 ИЮЛЯ, 30 СЕНТЯБРЯ И 30 НОЯБРЯ,
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ ВЫГРЫШЕЙ 30 СЕНТЯБРЯ КАЖДОГО ГОДА.

В ОСНОВНЫХ ТИРАЖАХ УЧАСТВУЮТ ВСЕ ОБЛИГАЦИИ, НЕЗАВИСИМО ОТ
СРОКА ИХ ПРИОБРЕТЕНИЯ. В ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ТИРАЖАХ УЧАСТВУЮТ ОБЛИГАЦИИ,
ПРИОБРЕТЕННЫЕ НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ ЗА ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ ДО СРОКА ТИРАЖА

В КАЖДОМ ТИРАЖЕ
НА ОДИН РАЗРЯД
ЗАЙМА В ОДИН
МИЛЛИАРД РУБЛЕЙ
РАЗЫГРЫВАЕТСЯ
СЛЕДУЮЩЕЕ
КОЛИЧЕСТВО ВЫГРЫШЕЙ:

Размер выигрыша	В основном тираже	В дополнитель- ном тираже
100 000 рублей	—	1
50 000 рублей	2	5
25 000 рублей	5	25
10 000 рублей	25	80
5 000 рублей	80	800
1 000 рублей	700	2300
400 рублей	7680	8280
ВСЕГО	8500	11580

ОБЛИГАЦИИ
Займ ПРОДАЮТСЯ И ПОКУПАЮТСЯ
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ